

ПИКТЫ

Таинственные воины древней Шотландии

ББК 63.3(0)4
Х38

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хендерсон Изабель

Х38 Пикты. Таинственные воины древней Шотландии / Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 217 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 5-9524-1275-0

Изабель Хендерсон, один из лучших знатоков истории пиктов, рассказывает о самом таинственном народе в изобилующей загадками истории древней Британии. Маленькое племя, как считают ученые, бесстрашно сражалось с римлянами, однако все, что связано с пиктами, до этого периода и после него, окутано мраком неизвестности. Не осталось их письменных документов, зато сохранилось огромное количество памятников монументального искусства, содержащих сложную и совершенно непонятную символику. Хендерсон предлагает различные гипотезы, воссоздающие образ жизни древнего народа, его традиции и верования.

ББК 63.3(0)4

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Текст предлагаемой читателям книги требует ряда комментариев. В связи с тем, что работа И. Хендерсон рассчитана на британскую аудиторию, и даже не столько на британцев, сколько на шотландцев, как правило, достаточно хорошо знающих историю своей страны, им не нужно лишний раз объяснять, когда туда пришли римляне и кем был и когда жил святой Колумба. Для россиян, интересующихся историей, мы сочли необходимым кратко напомнить основные события истории Великобритании I—VIII веков.

• Завоевание Британии, начавшееся с экспедиции императора Клавдия в 43 году н. э., привело к покорению большей части острова и созданию римской провинции Британия, жители которой — бритты — постепенно стали перенимать римский образ жизни и обычаи, носить римские имена и служить в римской армии. Племена крайнего севера остались свободными. Для защиты от их набегов во II веке н. э. был построен сначала каменный Адрианов вал (по приказу императора Адриана), а несколько десятилетий спустя — земляной Антонинов вал (в честь императора Антонина Пия).

С конца III века, после периода смуты в самом Римском государстве, усилились набеги как северных племен — пиктов, героев этой книги, так и жителей соседнего острова Гибернии (Ирландии), которых в Британии называли скоттами. После падения римского господства в начале V века римская провинция оказалась предоставлена самой себе — то ли потому, что центральной власти было не до Британии, то ли из-за сепара-

тизма бриттской элиты. Видимо, в середине V века бриттские властители приняли роковое решение: для защиты от набегов они пригласили германских наемников, которые спустя недолгое время взбунтовались, перерезали своих хозяев и захватили значительную часть острова. Так в Британии появились англы, саксы и юты (эти племена в общем называют *англосаксами*), и часть острова стала называться Англией.

Более мирными переселенцами оказались, как это ни парадоксально, те самые ирландцы-скотты, от набегов которых англы должны были спасти Британию. Ирландские колонии появились в Корнуолле и Уэльсе. Там переселенцы вполне уживались с романизированными бриттами. Одно из свидетельств тому — надгробные надписи V—VII веков. В них встречаются и латинские имена, написанные ирландским огамическим шрифтом (например, Виктор, Виталиан), и люди с ирландскими именами, чьи родичи носили латинские имена (Икориг, сын Потентина).

Селились скотты и на севере. Именно от скоттов северная часть Британии и получила свое современное имя — Шотландия. Первым королем скоттов в Британии считается Фергус, сын Эрка, умерший, как считали средневековые ирландские историки, в 500 году. Фергус был представителем правящей династии североирландского королевства Дал Риادا¹. В течение почти полутора столетий королевство существовало на обоих берегах пролива — в Ирландии и в Шотландии, и им управлял один король.

Таким образом, к середине VI века на севере Британии сосуществовало (отнюдь не мирно) четыре народа.

Во-первых, это ирландцы, они же скотты, объединенные в королевство Дал Риادا. Именно династия Дал Риады в середине IX века сплотила Шотландию и, положив конец независимости пиктов, смогла достойно противостоять напору англосаксов и викингов.

Во-вторых, на севере появились англосаксы (точнее говоря, именно англы), которые образовали несколько своих коро-

¹ Слово «дал» родственно с русским «доля». «Риادا» сопоставляется с основой, означающей «колесо», и должно было означать что-то вроде «владельцы колесниц». Таким образом, Дал Риада — это «удел владеющих колесницами».

левств. Мелкие королевства Дейра и Берникия к первой половине VII века исчезли, уступив место крупной державе — Нортумбрии, которая стала одним из наиболее могущественных государств англосаксов в Британии, соперничая с южными единоплеменниками — Кентом, Уэссексом и Мерсией.

В-третьих, несмотря на давление со стороны англосаксов и скоттов, на севере сохранились королевства бриттов. После ухода римлян у бриттов появились свои короли. Отчасти это были представители местной знати, отчасти — бывшие командующие римскими военными частями и их потомки. Нашествие англосаксов положило конец бриттской государственности на значительной части территории Британии. Бриттским остался Корнуолл, Уэльс (королевства Повис, Дивед, Гвинедд и другие) и северо-запад Британии, где сформировались королевства Стратклайд, Регед, а также быстро исчезнувший Манау Гододдин. К началу IX века бриттские королевства прекратили свое существование — в основном в результате натиска англосаксов.

И в-четвертых, на севере Британии в то время жили и исконные обитатели этих земель — пикты, о которых и рассказывает книга И. Хендерсон.

Переводчик сердечно благодарит доктора филологических наук Т.А. Михайлову за содействие в подготовке этого издания, а также искусствоведа К. Ляховую за помощь в переводе искусствоведческой части этой книги.

Н.Ю. Чехонадская

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пикты считаются самым загадочным народом в истории раннего Средневековья Британии, где и без того много загадок. Мы знаем, что пикты жили за пределами Адрианова вала и были бесстрашными врагами римлян, однако до этого периода и после него история пиктов окутана мраком. Люди, как правило, знают о пиктах только то, что о них известно очень мало. Нет практически никаких пиктских документов, и ученые до сих пор не могут дать ответы на самые элементарные вопросы о пиктах: кто они были, на каком языке говорили, как сами себя называли и что случилось с ними после того, как они попали под власть скоттов. Мы располагаем огромным количеством памятников пиктского монументального искусства, но, к сожалению, даже эти памятники, которые могли бы вызвать интерес к пиктам и подчеркнуть историческое значение этого народа, содержат сложную, но совершенно непонятную для нас символику. Едва ли стоит удивляться тому, что даже в самой Шотландии пиктов считают странным и, по-видимому, отсталым народом, которому не удалось оставить хоть сколько-нибудь заметный след в истории.

Однако это распространенное мнение не отпугнуло историков. Для любителя шотландских древностей ис-

тория пиктов стала областью, где можно вдоволь разгуляться. Когда фактов так мало, появляется множество теорий, развивая которые ученые проявили недюжинный ум и изобретательность. Один автор в 1927 году жаловался на «появившийся в последнее время нездоровый интерес к пиктам», а в 1947-м некий ирландский историк даже определил этот интерес как «пиктоманию».

Тем не менее на фоне ожесточенных споров по различным мелким вопросам был проведен целый ряд фундаментальных исследований, и мне хотелось бы подчеркнуть, что моя работа во многом зависит от того, что уже было сделано историками прошлых поколений. Трехтомное историческое повествование Ф. Скина «Кельтская Шотландия» (1876—1880) все еще является полезной основой для изучения этого периода, хотя специальные исследования, опубликованные позже, изменили точки зрения на некоторые вопросы. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что рассказ о пиктах не мог бы быть создан без помощи первого тома «Ранних источников по шотландской истории» А.О. Андерсона (1922). При написании первой главы этой книги я во многом основывалась на собрании статей специалистов, изданном доктором Ф.Т. Уэйнрайтом под удачным названием «Проблема пиктов» (1955). Этот сборник стал поворотным пунктом в изучении пиктов. В предисловии доктор Уэйнрайт писал: «Мы снова и снова удивлялись тому, как наши разные подходы привели нас к одним и тем же выводам. Несколько незначительных расхождений во мнениях осталось, однако наше общее согласие по многим вопросам все-таки перевесило. Это совершенно новое явление среди тех, кто изучает пиктов...»

Изучение пиктов отнюдь не стало отработанной жилой, как часто думают. Сейчас эта наука постоянно развивается, и перед ней открываются новые перспективы.

Подготовлено новое издание важнейшего источника — списка пиктских королей, и последние археологические исследования железного века Шотландии обязательно бросят свет на раннюю историю пиктов. Началась действительно чисто пиктская археология. Происходит сбор и изучение географических названий.

С самого начала следует признать, что мы не только многого не знаем о пиктах, но и, скорее всего, многого никогда не узнаем. Единственный пиктский письменный памятник, который дошел до нас, — это список королей с указанием продолжительности их царствования, самая примитивная форма исторической записи. Мы не располагаем пиктскими законами, летописями, хартиями, житиями местных святых, церковными календарями, мартирологиями или собраниями пиктских преданий и стихов. Эти пробелы сами по себе огромны, и к ним следует добавить еще один, самый огромный: нам неизвестно ни одно полное предложение, написанное на пиктском языке. Таким образом, лицо пиктского народа навсегда утрачено для нас. Все то, что придает раннесредневековой Ирландии и Уэльсу их особый характер, их очарование, все, что позволяет нам, даже спустя столь долгое время, по-новому понять особенную душу этих кельтских народов, у пиктов отсутствует и может быть обнаружено, наверное, только по невероятной случайности.

Единственное исключение — это работы пиктских камнерезов, которые дают нам единственную точку соприкосновения с пиктским менталитетом. Искусство пиктов — совершенно особенное, очень выразительное; оно говорит с нами на том же языке, что и современное искусство. Судя по всему, пиктское искусство зародилось в обществе чутких, знающих, понимающих людей со своими национальными особенностями. Поэтому потеря пиктских законов, литературы, пиктской учености является трагедией.

Фонд Карнеги для университетов Шотландии предоставил мне щедрый грант для иллюстрирования этой книги. Фонд также профинансировал мои исследования пиктских источников и пиктского искусства, и я рада возможности выразить ему свою признательность.

Я также весьма обязана господину Р.Б.К. Стивенсону, хранителю Национального музея древностей Шотландии, который очень помог мне с фотографиями и стал научным руководителем моей работы по пиктскому искусству.

Самую большую благодарность я должна выразить госпоже Норе К. Чэдвик, которая впервые познакомила меня с пиктской проблемой и которая умело, со свойственными ей обширным опытом и интуицией, направляла мою работу по пиктам в Кембридже. Я очень горжусь тем, что стала одной из многих ее учеников, которые пользовались ее безграничной поддержкой, вдохновением и дружбой.

И. Х.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА

Пикты — так античные писатели начиная с конца III века н. э. называли племена, обитавшие на крайнем севере Британии. Вместе с приходившими с запада скоттами пикты вторгались в римскую провинцию Британия (рис. 1). Происхождение слова «пикты» неизвестно, но, с точки зрения римлян, это было удобное общее наименование разнообразных племен, обитавших севернее устьев Форты и Клайда. Таким образом, использование термина «пикты» должно быть ограничено периодом после 300 года н. э. Все, что было до этого, следует называть «протопиктским», или скорее *притенским*, поскольку жители Римской Британии называли обитавшие на севере острова народы именно **Priteni*. В ирландских источниках это имя фигурирует как «круитни».

Авторитетная информация о жизни северных племен в *притенский* и позднеримский периоды изложена в двухтомной работе доктора Ф.Т. Уэйнрайта «Исследования по истории и археологии». Тема нашей книги — общий очерк пиктской истории, но в первой главе мы кратко остановимся на некоторых материалах, касающихся предыстории этого народа, а также некоторых отдельных вопросах, всегда занимавших первостепенное место в исследовании пиктов: языке, социальных обычаях.

ях и территориальном делении, которые уходят корнями в этот ранний период.

Самый важный источник для изучения доисторических племен тех областей, которые впоследствии стали пиктскими, — это карта Великобритании, составленная Птолемеем на основании источников I века н. э. Птолемей неправильно ориентировал северную часть острова, но, помимо этого, на карте все вполне узнаваемо. Интересующие нас названия лежат к северу (если исправить карту) от птолемеевского *Clotae aestuarium* (устье Клайда) и *Boderiae aestuarium* (устье Форта). Из показанного здесь фрагмента этой карты (рис. 2) мы видим, что область, которая впоследствии была заселена пиктами и которая ограничивается Мори-Ферт, Глен-Мор и линией Форт—Клайд, находилась в руках четырех племен: *каледониев, вакомагов, тедзалов и вениконов*.

Есть возможность более точно определить область расселения этих главных племен, отождествив названия мест и черты ландшафта, связанные на полной карте с их названиями. *Каледонии* занимали область от Бьюли-Ферт до Пертшира; их имя сохранилось в географических названиях, таких, как Данкелд и Шихаллион¹. По всей видимости, каледонии являлись большим и хорошо организованным племенем, которое обратило себе на пользу водные пути и перевалы своего центрального горного района.

Что касается места жительства племени *вакомагов*, то, по мнению профессора Иана Ричмонда, оно может быть связано с расположением римского лагеря *Пинната-Кастра*. Если этот лагерь действительно можно отождествить с римским фортом в Инчтухиле, на южном конце Стратмора, то его размещение на

¹ Ш и х а л л и о н — одна из самых высоких (1081 м) горных вершин Шотландии. Ее название интерпретируется как «волшебный холм» (smdh) «каледониев» (chaillon). (Здесь и далее примеч. пер.)

берегах Мори-Ферта является ошибочным и, таким образом, племя, на территории которого был расположен лагерь, также должно находиться совсем не там. Истинная родина вакомагов, таким образом, могла находиться в районе Стратмора, области между реками Тэй и Ди, которая теперь принадлежит графству Абердин.

Вениконов с достаточной уверенностью располагают между устьями Тэй и Форт, и связанное с этим племенем название *Оррея* отождествляется с римским фортом в Карпоу на южной стороне устья Тэй.

Если мы правильно расположили северные племена на карте, тогда можно сказать, что область, которая пятьсот лет спустя стала основным районом расселения пиктов, представляла собой шедшую с севера на юг по центру острова полосу, занятую каледониями, плюс территорию трех прибрежных племен востока — вениконов, вакомагов и тедзалов.

В рассказе о войнах императора Севера в начале III века н. э. историк того времени Кассий Дион утверждает, что страна к северу от линии Форт—Клайд была занята *каледониями* и *меатами*, двумя племенными группами, которых он называет «величайшими народами», поглотившими все остальные племена. Согласно Диону, меаты жили рядом с валом, а за ними — каледонии. Из истории их отношений с римлянами совершенно очевидно, что эти племена считали себя независимыми друг от друга.

Весьма вероятно, что территория, о которой идет речь, и есть область основного расселения пиктов и что те четыре племена, о которых сообщал Птолемей, объединились в два союза. Каледонии, скорее всего, и были теми самыми каледониями, о которых упоминает Птолемей, а если союз меатов действительно обитал близ Антонинова вала, то в него, скорее всего, входили вакомаги Стратмора и вениконы Файфа,

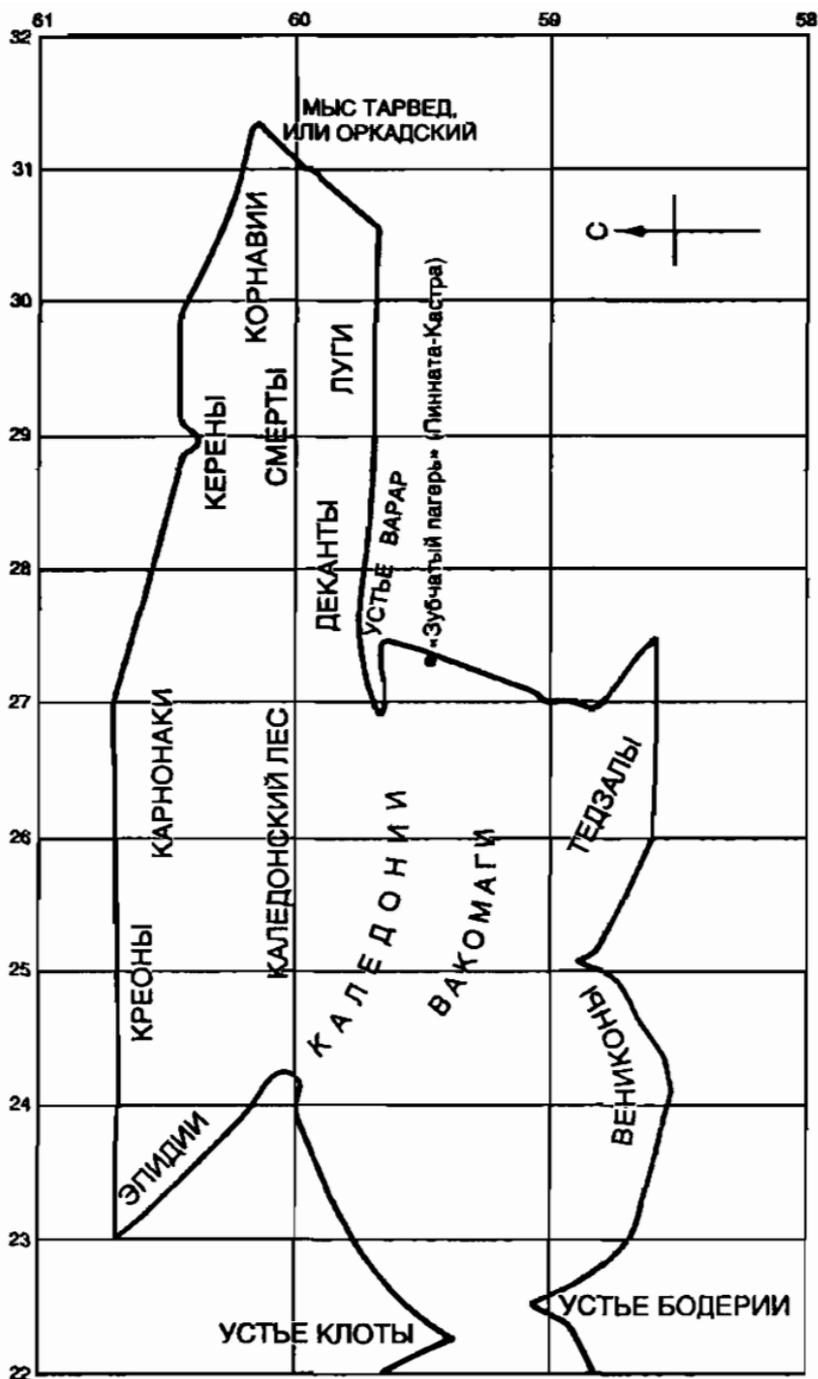

Рис. 2. Фрагмент Птолемеевой карты севера Британии (из пояснительной брошюры к карте Римской Британии, опубликованной Картографическим управлением)

к тому времени распространившиеся на территорию современного Стерлингшира. В какой союз вошли тедзалы, неизвестно.

Историк Аммиан Марцеллин, который писал во второй половине IV века, уверенно утверждал, что пикты делятся на два народа — *дикаледонов* и *вертурионов*. Первое название, весьма вероятно, обозначает тех же каледониев, но то, что вертурионы — это меаты, которые сначала были вениконами и вакомагами, можно только предполагать. Профессор Т.Ф. О'Рахилли положил в основу такого отождествления предположение, что «вениконы» — это ошибка в рукописи и следует читать «вертурионы». Однако профессор К.Х. Джексон обратил внимание на надпись, которая доказывает, что «вениконы» — правильная форма, и поэтому нам остается только придерживаться ничем не подтвержденных предположений, изложенных выше.

Тем не менее представляется очевидным, что со II по IV век основная область расселения пиктов была в политическом отношении разделена надвое, и можно предполагать, что эти две части, несмотря на то что их названия менялись, оставались стабильными политическими объединениями, которые разделяли Грампианские горы¹ (фото 10). Грампианские горы стали естественным барьером, который должен был всегда в какой-то степени разделять находившиеся по его разные стороны племена, однако в нем есть и много про-

¹ Название Грампианские горы появилось в Средневековье и происходит от неправильно прочитанного названия Mons Graupius. Так у Тацита именуется вершина на севере Британии, у подножия которой произошло решающее сражение римского полководца Агриколы с бриттами. Подлинное местоположение этой вершины неизвестно, однако название Грампианские горы закрепилось за горной цепью, которая до этого называлась просто The Mount — Гора. Сейчас термином The Mount иногда называют отдельные хребты Грампианских гор (так поступает и И. Хендерсон). Однако мы предпочли во всей книге сохранить знакомое русскому читателю общее название Грампианские горы.

ходов. Судя по нашим данным, водораздел между двумя племенными группами вполне мог проходить и по центру страны: каледонии на западе и три прибрежных племени — на востоке.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДО ПИКТОВ

Есть мнение, что пиктской археологии как таковой не существует. Если помнить о том, что есть очень мало строений и находок, которые можно с уверенностью отождествить с историческими пиктами, то это правда. Между тем последние достижения археологов в исследованиях кельтских поселений в пиктских областях в эпоху бронзового и особенно железного века достаточно значительны. Перед нами открываются новые перспективы относительно наиболее древней части пиктской эпохи. Сейчас археологи предпочитают называть этот период периодом «после брохов»¹ или периодом «до викингов», чтобы избежать ярлыка «пиктский», которым раньше злоупотребляли. Ведь в старину и брохи, и подземелья называли «замками пиктов» и «домами пиктов». Однако и брохи, и подземелья нельзя называть пиктскими, поскольку они принадлежат периоду до появления исторических пиктов, и их находят отнюдь не только в областях, которые позднее входили в историческое королевство пиктов. Тем не менее те, кто построил эти и другие современные им сооружения, по всей видимости, были предками какой-то части пиктского населения, и поэтому заслуживают здесь хотя бы самого общего упоминания.

Нам известно, что около 100 года до н. э. на севере произошло две колонизации. В основном это были

¹ О брохах см. ниже. Типичный брох, правда немного перестроенный в Средневековье (в русском тексте «боро»), описан в романе В. Скотта «Пират» (глава XXVII).

ФОРМИРОВАНИЕ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

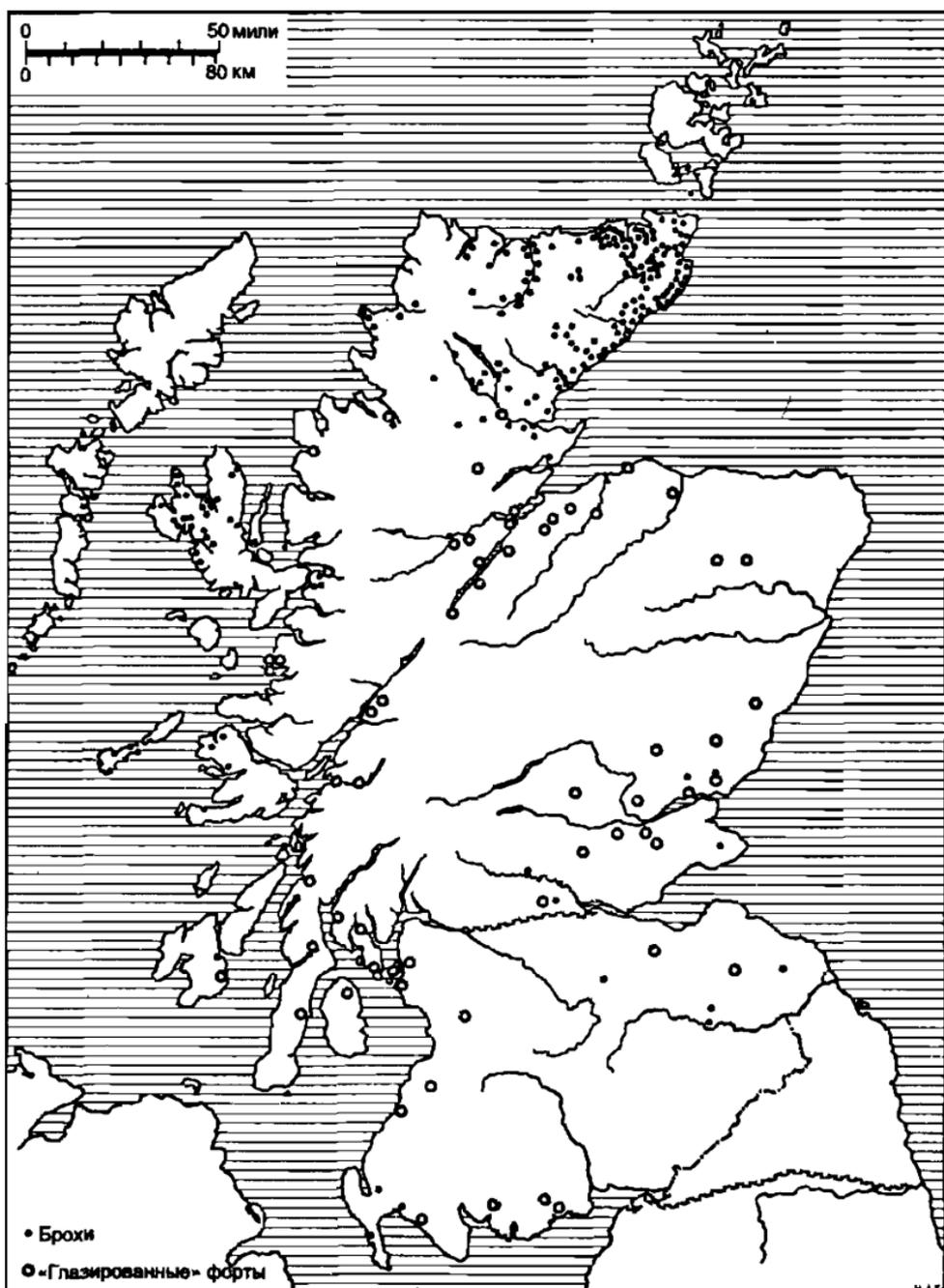

Рис. 3. Брохи и «глазируванные» форты материковой Шотландии (по Фикему)

движения беженцев, которые спасались от римского давления на Галлию и юг Британии. Путь, по которому они попали на север, нельзя определить с абсолютной уверенностью, однако представляется возможным, что по меньшей мере какая-то часть тех, кто переселялся на северо-запад, по дороге вошла в контакт с крупным племенем бригантов в Йоркшире. Большая часть восточных поселенцев, скорее всего, пришла по морю и попала в Шотландию по рекам Твид, Форт и Тэй. Характерной чертой западных поселений стал брох, а восточных — «глазированный» форт. Воспроизведенная здесь карта Ричарда Фихема (рис. 3) отражает их относительное распределение.

Характер эволюции брохов (фото 4) спорен, однако недавно была предложена доказательная гипотеза их происхождения путем естественного развития из маленьких круглых фортов с пустыми стенами. Настоящие брохи представляют собой башни, которые зачастую достигают высоты более 18 метров и имеют диаметр около 9 метров. Люди, которые построили брохи, имели, скорее всего, смешанное происхождение: они были потомками местных жителей бронзового века и пришельцев-кельтов, часть которых, как мы уже знаем, была связана с последней стадией британского железного века в области бригантов.

Планировка настоящих брохов на удивление однообразна. Можно думать, что они были построены в качестве реакции на определенную политическую ситуацию. Высота брохов предполагает, что их строители ожидали нападения врагов, которые превосходили их только числом, а вся оборона броха заключалась в том, что его хозяева должны были помешать врагам на него взобраться. В последнее время проведены интересные исследования с целью определить различные стадии постройки брохов. Предполагают, что первое заселение брохов было недолговременным, но затем

произошло возрождение интереса к брохам и веры в их полезность, и они снова появились в материковой Шотландии в качестве ответа на карательные экспедиции римского императора Севера в начале III века н. э. Можно видеть, что в более спокойных районах брохи были скоро заброшены, а места, где они стояли, заняты потомками носителей этой культуры — фермерами, жившими в домах-колесах.

«Глазированный» форт обычно имел овальную или продолговатую форму (фото 15). Стены из сухого камня переложены бревнами. В результате намеренного или случайного поджога этих бревен достигалась температура, при которой камни начинали сплавляться. Техника перекладывания камней бревнами напоминает описанную Цезарем «галльскую стену» (*murus Gallicus*). Однако только в одном шотландском форте, в Бургхеде (Элгиншир) бревна, как и у Цезаря, скреплены железными заклепками (рис. 4). Сейчас считается, что шотландские форты не происходят от галльских прототипов, смутная память о которых сохранилась у переселенцев, а являются частью давней строительной традиции, которую можно проследить в аналогичных сооружениях Уэльса и Северной Англии. Эта традиция относится к более ранней фазе британского железного века, истоки которого лежат в континентальных прототипах.

Поскольку приход строителей брохов на крайний север Шотландии более или менее совпал с появлением на юге строителей фортов, естественно, возникает вопрос, какая связь существует между двумя этими группами и существует ли она вообще. На этот счет есть разные мнения. Сэр Линдси Скотт считает, что у нас нет никаких данных о конфликтах между ними. Границы между этими двумя группами не менялись, и зоны распространения свойственных их культурам предметов взаимно исключают друг друга. Вместе с тем в последнее время Д.Р.К. Гамильтон писал: «Их взаимоисключающее рас-

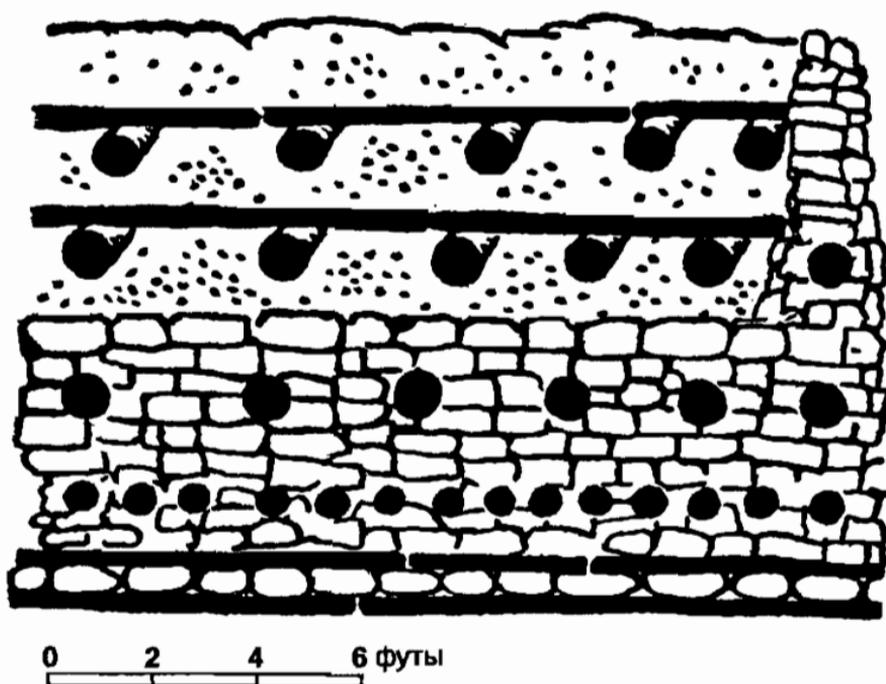

Рис. 4. Структура стены форта в Бургхеде, Мори. Видны бревна (по Янгу)

пределение, естественно, предполагает враждебные отношения между двумя племенами». Гамильтон приписывает сожжение многих бревенчатых фортов жителям брохов и считает, что распределение фортов показывает своего рода систему пограничной обороны на границе области обитателей брохов. Он приводит множество археологических и исторических свидетельств в поддержку своего мнения, в том числе и «природную» неприязнь племен-мореходов к жителям наземных крепостей.

К тому времени, когда в IV веке исторические пикты вышли на арену, культура брохов была в упадке. Сооружения, связанные с традицией строительства брохов, появились в IV веке на западе, однако к этому периоду брохи как таковые были или уже не в моде, или не нужны. Что происходило после того, как люди оставляли

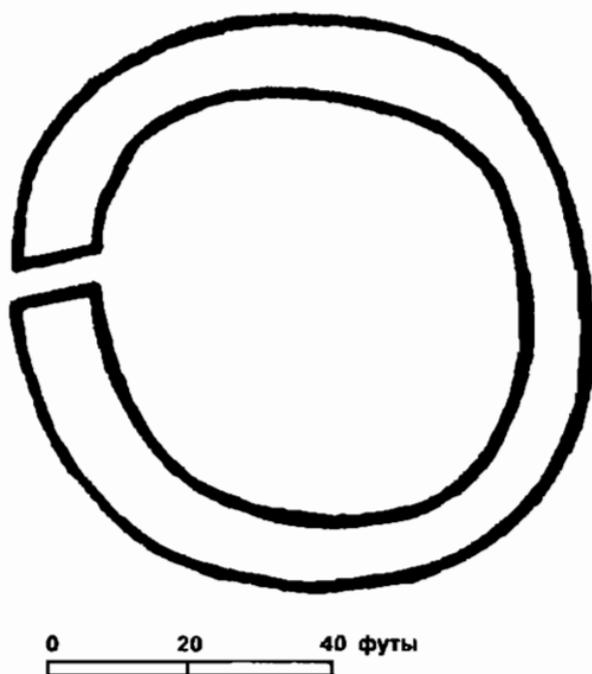

Рис. 5. Кольцевой форт в Дун-Геле, Глен-Лайон, Пертшир (по Уотсону)

брох, можно видеть в уникальной стратиграфической последовательности, сохранившейся в Ярлсхофе на Шетлендских островах (изложено Гамильтоном в его подробном отчете о раскопках в Ярлсхофе).

Во внутреннем дворе броха в Ярлсхофе была стена, и часть этой стены использовали в период непосредственно после оставления броха, чтобы возвести внутри двора большой круглый дом. В этом доме поселились потомки местных жителей, работавших на постройке броха. Во II или III веке н. э. прибыли новые люди, возможно, с севера Шотландии. Они осуществили ряд изменений в экономике и построили собственные жилища — дома-колеса — из камней, взятых из самой башни броха. Лучшее всего сохранившийся круглый дом в Ярлсхофе имеет диаметр 7,2 метра (фото 5). Область центрального очага

окружена семью покрытыми крышей спальнями, каждая из которых отделена от соседней каменной стеной. В плане это было похоже на колесо, что вполне соответствует общепринятому названию таких домов.

Фаза домов-колес в Ярлсхофе длилась довольно долго. Дома оставались населенными вплоть до начала IX века, когда на Шетлендские острова прибыли викинги. Во время позднего периода существования домов-колес Шетлендские острова, вероятнее всего, были частью королевства пиктов.

У переложенных бревнами фортов долгая история, и специалисты неоднократно подчеркивали, что некоторые из них могли быть построены историческими пиктами или что пикты могли там жить. То же самое можно сказать и о многочисленных остатках досредневековых укреплений в основной области расселения пиктов. В последнее время эти постройки были систематически каталогизированы и классифицированы Фихемом. Здесь мы приводим краткие результаты некоторых его исследований.

В описаниях построек раннего Средневековья часто фигурируют природные черты ландшафта, например скалы, которые использовали, чтобы усовершенствовать построенные людьми защитные сооружения. Эта черта отличает наиболее простой тип фортов — круглый форт (рингфорт). Круглые форты встречаются в пределах пиктской области (рис. 5), но особой концентрации их не наблюдается. Некоторые из них, по крайней мере, могли быть построены и скоттами, которые основали королевство Дал Риада на территории юго-западных пиктов во второй половине IV столетия. В этом отношении особенно интересны форты Пертшира (фото 9), которые находятся в проходах, ведущих с запада в самое сердце страны пиктов.

При постепенном развитии и, скорее всего, по прошествии какого-то времени у простого круглого форта

появляются дополнительные защитные надстройки. Иногда они могли быть сооружены одновременно со строительством форта, а временами постройка такого типа появляется, когда внутри старого оборонительного сооружения возводят новое. Примером нового использования старых построек может послужить ряд сооружений на Терин-Хилл (графство Энгус). Здесь круглый форт был сооружен внутри овальной постройки (рис. 6), которая по виду и размеру напоминала тип «глазированного» форта, а она, в свою очередь, стояла на форте с двойными стенами эпохи раннего железного века.

Следующий план можно объяснить как результат желания строителей использовать все выгоды таких перестроенных укреплений, но на этот раз на скалистой почве, которую они предпочитали. В 1949 году Р.Б.К. Стивенсон выделил тип укреплений, который назвал «форт-ядро». В плане он представлял собой гроздь оград, которые выходили из цитадели типа круглого форта. Тип «форт-ядро» особенно интересен нам потому, что именно он обнаруживается в местах, которые,

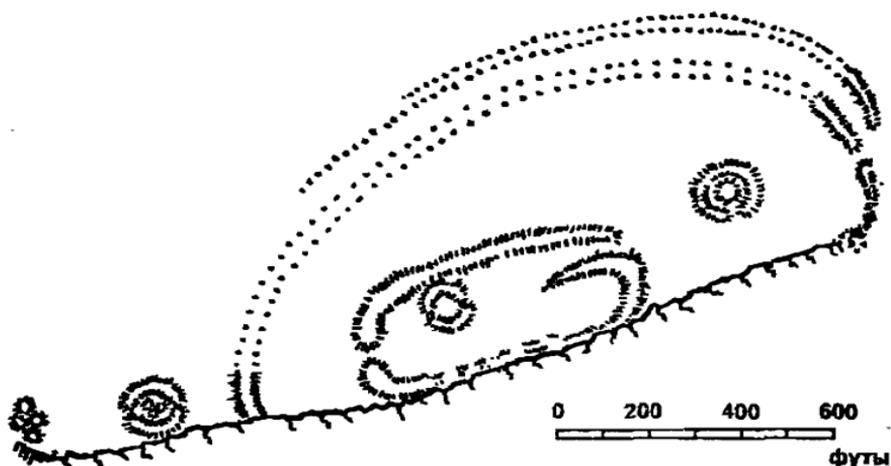

Рис. 6. План укреплений на Терин-Хилл, Энгус (по Христисону)

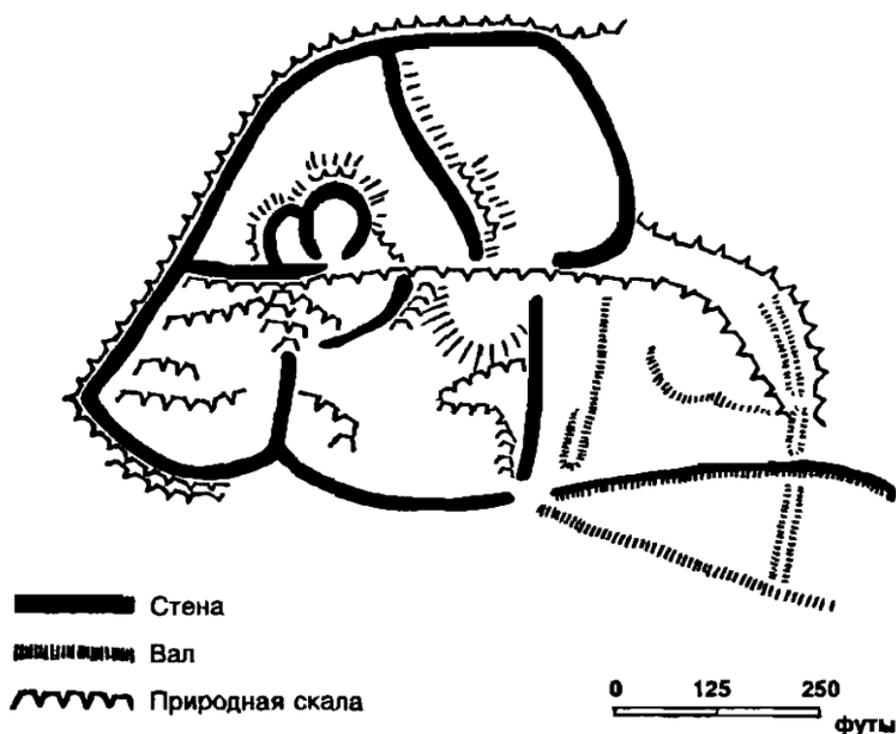

Рис. 7. План форта в Дандарне, Пертшир
(по Христисону и Фихему)

как мы знаем из письменных источников, играли важную роль в раннем Средневековье. Например, крепость Дунадд в Аргайле — тоже «форт-ядро», и проведенные здесь раскопки позволяют с уверенностью связать заселение форта с эпохой раннего Средневековья. Кроме того, Дунадд часто упоминается в ирландских анналах как оплот скоттов Дал Риады в VII и VIII веках. Особенно важно для истории пиктов то, что и крепость Дандарн в Пертшире (рис. 7) по сути своей — «форт-ядро». Осада Дандарна упоминается в ирландских анналах в конце VII века. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в Дандарне сохранились именно остатки укрепления, заселенного в то время пиктами.

Постройки, предназначенные для обороны, естественно, лучше сохраняются на протяжении веков, но большая часть населения во все времена проживала в намного более скромных домах. Скорее всего, это были небольшие круглые в плане хижины из камня и переплетенных прутьев. Сооружения, которые обычно называют «подземельями», или землянками, относятся именно к этой категории ничем не примечательных бытовых построек.

«Подземелья», в отличие от сооружений, о которых мы говорили выше, распространены по всему историческому королевству пиктов. Находки заставляют предполагать, что большая их часть была построена во II—III веках н. э. Таким образом, они гораздо ближе к пиктам, чем, например, брохи.

На юге пиктской области типичное «подземелье» выглядит как просторный подземный проход, иногда длиной более 24 метров. Шириной он примерно 2,4 метра, высотой 1,8 метра (рис. 8). К концу он расширяется, так что на конце образуется округлый выступ. На севере страны «подземелья» по планировке больше похожи на жилища. Эту их функцию подтверждают и находки археологов. Однако более короткие и узкие «подземелья»-переходы в Абердине, скорее всего, использовались только как кладовые. Сравнительно просторные «подземелья» юга заставляют нас задуматься: они слишком малы, чтобы в них жить, но в то же время слишком велики для кладовых. Доктор Уэйнрайт, основываясь на некоторых деталях структуры «подземелий», высказал убедительное предположение, что, скорее всего, они использовались главным образом как убежища для скота на зиму.

Очень интересны раскопки, которые провел Уэйнрайт на двух «подземельях» Энгуса: в Ардисти и Карланджи (фото б). И там и там те, кто жил в связанных с «подземельями» постройках на поверхности, наме-

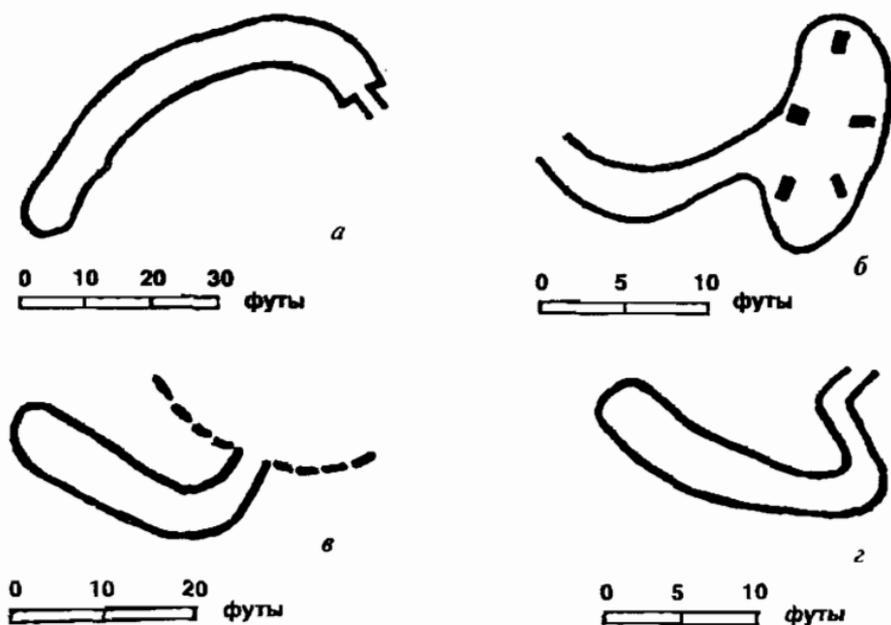

Рис. 8. Типы «подземелий»: *а* — Эрлай I, Энгус; *б* — Хэтстон, Оркнейские острова; *в* — Алт-Килле-Федар, Сатерленд; *г* — Майгви, Абердин (по Уэйнрайту)

ренно их разрушили, а потом перестроили. Никакого перерыва в заселении не было. Поэтому существование поселений, которые должны уже принадлежать к историческому периоду пиктов после периода «подземелий», доказывает, что строители «подземелий» были предками исторических пиктов.

ПИКТСКИЙ ЯЗЫК

Одним из самых важных достижений в изучении пиктов за последнее время стал анализ источников по языку пиктов, предпринятый К.Х. Джексоном. Поскольку до нас не дошло ни одной полной фразы на языке пиктов, написанной на пергаменте, источники по пиктскому языку включают краткие надписи на па-

мятников, названия мест и отдельные упоминания у античных и раннесредневековых писателей. Выводы профессора Джексона, сделанные на основании этого материала, можно обобщить следующим образом.

Пиктский кельтский язык принадлежал к Р-кельтской, то есть бриттской, ветви кельтских языков. У него были черты, общие с языком кельтов Галлии, которые мы не находим в кельтских языках Британии¹. Такие отличия не являются чем-то неожиданным, так как средневековые писатели упоминали об особенностях пиктского кельтского языка. Этот пиктский кельтский, который вполне можно назвать галло-бриттским, оставил следы в некоторых названиях мест, особенно в тех, где содержится элемент *Пит-* (эти названия не встречаются южнее линии Форт—Клайд). Названия мест с *Пит-* часто встречаются по всей пиктской области от юго-восточного Сатерленда до Форты. Именно эти области принадлежали четырем великим племенам, описанным Птолемеем, и в них размещены «глазированные» форты, о которых мы говорили выше. Профессор Джексон сделал весьма гипотетическое предположение, согласно которому разница между бриттским кельтским и пиктским кельтским могла быть результатом предполагаемого разделения строителей «глазированных» фортов еще в эпоху гальштата, причем на юге на диалект кельтов гальштатской эпохи наложилась речь более поздних кельтов латенского времени².

¹ Кельтские языки принято делить на Р-кельтские и Q-кельтские смотря по тому, как в них отражается общеиндоевропейский звук *q*: в гойдельских языках (древнеирландском и его потомках) это с (произносится всегда как «к»), в бриттских (галльском, валлийском, бретонском) — р. Так, по-древнеирландски «голова» — сепп, по-валлийски — репп, у галлов имя Pennouindos «белоголовый».

² Гальштат и латен — принятые археологами обозначения двух стадий культуры железного века у кельтов. Подробнее см.: Пауэлл Т. Кельты. Воины и маги. М.: Центрполиграф, 2003.

Джексон предположил, что носители галло-бриттского языка смешались с местными жителями эпохи бронзового века, переняли некоторые из названий их племен и даже до некоторой степени их язык, который, скорее всего, был неиндоевропейским. По его мнению, этот неиндоевропейский элемент должен был быть достаточно сильным: пришельцы-кельты не смогли полностью поглотить местное население в языковом отношении и, более того, заимствовали у здешних жителей закон наследования по женской линии.

На дальнем севере и западе ситуация была несколько иной. Здесь новоприбывшие латенские кельты оставили совсем мало следов Р-кельтских названий. Может быть, отчасти виной тому последующее заселение этих областей ирландцами и викингами, но, тем не менее, Джексон считал, что контраст достаточно силен, чтобы полагать, что «те, кто переселился на северо-запад, почти полностью забыли свою кельтскую речь и стали говорить на языке местных жителей эпохи бронзового века, которые, очевидно, составляли основную массу населения под властью кельтской аристократии»¹.

Все это помогает совершенно по-новому взглянуть на взаимоотношения кельтских переселенцев и местных жителей в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры в обеих культурных зонах. Однако мы должны иметь в виду, что, если лингвистические данные вряд ли сильно изменятся и к тому же занимают свое, независимое положение в общей картине, сведения, даваемые нам археологией, на которую мы пытаемся наложить результаты этого языкового анализа, гораздо менее стабильны. Уже было высказано предположение, что появление в Шотландии кельтов, говоривших на галло-бриттском языке, может быть связа-

¹ То есть, согласно этой теории, у пиктов бытовало два языка: индоевропейский (кельтский) и неиндоевропейский.

но с археологическими данными (которых становится все больше и больше), доказывающими, что около 500 года до н. э. между восточной Шотландией и континентальными кельтами эпохи гальштата существовали определенные контакты.

Большинство пиктских надписей раннего Средневековья написаны, как кажется, на языке более древнего населения. По большей части они написаны ирландским огамическим алфавитом. Огам — это весьма формализованная система письма, при которой на ребре камня делаются короткие насечки; каждая буква обозначается конкретным числом насечек, сделанных под определенным углом. Пикты, возможно, узнали об этом алфавите от скоттов Дал Риады. Разновидность огама, которую они использовали, заставляет думать, что к пиктам он попал примерно в VIII веке (фото 24). Чтение и толкование этих надписей всегда было предметом ожесточенных споров, однако точка зрения К.Х. Джексона, согласно которой это — осмысленные личные имена, представляется на сегодняшний день преобладающей. «Непонятность» этих надписей вызвана, несомненно, тем, что они содержат необычные личные имена. Другая существенная трудность может быть в том, что неиндоевропейский язык пиктов вообще никогда не был письменным.

ПЛЕМЕННЫЕ ОБЫЧАИ ПИКТОВ

Рассказывая книжную легенду о происхождении пиктов, Беда¹ пишет: «Если возникает сомнение, они выбирают короля скорее из наследников по женской линии, чем по мужской, и этот обычай, как известно,

¹ Б е д а (679—735) — англосаксонский церковный писатель, автор книги «Церковная история народа англов», ряда житий и других сочинений.

сохраняется у пиктов и по сей день». Сама легенда не имеет никакой исторической ценности, однако замечание Беды показывает, что матрилинейное наследование существовало у пиктов и в VIII столетии. Его уточнение «если возникает сомнение» мы вполне можем отбросить: фактически он, видимо, хотел сказать «когда трон оказывается пустым».

Сравнение с независимым источником — ирландскими анналами — показывает, что список пиктских королей представляет собой список правителей этого народа в хронологической последовательности. В нем мы не найдем случаев наследования сыновей отцам, за исключением самого большого двух примеров, и то в самом конце. Однако братья постоянно наследуют друг другу. Такой порядок, конечно, мог быть прерван могущественными узурпаторами, однако сыновья незаконно занявшего трон сына короля наследниками обычно не становились.

Поскольку у других кельтских народов такой системы не наблюдается, она, скорее всего, была унаследована от местного населения бронзового века.

То, что говорят античные авторы о сексуальной жизни пиктов, предполагает, что у северных племен существовал какой-то вид многобрачия¹. Наследование по женской линии могло быть принято просто в виде решения практической проблемы доказательства отцовства, но при этом многобрачие всегда могло сопровождать наследование по женской линии, служа своего рода поддержкой религиозного и законодательного табу, запрещавшего сыновьям наследовать отцам.

¹ Например, как рассказывает римский писатель Дион Кассий, когда императрица Юлия Домна, супруга императора Севера, упрекнула пиктскую женщину в развратности, та ответила, что римлянки тайно становятся любовницами самых жалких мужчин, в то время как пиктские женщины открыто сходятся с самыми лучшими мужьями своего народа по собственному выбору.

Странно, что в раннесредневековых источниках нет никаких указаний на то, как церковь относилась к брачным обычаям пиктов. Хотя источники достаточно скудны, от Адамнана¹ или Беды можно было бы ожидать каких-то замечаний по этому вопросу, если пикты действительно вели себя чрезвычайно распушенно. После обращения в христианство полигамию у пиктов, какой бы ограниченной она ни была, терпеть не стали бы². Однако наследование по женской линии может сохраняться даже в обществе, где принято единобрачие. В этом случае особую важность приобретают браки сестры и дочери короля.

Если в обществе принята полиандрия (многомужество) или просто полигамия (многобрачие), то личность отца нового короля могла быть неясна. Однако с появлением христианства такое незнание было уже невозможно. Именно в этом могут лежать корни другого приписываемого пиктам обычая — экзогамии, когда брачного партнера выбирали в другом племени. В исторический период есть только два доказанных примера экзогамии, однако соседнее королевство Дал Риада могло постоянно снабжать пиктов иностранными принцами и такие смешанные браки, как это часто утверждают, могли подорвать пиктское единство. Тем не менее бесспорных доказательств того, что пиктское общество было экзогамным, пока нет.

Античных писателей поражала не только неразборчивость пиктов в половых связях, но и принятый у

¹ А д а м н а н (624 — 23.IX.704) — аббат основанного святым Колумбой монастыря на шотландском островке Иона близ побережья острова Малл, дальний родственник святого. Автор «Жития Колумбы», служащего одним из важнейших источников по ранней истории Ирландии и Шотландии и трактата «О святых местах».

² Этот вывод не бесспорен: в Ирландии и после появления христианства в V веке узаконенное многобрачие и обычай заключать временные браки сохранялись вплоть до XVI—XVII веков. Церковники мирились с этим явлением, а то и пытались его оправдать, ссылаясь на пример ветхозаветных патриархов.

них обычай татуировки. Недавний анализ этих материалов доктором Норой Чэдвик показывает, что лишь очень немногие из этих сообщений являются независимыми друг от друга и что за каждым из них лежит очень мало сведений, полученных из первых рук. Доктор Чэдвик предположила, что, возможно, представление о татуированных пиктах принадлежит к области «чудес, которые римляне и жители Александрии любили рассказывать о варварах, которых они завоевали». Одним словом, это всего лишь небылицы, плод вырождения классической традиции. Пример такого отношения можно видеть на исполненном в классическом стиле рисунке Джона Уайта, где изображен удивительным образом татуированный пикт (фото 2).

Здесь само римское название — *пикты*¹ — становится частью традиции, поскольку это просто латинское прилагательное, а не латинизация не имеющего никакого смысла местного названия. Называя этот народ «пиктами», римляне должны были иметь в виду, что пикты каким-то образом себя раскрашивали. Здесь следует принять во внимание и более древнее название — притены. Это северная форма имени **Pritani*, которым обозначались жители южной Британии еще в начале железного века. Оно означает «люди рисунков» и, скорее всего, относится именно к татуировке или рисункам — обычай, возможно унаследованный от более древнего населения. Обычай мог попасть на север во время переселения, о котором рассказывалось выше.

Хотя данные на этот счет довольно смутные, сопоставление античной традиции, хотя и расцвеченной фантастическими деталями, с информацией, которая содержится в самих названиях *притены* и *пикты*, позволяет предполагать, что северные племена до самого IV века н. э. носили татуировку.

¹ Разрисованные.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Как мы уже видели, у нас есть данные, что четыре племени, которые на карте Птолемея занимают центр Шотландии, образовали две конфедерации. Кроме того, очевидно, что в начале периода римского господства каледонии и меаты считали себя совершенно независимыми друг от друга. Ясно и то, что римляне делали все от них зависящее, чтобы сохранить эту раздробленность. Тем не менее к концу III столетия пикты стали действовать совместно и, кроме того — в союзе со скоттами. Кульминацией этого движения к военному (если не политическому) единству стал великий грабительский поход 367 года, когда пикты, скотты, франки и саксы одновременно напали на Британию. В конце IV века Аммиан Марцеллин все еще писал, что пикты состоят из двух народов, однако к середине VI мы видим вполне исторического короля всех пиктов — Бриде, сына Маэлкона.

Беда, рассказывая об эпохе Бриде, говорит, что святой Колумба¹ проповедовал «областям северных пиктов», в то время как святой Ниниан «уже давно» обратил «южных пиктов». Эти слова Беды обычно воспринимают как свидетельство существования у пиктов двух политических объединений — северного и южного — в период между 400-м и 600 годами, или даже примерно до 735 года, поскольку Беда пишет в настоящем времени. Современные историки обобщили понятия «южный» и «северный» и пишут о том, что короли северных пиктов сражались с королями южных пиктов и тому подобное.

¹ Святой Колумба (7.XII.521—9.VI.597) — ирландский святой, один из трех наиболее почитаемых святых в Ирландии наравне со святым Патриком и Бригитой. В 563 году основал монастырь на острове Иона, проповедовал среди пиктов. См. ниже о нем главу «Колумба».

Трудно решить, действительно ли слова Беды можно истолковать подобным образом, или он употребляет понятия «северный» и «южный» просто в географическом смысле. В общем контексте всего сочинения Беды дело выглядит так, что если страна пиктов действительно была разделена на южную и северную части, то можно считать, что она была обращена в христианство в две стадии двумя святыми апостолами веры — Нинианом и Колумбой. Поэтому можно даже предположить, что «разделение» пиктов понадобилось Беде только для того, чтобы рассказать о работе Ниниана среди этого народа, и после рассказа о Ниниане о «разделении» уже ничего не говорится. Такое предположение, особенно если принять во внимание двусмысленность употребляемых Бедой терминов, заставляет серьезно сомневаться в том, что на основании одного лишь свидетельства Беды действительно можно говорить о политической независимости севера и юга в ранний исторический период.

Древнейший текст списка пиктских королей относится к X веку или более раннему периоду. В нем содержится длинный перечень королей на целые века до начала исторического периода. Первым королем пиктов, как там говорится, был *Круитне*, а после него правили его семь сыновей. Очевидно, *Круитне* — это персонаж-эпоним¹: подобные рассказы часто встречаются в псевдоисторических сочинениях древности. Как мы уже видели, *круитни* — это термин, которым ирландцы обозначали пиктов в исторический период. Весьма вероятно, что этот рассказ был составлен каким-нибудь ирландцем, что объясняет и необычное для пиктов наследование сыновей отцу.

¹ Э п о н и м — человек, от имени которого происходит какое-нибудь название. В данном случае имеется в виду, что древние писатели зачастую изобретали «исторических» персонажей, чтобы объяснить названия мест или народов.

Семерых сыновей Круитне звали Фиб, Фидах, Фолтах, Фортренн, Кайтт, Ке и Киркинн. Некоторые из этих имен можно отождествить с пиктскими областями, упоминаемыми в ирландских анналах и других источниках. Фиб — это область Файф; имя Фортренн символизирует пиктскую область Фортриу, Фолтах или Фотла — пиктскую область Атфотла, современный Атолл; Киркинн — пиктскую область, которая, как мы знаем по названиям расположенных на ее территории мест, совпадает с современным Энгусом; Кайтт — это Кейтнес. Ке предлагали отождествить с Абердином с его горой Беннахи¹. С чем соотносился Фидах — неизвестно.

На основании этих, несомненно, древних и ценных названий часто делается вывод, что историческое королевство пиктов было разделено на семь провинций. Однако следует помнить, что единственные данные на этот счет — эпонимная история иностранного автора, к тому же неизвестно когда составленная. Могло быть так, что он знал только семь названий пиктских областей и больше никаких.

Трактат XII века, известный под названием «О местоположении Шотландии» («De situ Albaniae»), развивает вариант истории о Круитне и его сыновьях (рис. 9). Там говорится, что семь братьев еще в древности разделили землю на семь частей следующим образом:

1. Энгус и Мирнс;
2. Атолл и Гоури;
3. Стрэттерн и Мэнтейт;
4. Файф и Форттрифф;
5. Мар и Бьюкен;
6. Мори и Росс;
7. Кейтнес «на этой стороне гор».
Кейтнес «за горами».

¹ Это название можно перевести как Вершина Ке.

Епископ Кейтнеса Андрей поведал автору расположение этих семи королевств, и они даются следующим образом:

1. По Форту до Тэя;
2. По Тэю до Хайлифа (возможно, река Исла в Энгусе);
3. От Хайлифа до Ди;
4. От Ди до Спея;
5. От Спея до Друмалбана;
6. Мори и Росс;
7. Аргайл.

Обычно считается, что поскольку рассказ о разделе семи братьев включает Кейтнес, но опускает Аргайл, то он отражает положение пиктских областей в период пиктского господства, и поскольку перечень епископа Андрея опускает Кейтнес, но включает Аргайл, то он отражает географию Шотландии уже после объединения пиктов и скоттов. Следует, однако, заметить, что, с точки зрения автора, области, о которых рассказывал епископ Андрей, должны были представлять собой семь королевств, которыми правили семь сыновей. Фактически трактат написан гораздо небрежнее, чем обычно считается, и его данным не следует придавать слишком большого значения. Самая ценная часть «О местоположении Шотландии» — это, скорее всего, пять границ этих земель, которые указал автору трактата епископ Андрей: если с чем-то и следует сопоставлять сыновей *Круитне*, то именно с землями, которые эти пять границ разделяли.

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВСТВА

Уже в 80 году н. э. Агрикола провел политическую границу по линии Форт—Клайд. Эти дальние рубежи не удалось удержать надолго, и к 125 году Адрианов вал

ФОРМИРОВАНИЕ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

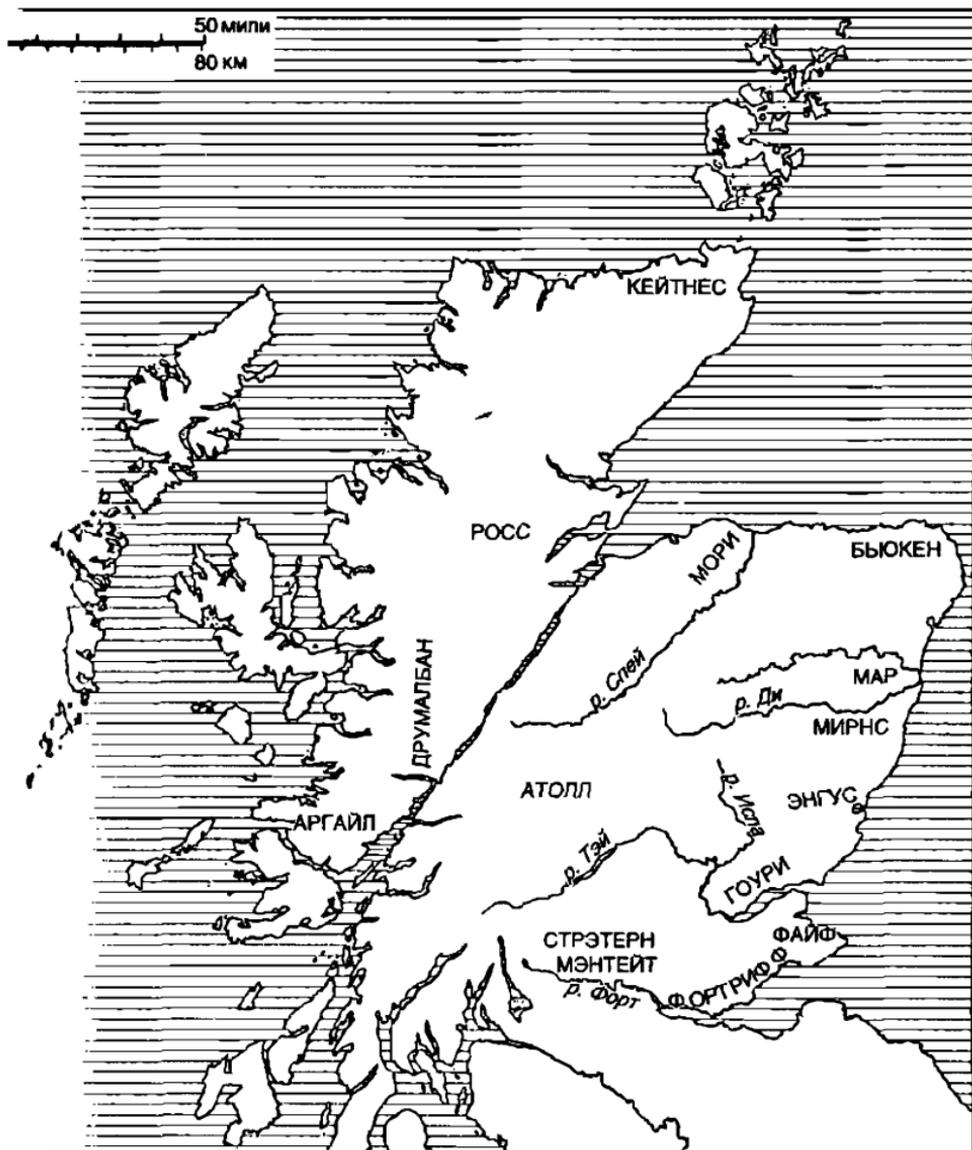

Рис. 9. Имена, упомянутые в трактате «О местоположении Шотландии»

стал новой границей, которая протянулась от Тайна до Сольвея (фото 7). Если бы принятая императором Адрианом сдержанная политика была сохранена, то в результате племена по обеим сторонам линии Форт—Клайд могли бы достичь определенного единства. Однако в середине II века произошло второе вторжения на территории к северу от стены, и линия Агриколы была восстановлена. Здесь и была построена новая стена — Антонинов вал (правда, на сей раз из торфа), которая стала внушительной преградой на пути варваров (фото 8). Надгробный памятник из Бриджнесса, близ Боунесса на восточном краю стены, живо показывает «взаимоотношения» римлян и местных жителей в ту эпоху (фото 1).

Вслед за разрушительными набегами северных племен и последовавшими за ними карательными кампаниями Севера и его сыновей в середине III века Антонинов вал был заброшен, но область к северу от Адрианова вала стала римским протекторатом. После этого на северной границе в течение почти ста лет царил мир, и именно в этот мирный период и были заложены территориальные основы будущего исторического королевства пиктов. Племена к югу от линии Форт—Клайд оказались неразрывно связаны с римской провинцией, и северные народы уже навсегда стали их врагами.

С конца III века пикты играли огромную роль в бесконечных набегах варваров, которые терзали Британию со всех сторон. Во время великого набега 367 года Адрианов вал был сильно поврежден, и последовавшая за этим поспешная реорганизация позволила северным государствам-протекторатам взять свою оборону в собственные руки, сохраняя в то же время верность римлянам. Именно в этот период зародились столь могущественные впоследствии северные королевства бриттов. Организованный императором Магном Максимом

вывод пограничных войск в 383 году неизбежно привел к вторжению на северной границе. Племена перешли за Адрианов вал. Был нанесен огромный ущерб, но на сей раз границу не восстановили.

После этого периода у нас есть очень мало информации о состоянии дел на севере. Авторы панегириков того времени пишут, что при Флавии Стилихоне¹ (около 395 года) Британия уже больше не должна была бояться пиктов, скоттов или саксов. Однако в 401 году Стилихон вывел свои войска, чтобы сражаться с готами. Власть в Британии захватывали всевозможные узурпаторы. Последний из них, Константин, также переправился в Галлию с британскими войсками.

Теперь бриттам пришлось самостоятельно бороться с постоянно растущим числом пиратов и грабителей. Они обратились за помощью к императору Гонорию, но в ответе, написанном в 409 году, этот государь откровенно сказал им, что они должны сами о себе позаботиться.

Сначала бриттам удавалось делать это достаточно лихо. Бриттские королевства, расположенные непосредственно к югу от линии Форт—Клайд, видимо, были под значительным давлением со стороны пиктов, однако, вопреки ожиданиям, после ухода римлян пикты не сумели расширить свою территорию за счет бриттов. Короли северных бриттов прочно держали власть в руках. У нас есть некоторые данные о том, что примерно в середине V века северные бритты из королевства Манау Гододдин, северная граница которого лежала на южных берегах Ферт-оф-Форт, смогли прийти на помощь своим южным собратьям, которым грозила опасность быть завоеванными ирландцами с запада.

¹ Ф л а в и й С т и л и х о н (убит в 408) — вандал по национальности, полководец, всеяильный временщик, дядя и тесть юного императора Гонория.

Вскоре после этого периода в юго-западном углу пиктской территории образовалось ирландское королевство Дал Риада. Ирландские набеги, за которыми во многих случаях следовала колонизация, несомненно, были обычными на западных берегах страны пиктов, однако как и почему из этих отдельных переселений выросло целое королевство, мы не знаем. Беда ясно говорит о том, что колонизация ирландцами Дал Риады шла за счет пиктов, однако как именно это происходило, ему неизвестно. Он туманно говорит о том, что она была достигнута «дружбой или мечом». Возможно, у истоков этого поселения лежал военный союз пиктов и скоттов против общего врага — Римской Британии, а может быть, скотты просто изгнали пиктских обитателей. Было высказано предположение, что основание королевства Дал Риада произошло не без помощи бриттского королевства Стратклайд: бритты могли выступить инициаторами этого переселения, чтобы между ними и пиктами появилось своего рода буферное государство. Королевство, которое так долго контактировало с римской армией, вполне могло перенять эту практику у римлян, которые часто ее применяли на своих границах.

На каких бы условиях ни возникло первоначально это королевство, к 550 году, когда на трон взошел первый исторический король пиктов — Бриде, сын Маэлкона, отношения между скоттами Ирландии и Дал Риады, с одной стороны, и пиктами — с другой, были определенно враждебными, на что в более ранний период не было никакого намека.

В то же самое время группа вторгшихся в Британию англосаксов обосновалась на Бамбургской скале. Это с первого взгляда незначительное поселение вместе с другим, расположенным несколько южнее, впоследствии развилось в великое королевство Нортумбрия, которое достигло зенита своего величия в VII столетии.

ФОРМИРОВАНИЕ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

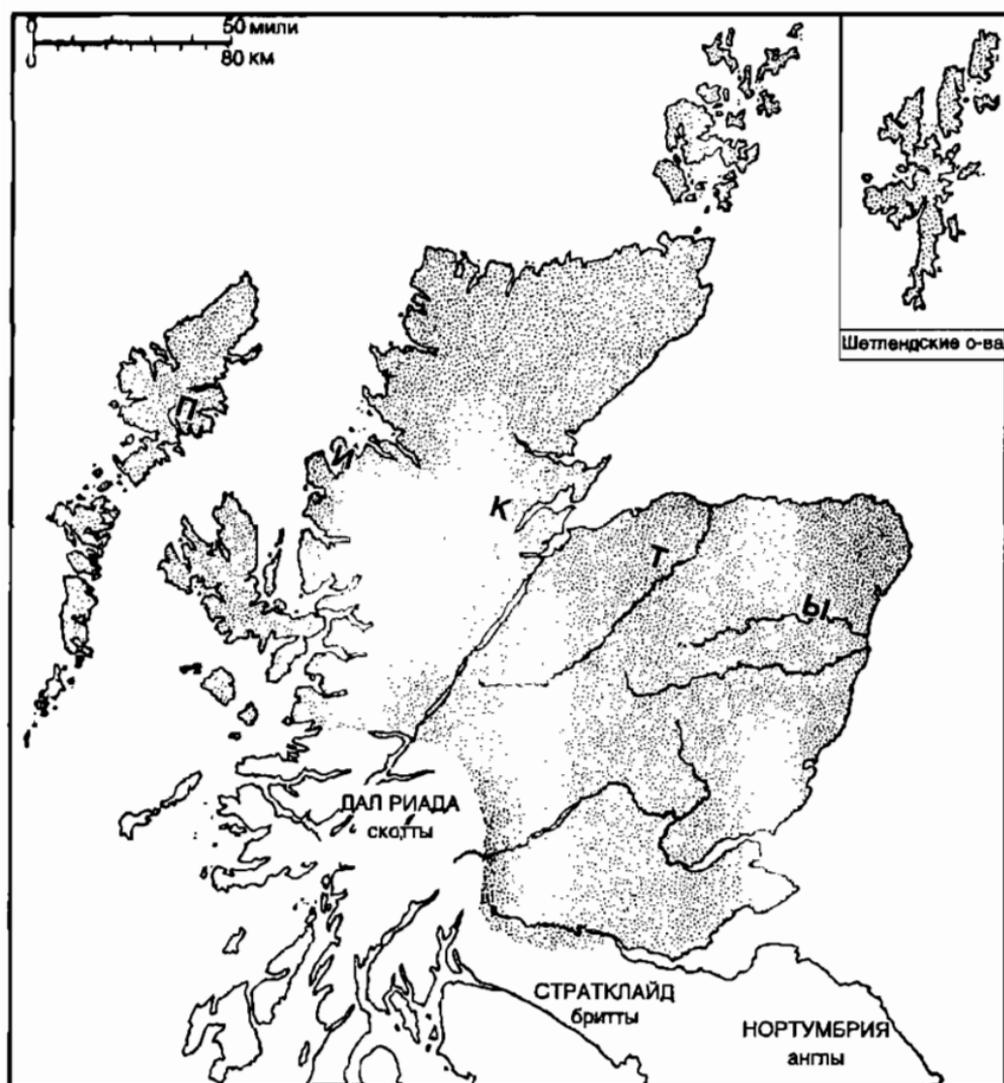

Рис. 10. Северная Британия около 650 г. н. э.

Король пиктов Бриде, старавшийся удержать поселения скоттов внутри определенных границ, возможно, даже и не осознавал, что в политической системе Севера появился новый элемент.

К 550 году сложились все основные элементы, из которых в раннем Средневековье состояла Шотландия. Пикты контролировали территорию к северу от линии Форт—Клайд, за исключением земель на юго-западе, которые занимала Дал Риада. Мощное королевство бриттов Стратклайд находилось к югу от Дал Риады. На востоке британское королевство Манау Гододдин владело южными берегами Форта и, возможно, простиралось к северу до самой долины Стерлингшира. В конце концов, видимо, в начале VII века оно было поглощено англосаксами.

Четыре народа, заселивших небольшую территорию вокруг линии Форт—Клайд, неизбежно должны были постоянно конфликтовать (рис. 10). Все эти народы были разного происхождения — ирландцы, бритты, пикты и англы. У любых двоих из них не было никаких естественных причин для союза, и, даже если такой союз заключался, он был временным и о нем быстро забывали. Когда в IX веке появилась пятая группа — викинги, хрупкое равновесие рухнуло, и в этой катастрофе погибло древнее королевство пиктов.

Глава 2

КОРОЛИ ПИКТОВ

Основную массу имеющихся у нас данных по истории пиктов составляют даты кончин королей и битв, в которых они сражались, и даже эти краткие записи мы находим лишь в иностранных источниках. У нас нет гарантии, что битвы, информация о которых была зафиксирована, представляют собой полную и логичную последовательность событий, которую можно было бы ожидать от исторического документа, составленного местным жителем. Если мы что-то знаем о том или ином короле, помимо его воинских доблестей, то лишь потому, что он участвовал в каком-либо важном событии в истории церкви или привлек к себе внимание монахов в каком-то зарубежном монастырском скриптории. Например, Адамнан, аббат Ионы, сообщает о том, какую роль играл Бриде, сын Маэлкона, в обращении пиктов в христианство святым Колумбой, а Беда описывает реформацию пиктской церкви, которую провел Нехтон, сын Дериле, потому что она была делом рук его собственного аббата — аббата Вермута и Ярроу. Церковные нововведения пиктских королей, а также менее хорошо известные процессы в пиктской церкви будут описаны в одной из следующих глав. Здесь же нас интересуют только воинские подвиги монархов и то, как они повлияли на историю пиктского народа. В ту эпоху лидерство играло ключевую роль: появление или безвременная гибель удачливого

ИЗАБЕЛЬ ХЕНДЕРСОН. ПИКТЫ

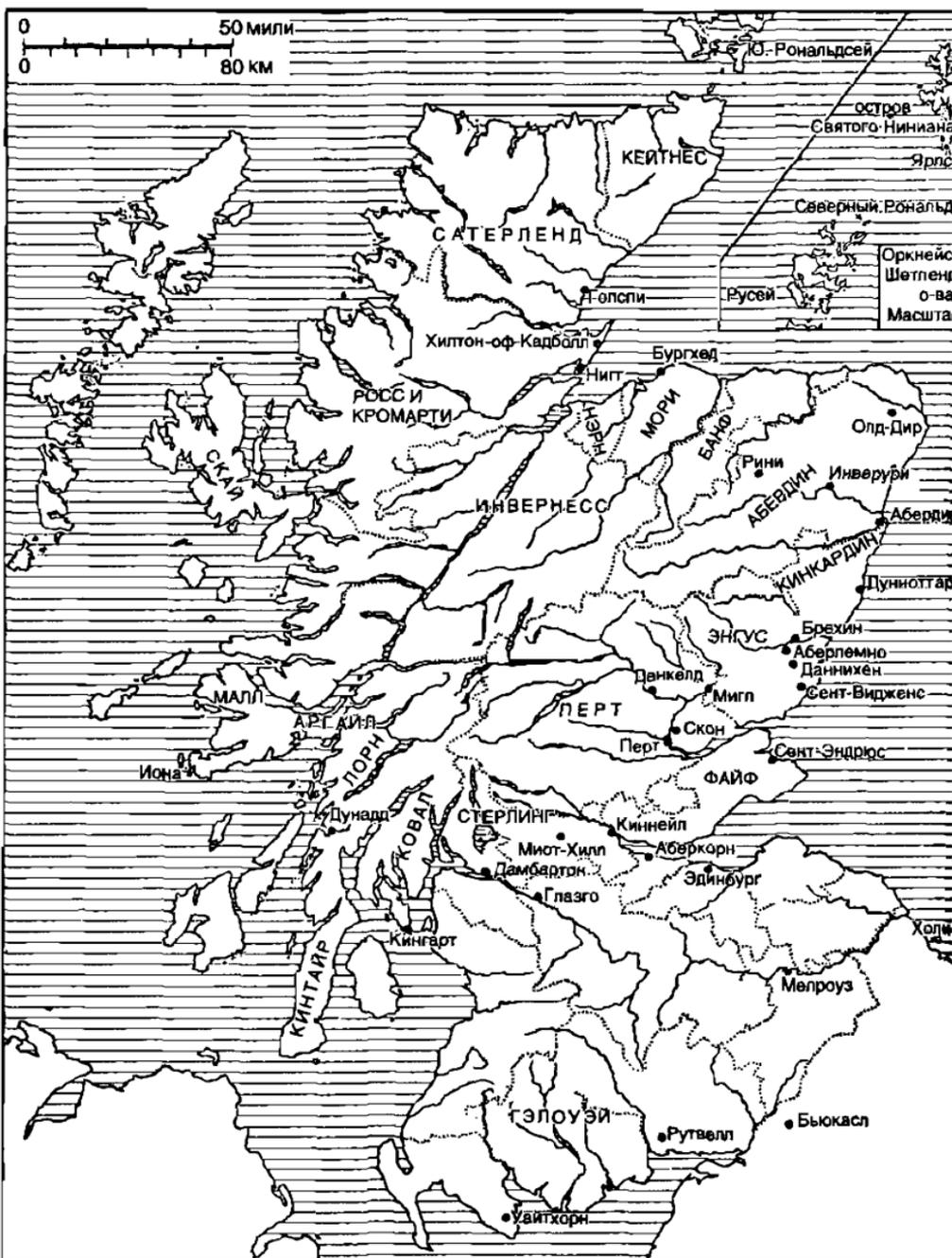

Рис. 11. Шотландия

короля-полководца буквально ежегодно могли в корне менять судьбу нации.

Из длинного списка пиктских королей в исторический период только трое произвели существенное впечатление на современных им зарубежных анналистов. К счастью, все эти три короля правили в разные столетия. Для VI века это Бриде, сын Маэлгуна, для VII — Бриде, сын Били, и для VIII — Онуйст, сын Вургуйста, или Энгуст, сын Фергуса в ирландских источниках. И даже о них троих мы знаем сравнительно мало. Однако и того, что мы о них знаем, достаточно, чтобы засвидетельствовать воинскую доблесть пиктов, в некоторых случаях — даже исключительную, вместе со всем, что предполагает это понятие: людские ресурсы, стратегия, экипировка и транспорт. Эти пиктские короли бились рядом с другими великими королями-воинами ирландцев, бриттов и англов в тех «ужасных столкновениях битв»¹ (как красочно охарактеризовал их Адамнан), которые в послеримский период велись год за годом между соседними государствами за господство над южной Шотландией.

ЦАРСТВОВАНИЕ БРИДЕ, СЫНА МАЭЛКОНА

Послеримская история пиктов начинается с царствования Бриде, сына Маэлкона, поскольку он — первый король в королевском списке, который упомянут в независимом историческом источнике. Имя его отца — Маэлкон — является эквивалентом имени Маэлгун; так звали короля северного Уэльса, чья семья якобы происходила из области к югу от Форты, находившейся в то время в руках бриттов. Маэлгун умер в 547 году, и вполне возможно, что этот могущественный король Уэльса на самом деле и был отцом Бриде.

¹ Цитата из предисловия к «Житию святого Колумбы».

Примерно через пять лет после начала своего царствования Бриде победил скоттов в Аргайле. В том же году летописи фиксируют смерть короля скоттов — Габрана. Род Габрана поселился в Напдэйле и Кинтайре в V веке, и его семья играла важную роль во всей истории Дал Риады. Не вполне ясно, действительно ли это «бегство скоттов перед Бруде, сыном Маэлкона» было решительной победой пиктов, однако уже само то, что оно в тот момент фигурировало в ирландских анналах, отражает важность этого события, причем в следующие пятнадцать лет между пиктами и скоттами никаких столкновений не зафиксировано.

Согласно «Житию Колумбы», написанному Адамнаном, Колумба посетил племянника (и наследника) Габрана — Коналла, сына Комгалла, непосредственно перед тем, как в первый раз отправиться на Иону. Семейство Комгалла владело областью Лох-Файн, которая до сих пор носит его имя: Ковал. Им также удалось взять под свой контроль область к западу — от озера до самого морского побережья. В ходе визита Колумбы король и святой, несомненно, детально обсудили проблему пиктских соседей Коналла. Действительно, вполне возможно, что сама миссия Колумбы к пиктам была предпринята по прямой просьбе Коналла в то время, когда на Дал Риаду оказывалось давление.

Основным источником информации об обращении пиктов Колумбой является «Житие», составленное Адамнаном. Адамнан, девятый аббат Ионы, написал «Житие» приблизительно в конце VII века, примерно через сто лет после кончины Колумбы. У Адамнана была возможность черпать информацию как из письменных источников, так и из свидетельств «наших предшественников, верных людей». Однако Адамнана, естественно, интересовали не столько факты жизни Колумбы, сколько факты, подтверждавшие его святость.

К сожалению, описание действий Бриде в рассказе Адамнана почти целиком состоит из литературных штампов. Он изображен как некий условный языческий монарх, который лицом к лицу столкнулся с апостолом веры. Подлинная встреча между Бриде и Колумбой, вероятно, была совсем не похожа на изображенную у Адамнана картину: с одной стороны святой-чудотворец, с другой — ошеломленный и озадаченный король. Однако именно такое представление доминировало во многих последующих работах на эту тему. Типичный пример — деталь фрески работы художника XIX века Уильяма Хоула, которая показана здесь (фото 3). Коренастый, мужиковатый Бриде просто остолбенел от всего того, что говорит и делает неземной, почти воздушный святой Колумба. Вполне понятными средствами рассказ Адамнана показывает, с точки зрения автора «Жития», духовное превосходство и силу своего героя, которому помогает Бог, в контрасте с уязвимостью безбожных язычников. Однако этот рассказ мало что говорит нам об историческом Бриде.

Бриде, окруженный христианскими соседями, не мог не знать о существовании и общем характере христианской веры. Когда он услышал о приезде Колумбы и о его желании проповедовать, он, видимо, должен был тщательно взвесить все плюсы и минусы, связанные с выдачей Колумбе разрешения на миссионерскую деятельность. Выгоды были связаны в основном со статусом и с тем, что таким образом была бы нейтрализована особая связь, объединявшая ирландцев в Британии и британцев, — их общая вера, что, конечно, было очень желательно для пиктского короля. При этом он просто мог думать, что Бог христиан кажется гораздо более могущественным, чем боги пиктов. Основной невыгодой было то, что вся страна неминуемо должна была оказаться под сильным влиянием ирландцев.

В конце концов Бриде согласился на просьбу Колумбы. Этот шаг он должен был сделать рано или поздно. Однако это была и еще одна стадия постепенного процесса, в результате которого скотты подорвали пиктскую независимость. Первый шаг был сделан, когда ирландцам удалось постоянно поселиться на пиктской территории и религиозная жизнь пиктов оказалась под контролем главы церкви Дал Риады.

В главах о пиктах в «Житии» Адамнана приведен один факт, который, скорее всего, не является плодом идейных установок автора, а именно указание на то, что королевская крепость Бриде находилась около реки Несс. Точное местоположение крепости пока установить не удалось, хотя многие историки полагают, что она могла стоять на месте «глазированного» форта на Крэг Фадриг¹. Адамнан не говорит, действительно ли эта северная крепость была постоянной резиденцией Бриде, или же он просто временно находился в той области, когда Колумба посетил его. Естественно, однако, было бы предположить, что Бриде находился там, где Колумба ожидал его найти, то есть там, где он жил постоянно. Беда, чья информация на этот счет, возможно, исходит от самих пиктов, заставляет нас думать, что Бриде — «самый могущественный король», правил всеми пиктами, как северными, так и южными. Кончина «Кеннлата, короля пиктов» зафиксирована в ирландских анналах во время царствования Бриде, но он, скорее всего, был подчиненным ему королем, который какое-то краткое время правил вместе с Бриде.

«Житие» Адамнана мало чем может нам помочь в определении точных границ королевства пиктов при

¹ Раскопки Крэг-Фадриг (скала Патрика) показали, что форт был построен еще в IV веке до н. э., однако впоследствии он был отчасти перестроен и расширен. Когда именно это случилось, неизвестно. Находки внутри форта показали, что в IV—VII веках н. э. здесь жили люди, так что он вполне мог быть резиденцией пиктского монарха.

Бриде. Практически в единственном эпизоде с участием Бриде, который не пронизан литературными штампами, сообщается, что Бриде контролировал Оркнейские острова¹. «Королек» Оркнейских островов находился при пиктском дворе, и у Бриде находились его заложники². Необходимость брать заложников, возможно, предполагает, что острова когда-то были достаточно независимыми и могли снова претендовать на независимость.

Хотя Адамнан рассказывает о ряде случаев, имевших место на западных островах Шотландии, в большинстве случаев непонятно, принадлежали ли эти острова ирландцам или пиктам. После визита к Бриде Колумба и его монахи, скорее всего, могли рассчитывать на хороший прием как на пиктской, так и на ирландской территории. Изгнанника «из благородного пиктского рода» послали на остров Айлей, чтобы он мог спасти свою жизнь; поэтому можно думать, что остров был ирландским. На Айлее нет ранних пиктских символов. В «Житии» Колумба дважды посещает остров Скай, и именно там встречает пикта, который загадочным образом называется «главой когорты Геоны» и которого он крестит с помощью переводчика³. На Скае есть много камней с пиктскими символами и по одному — на островках Бенбекла и Паббей на западе от острова в Гебридском море. Если Бриде действительно правил

¹ Колумба попросил Бриде, чтобы тот велел оркнейскому королю не вредить ирландским монахам, которые пустились в плавание с целью найти пустынные островки для отшельничества. Благодаря этой просьбе друг Колумбы, Кормак, действительно спасся на Оркнейских островах от гибели («Житие», II, 42).

² Практика взятия заложников более сильным королем у подчиненных ему властителей была распространена в раннем Средневековье в кельтских странах, особенно в Ирландии. В качестве заложников чаще всего выступали королевские сыновья.

³ Существует предположение, что Геона — это не название места, а имя короля, у которого этот человек командовал каким-то воинским подразделением.

из области Инвернесса, вполне возможно, что он контролировал Глен-Мор и районы непосредственно к западу от нее, вплоть до самых Гебрид. Трудно определить границу между пиктами и ирландцами на западе. Скин полагал, что она проходила по Лох-Левен, через Морвен и затем через остров Малл, разрезая его надвое. Можно считать, что, кто бы ни владел Маллом, он тем самым владел и Ионой, так что обстоятельства дарения этого острова святому Колумбе могли бы помочь определить границу между двумя народами в то время. К несчастью, Адамнан, как это ни странно, совершенно ничего не говорит о дарении Ионы.

ПИКТЫ И АЭДАН, СЫН ГАБРАНА, КОРОЛЬ ДАЛ РИАДЫ

Коналл умер около 574 года, и его двоюродный брат Аэдан, сын Габрана, стал королем Дал Риады. Аэдан был способным и амбициозным лидером, и, пожалуй, он занимает второе место после Бриде по роли, которую он сыграл в ранней истории Шотландии.

Вскоре после вступления Аэдана на трон «многие союзники сыновей Габрана были убиты в сражении в Кинтайре». Победителями, должно быть, оказались пикты, но это с тем же успехом могли бы быть и другие ирландцы, жившие на островах. Шесть лет спустя ирландские анналы фиксируют кампанию Аэдана на Оркнейских островах. Это выглядит как вторжение на пиктскую территорию, однако если Оркнейские острова иногда враждовали с Бриде, то вполне возможно, как предположила Марджори Андерсон, что флот Дал Риады фактически действовал по просьбе пиктов. Далее мы узнаем, что в 582 году Аэдан сражается на южной границе королевства Бриде в британской области Манау Гододдин.

Через два года Бриде умер. В «Житии Колумбы» у Адамнана об обстоятельствах его кончины не сообщается ничего, за исключением, к несчастью, достаточно рядового для житийной литературы сообщения о том, что целительный камень Колумбы, который находился в сокровищнице Бриде, в день кончины короля никак не могли отыскать. В 584 году ирландские анналы просто фиксируют смерть Бриде, однако другая запись, ошибочно отнесенная к 752 году, дает больше информации. Там говорится: «Битва при Асрете, в земле Киркинн, в которой с обеих сторон сражались пикты, и там пал Бриде, сын Маэлгуна». Из этого как будто явствует, что Бриде с трудом контролировал южную часть своего королевства¹.

Возможно, что конец царствования Бриде стал и концом господства севера в пиктских делах. Позднее короли пиктов определенно базировались на юге. Растущая сила ирландской колонии вместе с растущей угрозой со стороны англов вполне оправдывает такую перемену. Бриде удалось временно прекратить наступление ирландцев на западном побережье, однако настоящая опасность коренилась в проникновении ирландцев (скоттов) через долины Пертшира в богатые земли вокруг заливов Тэя и Форта.

Кончина Бриде знаменовала собой и завершение периода мирного существования скоттов и пиктов. Считается, что после этого Аэдан покорил значительную часть южных областей пиктского королевства. На самом деле нет никаких определенных данных о деятельности Аэдана в этих областях. Согласно Адамнану, Аэдан одержал

¹ Описанная у Адамнана попытка исцелить короля с помощью камня из сокровищницы с трудом вяжется с его гибелью на поле битвы, видимо, вдали от королевской резиденции. Однако не исключена возможность, что, говоря о пропавшем камне, Адамнан имел в виду не Бриде — современника Колумбы, а его тезку и своего друга, тоже короля пиктов — Бриде, сына Биле (ум. 693).

победу над народом, который называли *миаты*; судя по этому названию, они были связаны с *меатами* римской эпохи. Адамнан не дает точной даты битвы и не связывает *миатов* того времени именно с пиктами. Он сообщает, что это была «несчастливая победа», в которой пали многие воины, в том числе два сына Аэдана — Артур и Эохайд Финд. Таким образом, маловероятно, что эта победа привела к каким-то долговременным завоеваниям на востоке.

Гибель в битве двух других сыновей Аэдана — Брана и Домангарта — записана в ирландских анналах около 598 года. Адамнан говорит, что Домангарт был убит «в военной стычке» в Англии. «Стычку», как правило, отождествляют с битвой при Дегсастане, которая, согласно Беде, произошла в 603 году, однако, возможно, имеется в виду и какое-то другое нападение скоттов на английскую территорию. Одна из версий ирландских анналов — «Анналы Тигернаха» ошибочно сообщают о смерти Артура и Эохайда Финда в той же самой записи, которая рассказывает о гибели Брана и Домангарта. В записи сказано, что Артур и Эохайд погибли в «битве в Киркинне»¹. Поэтому некоторые ученые располагают *миатов* Адамнана в пиктской области *Киркинн* (примерно совпадает с современным Кинкардинширом). Отсюда делаются широкие выводы относительно внутренних подразделений пиктских областей.

Трудно понять, каким образом запись в «Анналах Тигернаха» оказалась испорченной. Сообщение о том, что Аэдан был «побежден», видимо, относится к той битве, где погибли Бран и Домангарт, и которая, как мы знаем, была «стычкой». Поскольку эта запись, ви-

¹ Запись в «Анналах Тигернаха» датируется 596 годом, и в ней говорится буквально следующее: «Убийство сыновей Аэдана, то есть Брана, и Домангарта, и Эохайда Финда, и Артура в битве в Киркинне, в которой Аэдан был побежден, и битва при Коранне».

димо, была призвана дать добавочную информацию о гибели детей Аэдана, Тигернах не дает нам ни точной даты, ни результата «битвы в Киркинне». В таком случае мы не должны отождествлять эту битву со сражением с миатами, где Аэдан, как мы знаем, одержал победу и которое, как дает нам понять Адамнан, произошло задолго до 598 года.

Помимо гипотез, касающихся внутреннего деления пиктского королевства, важным аспектом этой проблемы для пиктской истории в целом является связь Аэдана с Киркинном. Если хоть в какой-то момент он сражался на восточном побережье Шотландии — с победой или нет, — то это предполагает, что ему удалось довольно далеко продвинуться сквозь самое сердце пиктских земель.

Эти скудные обрывки информации являются, однако, единственными данными о пиктских завоеваниях Аэдана, которыми мы располагаем. Аэдан, несомненно, пытался распространить влияние Дал Риады на восток, однако, если бы ему хотя бы временно удалось завоевать южную часть страны пиктов, тогда можно было бы ожидать, что даже в скудных источниках, которые есть у нас по этому периоду, была бы хоть какая-то недвусмысленная запись о победах Дал Риады над пиктами, вместо одной лишь испорченной и, возможно вставленной позднее записи о битве в Киркинне.

Более ясное упоминание об амбициях Аэдана на юге содержится у Беда. В весьма красочном пассаже в конце первой книги его «Церковной истории» Беда рассказывает, как Этельфрид, король Нортумбрии, завоевал больше бриттских земель, чем какой-либо другой английский король, истребляя на своем пути бриттов и расселяя на их месте англосаксов. Обеспокоенный его завоеваниями Аэдан, возможно действуя от имени бриттского королевства Стратклайд, как и от своего, выступил против Этельфрида с огромной армией, ко-

торая потом была почти полностью уничтожена в битве при *Дегсастане* в 603 году. Это место, которое славилось в дни Беда из-за произошедшего там сражения, сейчас забыто, и мы не знаем, где точно оно находилось. В 731 году Беда, оглядываясь назад, смог написать: «И с того времени ни один король скоттов до сего дня не осмеливался воевать с англами».

С точки зрения пиктов, битва при Дегсастане стала изменением общей политической ситуации. Крушение надежд скоттов на то, чтобы конкурировать с англосаксами на юге, видимо, усилило давление Дал Риады на восток, а отражение нашествия скоттов, в свою очередь, привело к продвижению английской границы на восток, до Форта. У пиктов теперь появился на юге новый сосед, по меньшей мере столь же амбициозный, как и их соседи-скотты на западе.

ПИКТЫ И НОРТУМБРИЯ

Сведений о том, что происходило с пиктами в первой половине VII века, у нас практически нет. Все, чем мы располагаем, — это имена королей и продолжительность их царствования, указанные в королевских списках, которые достаточно последовательно подтверждаются записями об их смерти в ирландских анналах. Таким образом, у нас нет данных о том, какими были взаимоотношения Дал Риады и пиктов в этот период. Внук Аздана — Домналл Брекк, который царствовал примерно с 630-го по 643 год, считался могущественным и деятельным монархом. Отчасти он был занят укреплением своей собственной позиции в Дал Риаде. Кроме того, он участвовал в нескольких значительных сражениях в Ирландии. Однако кажется вполне вероятным и то, что он мог попытаться расширить свое королевство за счет пиктов. Возможно,

что сражение при *Гленн-Майрисон*, произошедшее в 640 году, «в котором люди Домналла Брекка бежали», происходило в пиктской области Глен-Мористон в Инвернессшире, однако эти названия нельзя отождествить со стопроцентной точностью. Домналл Брекк погиб в битве с королем бриттов Стратклайда, которая произошла в Страткарроне. Значит, в этот период скотты и бритты — какими бы ни были их взаимоотношения раньше — стали врагами, что для пиктов было очень выгодно.

И все-таки самый страшный удар пиктам в VII веке нанесла Нортумбрия. В результате они почти на тридцать лет потеряли значительную часть территории на юге пиктского королевства.

К несчастью, в ирландских источниках нет никакой информации о том, как это случилось. Чтобы проследить взаимоотношения между пиктами и Нортумбрией, мы должны черпать практически все сведения у Беды, и все последующие данные (если не оговорено иначе) происходят из «Церковной истории» Беды.

В 617 году, когда Эдвин, король Дейры, стал королем Нортумбрии, сыновья Этельфрида, короля Берникии, были изгнаны. Некоторые из них бежали в Ирландию, некоторые — к пиктам. Конечно, нортумбрийских изгнанников в стране пиктов было не так много, но они были знатными людьми, и поэтому их присутствие оказывало на пиктов определенное влияние. Один из сыновей Этельфрида, Эанфрид, женился на пиктской принцессе, и их сын был королем пиктов с 653-го по 657 год. У пиктов сыновья Этельфрида явно чувствовали себя в безопасности от когтей Эдвина, и можно считать, что у Эдвина не было никакой власти над пиктами.

В 632 году Эдвин был убит Кадваллоном, королем Гвинедда (королевство в Северном Уэльсе), при содействии короля Мерсии Пенды. Этот союз доставил множество хлопот Нортумбрии. Эанфрид несколько месяцев

правил западной частью Нортумбрии — королевством Берникия, однако эта интересная ситуация — король Нортумбрии, сын которого являлся потенциальным претендентом на пиктский трон, — ни к чему не привела, так как Эанфрид был убит, когда отправился к Кадваллону для переговоров о мире.

В 633 году Освальду удалось изменить ситуацию в Нортумбрии к лучшему: он убил Кадваллона и снова объединил королевства Дейра и Берникия. Смерть их короля положила конец надеждам бриттов остановить нашествие нортумбрийцев на запад. Косвенно победа Освальда могла дать ему некоторую степень контроля над частями бриттской территории. Хотя, возможно, Беда несколько преувеличивает, заявляя, что святой король Освальд покорил бриттов, пиктов и скоттов. В другом, более прозаическом пассаже Беда ясно говорит: Нортумбрия во времена Освальда имела те же границы, что и при его отце Эдвине, и только брат Освальда — Озвиу «покорил и заставил платить дань» пиктов и скоттов.

Беда не дает определенной даты завоеваний Озвиу, но, судя по всему, предполагается, что это было спустя три года после его великой победы в 655 году. В 654 году ирландские анналы фиксируют победу Талоркана — сына Эанфрида и племянника Озвиу — над людьми Дал Риады, но вслед за этим нет никаких записей о сражениях между пиктами и скоттами до того момента, как те свергли власть Нортумбрии.

Нигде не говорится о том, какая часть пиктского королевства была оккупирована. Позднее Аберкорн на южной стороне Ферг-оф-Форт был, как пишет Беда, выбран в качестве резиденции епископа «провинции пиктов, которая в то время была подчинена англам». Из-за этого выбора оккупированной провинцией считается Файф, который находился на противоположном берегу. Беда, однако, в то же время пишет, что Озвиу подчинил

«большую часть пиктов» и вполне возможно, что в руках англов оказалась вся страна пиктов к югу от Грампианских гор. Оккупация продолжалась почти тридцать лет. Ни в одном из имеющихся источников нет никаких намеков на то, считали ли пикты это время эпохой чужеземного ига. Той частью страны пиктов, которая осталась свободной, правил в то время некто Гартнат, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он умер в 663 году и ему наследовал его брат Дрест.

В последующие годы ирландские анналы фиксируют серию событий, которые, как кажется, отражают нечто вроде гражданской войны между независимыми пиктами. Этот материал трудно использовать, поскольку мы не всегда можем быть уверены, что все эти события или какие-то из них выстраиваются в логическую последовательность или же они совершенно не связаны друг с другом. Конечно, их можно связать гипотетический рассказ, но полученный результат будет иметь сомнительную историческую ценность.

Дрест был свергнут в 672-м, и, возможно, это каким-то образом связано с инцидентом, зафиксированным в «Житии святого Уилфреда», написанном VIII веке и приписываемом Эддию Стефану. Согласно этому «Житию», когда нортумбрийский король Эгфрид был молодым и незадолго до того, как его супруга Этильтрида ушла в 672 году в монастырь, «зверские племена пиктов» (*populi bestiales pictorum*), пытались положить конец нортумбрийской оккупации, собрали «бесчисленные племена с севера» и организовали восстание. Эгфрид быстро и, судя по всему, очень жестоко его подавил, поскольку, как сообщается, он построил через две реки мост из тел пиктов, так что его армия смогла пройти там, не замочив ног, и перерезать оставшуюся часть пиктской армии.

Несмотря на некоторую сенсационность этого рассказа в «Житии», у нас нет причин сомневаться в том,

что восстание произошло на самом деле. Автор не объясняет, почему оно произошло именно в это время, и не сообщает, кто был вождем восставших. На эти вопросы можно дать много ответов, но все они одинаково недоказуемы.

Озвиу скончался в 670 году, и неминуемые административные перетасовки на севере, когда его сын взошел на престол, могли дать пиктам возможность восстать. Вполне вероятно, что Эгфрид был вынужден вывести войска из страны пиктов, чтобы направить их в поход для освобождения собственной провинции Линдсей от англосаксонских собратьев — королевства Мерсия. Эта экспедиция, как мы знаем, оказалась успешной. Однако войну за Линдсей мы точно датировать не можем; известно лишь, что она произошла между 671-м и 675 годами.

Из рассказа в «Житии» как будто явствует, что восстание было организовано не внутри оккупированной территории, а свободными пиктами на севере. Из этого можно сделать вывод, что у северных пиктов был отважный и инициативный вождь, которому подчинялись большие массы людей. Дрест, как мы видели, был свергнут в 672 году, процарствовав девять лет. Это могло быть результатом полного провала восстания, а может быть, и предварительным устранением неэффективного лидера еще до начала военных действий. В последнем случае вождем восстания мог быть Бриде, сын Биле, наследник Дреста. Именно он оказался тем королем, который в конце концов сверг власть Нортумбрии.

Бриде, сын Биле, — это первый пиктский король после Бриде, сына Маэлкона, деятельность которого привлекла внимание зарубежных хронистов. Как и его предшественник, он, вероятно, происходил из британской королевской семьи: весьма возможно, что Били — это на самом деле Бели, сын Нейтона, который был

королем бриттов Стратклайда¹. Заметка в королевских генеалогиях Берникии, которые включены в «Историю бриттов», называет Бриде кузеном Эгфрида; таким образом, мать Бриде, видимо, была дочерью Эанфрида, сына Этельфрида, чей сын Талоркан ранее был королем пиктов.

Как мы видели, начало царствования Бриде было отмечено национальной катастрофой. В следующие годы невозможно сказать определенно, какие из очевидно пиктских событий, зафиксированных в ирландских анналах, действительно могут относиться к его подвигам. Скин полагал, что все эти события относятся к Бриде и, таким образом, служат прелюдией к его триумфу в 685 году. Возможно, Скин и прав, но только в одной записи в анналах действительно упоминается имя Бриде: это разорение Оркнейских островов в 682 году. Эта краткая запись интересна тем, что, как она показывает, Бриде командовал флотом и его власть распространялась до крайнего севера страны непосредственно перед тем, как он получил полный контроль над югом. За год до 685-го анналы фиксируют «осаду Дунноттара» (фото 13). Эта запись очень важна, поскольку это одно из очень немногих упоминаний о пиктских делах в северо-восточной Шотландии, и, кроме того, она свидетельствует о наличии укреплений раннего Средневековья на скале Дунноттар. Осаду, возможно, вел сам Бриде, который хотел продемонстрировать свою власть перед походом на северные острова, но это лишь догадка. Осада *Дунбайтте*, по мнению Скина, указывает на деятельность Бриде в Данбите (Кайтнесе), однако это опять-таки лишь предположение. В 683 году анналы фиксируют осаду Дунад-

¹ То, что Биле был королем пиктов и бриттов одновременно, подтверждает «Житие Адамнана» (то есть житие автора «Жития Колумбы»). Говоря о том, как Адамнан похоронил Бриде, сына Биле, в монастыре на Ионе, автор жития называет его «королем пиктов» и в то же время «властителем над Камнем Клайда» (Камень Клайда — Алкунт — столица бриттских королей).

да в Дал Риаве и Дундурна в стране пиктов. Первое, возможно, было результатом внутреннего конфликта в Дал Риаве, а второе — пограничной схваткой; ни то ни другое не имело особого влияния на карьеру Бриде.

Если о первых годах деятельности Бриде мы можем лишь строить догадки, то нельзя сомневаться в самом характере его величайшего достижения — победы, которая навеки отодвинула границу Нортумбрии обратно на южную сторону Ферт-оф-Форт. Эта битва — наиболее хорошо документированное событие в истории пиктов. О нем упоминают англосаксонские, ирландские и бриттские авторы. Более того, их информация совершенно независима друг от друга, и, наверное, нельзя сомневаться, что эта победа была очень значительным и важным событием для всех народов северной Британии.

Беда сообщает, что в 684 году Эгфрид, идя вопреки советам друзей, послал некоего Берхта в карательную экспедицию против ирландцев, которых Беда называет «безобидным народом, который всегда относился к англам самым дружеским образом». Берхт выполнил поручение с редкой безжалостностью, не щадя ни церквей, ни монастырей, и привез с собой в Нортумбрию множество пленных.

В следующем году Эгфрид, игнорируя прокляти взбешенных ирландских церковников и опять-таки вопреки всем советам (на этот раз прежде всего советам святого Катберта), лично отправился на юг со всей своей армией, чтобы сокрушить пиктов. Он как будто бы без сопротивления пересек Форт, а потом и Тэй, но, оказавшись на территории нынешнего Энгуса, столкнулся с пиктской армией. При виде нортумбрийского войска пикты повернулись и побежали, и Эгфрид, уже привыкший из всех конфликтов выходить победителем, пустился в погоню. Но это была ловушка. Эгфрид, по словам Беды, был «запутан в теснинах недоступных гор», и в

1

2

3

37

каком-то месте (видимо, выбранном заранее) пикты повернулись; к ним присоединилось подкрепление, и они начали резню нортумбрийской армии. Эгфрид был убит вместе со своими телохранителями, которые держались вокруг короля до последнего. Катберт, обходя римские руины в Карлайле, где он вместе с королевой Эорменбургой ждал новостей о северном походе, узрел страшное видение этого катастрофического события, которое произошло в субботу, 20 мая 685 года.

В ирландских анналах это сражение именуется «битвой при Дун-Нехтане», название, которое в XIX веке было отождествлено с Даннихеном, небольшой деревней близ Форфара в Энгусе. В то время там, на южной стороне холма Даннихен, были довольно внушительные развалины крепости, и, хотя добыча камня значительно уменьшила эти руины, по тому, что осталось, вполне можно допустить, что в VII веке там существовало пиктское поселение. Это укрепление или поселение, скорее всего, и есть Дун, упоминаемый в анналах.

Беда не называет никакого места в связи с этой битвой, но в более поздних англосаксонских источниках она фигурирует как битва при Нехтановом болоте (Нехтансмире), и это, видимо, было название, которое использовали англосаксы для обозначения этого сражения. В одной заметке в «Истории бриттов», где говорится о взаимоотношениях Бриде и Эгфрида, битва именуется «*Gueith Lin Garan*», что можно перевести как «Битва у пруда цапель». Эта заметка восходит, скорее всего, к письменному источнику из Стратклайда, но, поскольку имя, данное там Бриде, воспроизводит пиктское написание, возможно, что и «Лин Гаран» — также пиктское название. «Болото» или «пруд», упоминаемый в источниках, можно отождествить с тем, который известен как Даннихенское болото — болотистое озеро на востоке от деревни. Болото было искусственно осушено в XIX веке,

однако детальные исследования топографии и аэрофотосъемка позволили определить его местоположение и размеры. Таким образом, место, где произошла битва, должно было располагаться на сравнительно небольшой территории между холмом к северу от современной деревни и болотом к востоку от нее.

После битвы многие нортумбрийцы в стране пиктов были убиты или обращены в рабство, хотя некоторым и удалось спастись. Тело Эгфрида каким-то образом было доставлено на Иону. Трумвине, который в то время был епископом у пиктов, ушел из Аберкорна вместе со своими монахами. Разместив монахов в других монастырях, он с небольшой группой друзей удалился в Уитби. Подобный же исход монахинь, бежавших из северного монастыря в страхе перед «варварской армией», описан Бедой в прозаическом «Житии святого Катберта». Пикты получили обратно всю территорию, которой владели нортумбрийцы, и со скоттов и бриттов уже более не взималась дань.

Нортумбрийцам уже никогда не удалось получить обратно ту землю к северу от Ферта, которой они владели почти тридцать лет. В действительности нет никаких данных даже о том, что они когда-либо предпринимали серьезную попытку это сделать. Наследник Эгфрида Алдфрид поддерживал северную границу по Форту, но южную границу королевства приходилось энергично защищать от растущей силы Мерсии, и повторное завоевание и оккупация пиктской провинции повлекли бы за собой перенапряжение ресурсов.

Немедленный уход нортумбрийцев с пиктской территории после победы в 685 году нужно понимать как результат периода военной дезорганизации после смерти короля и бегства нортумбрийской армии. Несомненно, Эгфрид, продвигаясь на север, в Энгус, привлек в свою армию все военные подразделения, которые были размещены в принадлежавших англосаксам областях

страны пиктов, так что его поражение погубило одним ударом и наступавшую, и оккупационную армию.

Самый непонятный факт, касающийся битвы при Нехтансмуре, как ее обычно называют, — это то, почему она вообще произошла. Вряд ли мы можем считать, что эта великая победа, принесшая пиктам освобождение, произошла случайно, из-за агрессивной прихоти Эгфрида. Для того чтобы как-то объяснить случившееся, историки предположили, что еще в 684-м начался своего рода «кельтский заговор» с целью разгромить Нортумбрию, которому ирландцы, жившие в Ирландии, обещали свою помощь. Действия Эгфрида в 684-м и 685 годах можно объяснить как своевременное предупреждение крупного восстания. Но рассказ Беды опровергает это мнение: Беда подчеркивает агрессивный характер обеих кампаний Эгфрида. Таким образом, перед нами победа, которую одержал Бриде, сын Били, завоевав пиктам место в истории и немедленный политический престиж, какого у них никогда не было, и которая обеспечила пиктам сто пятьдесят лет господства к северу от Форта, но эта победа отнюдь не была инициативой самих пиктов.

Остается возможность того, что Беда был плохо информирован. Эгфрид мог осознавать, что именно происходит на севере, и такие клирики, как Катберт и Беда, не обязательно могли быть в курсе этих проблем. А смерть Эгфрида должна была лишь подкрепить точку зрения, согласно которой его дело было неправым. Усиление партизанских действий на границах оккупированной пиктской территории вместе с сообщениями о воинской отваге короля свободных пиктов вполне могли подсказать Эгфриду, что наступило время действовать как можно быстрее. Уже тот факт, что он лично возглавил кампанию, говорит о том, насколько серьезной была, с его точки зрения, ситуация.

Бриде царствовал в объединенной стране пиктов еще восемь лет после своей великой победы. Мы не знаем, как он провел эти годы. В «Житии Колумбы» Адамнан замечает, что в дополнение к этим бедам в 686 году нортумбрийцы пострадали от чумы, которая в то время прокатилась по всей Европе. Одни лишь пикты и скотты спаслись от этой эпидемии — как считал Адамнан, из-за того, что оба эти народа почитали святого Колумбу. Таким образом, кажется, что последние годы Бриде были мирными. Он скончался в 693 году и в ирландских анналах в записи о его смерти назван «королем Фортриу» — указание на то, что после 685 года его администрация располагалась на юге.

Наследником Бриде стал некий Тараң, который спустя четыре года был свергнут другим Бриде — Бриде, сыном Дериле. Этот Бриде мог быть внуком Бриде, сына Били, однако существует лишь единственное свидетельство на этот счет — отрывок из весьма темной ирландской поэмы.

В самом начале его царствования между пиктами и нортумбрийцами произошла битва — первая за тринадцать лет. Судя по всему, в ней победили пикты, так как предводитель нортумбрийцев был убит. В ирландских анналах есть несколько кратких заметок о конфликтах на западе Шотландии во время царствования Бриде, но их следует понимать как отдельные эпизоды в многочисленных гражданских войнах, которые в то время преобладали в истории Дал Риады.

ЦАРСТВОВАНИЕ НЕХТОНА, СЫНА ДЕРИЛЕ, И ПРИХОД К ВЛАСТИ ЭНГУСА, СЫНА ФЕРГУСА

Бриде умер в 706 году, и ему наследовал его брат Нехтон. Нехтон, сын Дериле, — важная фигура в пиктской истории, поскольку именно он был ответствен

за изменение в пиктской церкви даты Пасхи с кельтской на римскую. В ранние годы его царствования нортумбрийцы и пикты снова вступили в конфликт, но на сей раз пикты потерпели поражение. Возможно, Нехтон решил положить конец бесполезным пограничным схваткам и сделать Нортумбрию союзником. С помощью умелой дипломатии он добился перемен и в политической, и в религиозной обстановке, обратившись к церкви Нортумбрии за помощью в решении вопроса о Пасхе. Достигнутые таким образом добрососедские отношения между пиктами и Нортумбрией продлились долго и были официально подтверждены наследником Нехтона.

За этим последовал, возможно, наиболее интересный период пиктской истории, поскольку теперь наконец источники дают нам несколько больше информации. Само по себе это отражает важность происходивших событий. Именно в этот период у пиктов появился крупнейший военный вождь — Энгус, сын Фергуса (это ирландская форма его имени, которая по-пиктски звучала как Онуйст, сын Вургуйста). И действительно, Энгус заслужил, чтобы его помнили. Если бы только наследники смогли закрепить его достижения, современная Северная Британия сегодня определенно называлась бы не Шотландией, а Пиктландией.

Энгус пробил себе путь на трон страны пиктов после целого ряда впечатляющих побед, одержанных в течение всего двух лет. Его деятельность обратила на себя внимание ирландских анналистов. Во всех отношениях он показал себя как самый способный из четырех претендентов на корону и, прочно утвердившись на троне, обратил все свои силы на завоевание соседних королевств.

Первые признаки внутреннего напряжения в царствование Нехтона возникают уже в 713 году. Тогда ирландские летописцы отметили, что брат Нехтона, Ки-

ниод, был убит королем области Атолл. Нехтон сразу отреагировал на это, заключив убийцу под стражу, и эта немедленная кара как будто предотвратила все возможные беспорядки еще на десять лет. В 724-м анналы сообщают, что Нехтон ушел в монастырь и ему наследовал Друст. Вполне возможно, что Нехтон оставил трон добровольно, но в следующем году сын нового пиктского короля оказался в плену, а еще через год был захвачен сам Нехтон¹. Поэтому можно не сомневаться в том, что с самого начала Нехтон находился под давлением. Царствование Друста оказалось коротким, поскольку в 726 году он был «изгнан с царства пиктов, и Алпин царствовал вместо него».

В этой, если можно так выразиться, «войне за пиктское наследство» было четыре претендента: Нехтон, который царствовал уже долго и чье законное право на трон, очевидно, было бесспорным; Друст, с успехом претендовавший на место Нехтона, видимо, с помощью силы; некий Алпин, который сместил Друста, но о его биографии мы ничего не знаем, и, наконец, Энгус, которому суждено было выйти победителем и о происхождении которого нам также ничего не известно. Все они были пиктами, поскольку битвы, в которых они участвовали, происходили, по словам ирландских летописцев, «между самими пиктами». Все они, скорее всего, были вождями различных областей страны пиктов, состоятельными людьми, которые могли командовать собственной дружиной.

Произошло четыре битвы до того, как новый король пиктов смог укрепиться на троне. Первое сражение произошло в 728-м (точная дата неизвестна), послед-

¹ В 725 году ирландские анналы сообщают: «Симал (в другом написании — Симул), сын Друс(т)а, связан», в 726 году — «Нехтон, сын Дер Или, связан королем Друстом». Если понимать это имя так, как его пишут ирландские анналисты, по-ирландски, то Дер Или как будто значит Дочь Айлея.

нее — 12 августа 729 года. Первую битву ирландские летописцы называют «битвой при Монах-Крэби», что предлагалось отождествить с Монкрифф-Хилл, к югу от Перта. Однако это название, как и все остальные, связанные с этим конфликтом, еще точно не идентифицировано. До этой битвы претендентами были, как мы уже видели, царствующий король Нехтон и некий Друст. В первой битве на сцену вышли другие действующие лица — Энгус и Алпин. В результате — бесспорная победа Энгуса. Многие соратники Алпина были убиты, в том числе и его сын.

Энгус поступил очень умно, позволив Нехтону покончить с Алпином. В том же самом году Нехтон и Алпин сошлись в «прискорбной битве» в месте, которое называлось *Каслен-Креди*. Алпин потерял все свои территории и всех своих людей, и здесь мы слышим о нем в последний раз. Победа — хотя она и была одержана над противником, которого уже успел ослабить Энгус, — очевидно, дала Нехтону достаточный повод снова начать называть себя «королем пиктов»¹.

В 729 году случилось неминуемое столкновение Нехтона и Энгуса. Битва, как сообщается, произошла при *Монит-Карно* близ озера *Логда*. Энгус снова одержал полную победу. И последняя битва — битва *Дрома Дерг Блатнуг* — была уже между Друстом и Энгусом. Друст был убит, и Энгус, которого с тех пор стали называть «королем пиктов», прочно утвердился на своем с таким трудом завоеванном троне.

Эта гражданская война, очевидно, была чем-то большим, чем сварой между мелкими князьками, иначе о ней не сообщалось бы в ирландских анналах так подробно. Не исключено, что последующие редакторы двух основных дошедших до нас сводов анналов —

¹ «Нехтон, сын Дер Или, взял королевскую власть у пиктов», — говорят ирландские «Анналы Тигернаха».

«Анналов Тигернаха» и «Анналов Ульстера» — независимо друг от друга перефразировали даже еще более длинные версии записей, которые были в оригинальном тексте анналов.

ЭНГУС И ДАЛ РИАДА

Амбиции Энгуса вскоре заставили его выйти за пределы страны пиктов. В этот момент он, очевидно, не имел намерения расширять свое королевство на юг, так как, если верить Беде, в 731 году между пиктами и Нортумбрией соблюдался мирный договор. Очевидной целью была Дал Риادا, и первое столкновение произошло уже в 731 году, когда сын Энгуса Бруде обратил в бегство вождя Дал Риады¹. Два года спустя Дунгал, сын Селбаха, из области Лорн в Дал Риаде, взял в плен Бруде, когда он находился в святилище на острове Тори². В том же самом году Эохайд, сын Эохайда, короля Дал Риады, умер, и королевство, судя по всему, было разделено между Дунгалом и его кузеном Муйредахом, сыном Айнвеклаха. Власть, которой Эохайд обладал над землями Дал Риады в северной Ирландии, перешла к некоему Индрехтаху. Задачей Энгуса, таким образом, стало устранить этих кузенов-ирландцев и их потенциального союзника в Ирландии.

Энгус вскоре отомстил Дунгалу за то, как тот обошелся с его сыном Бруде. В 734 году он разрушил крепость

¹ Точнее говоря, в этом году произошло две битвы: первая — при Муирболке, где пикты были разбиты войсками Дал Риады, и вторая — где сын Энгуса Бриде победил некоего Талорка, сына Конгуса (о нем см. ниже).

² Остров Тори считался святым местом. Есть легенда, что автор «Жития Колумбы» Адамнан, обходя монастырское кладбище на этом острове, сказал, что на этом кладбище покоятся «четверо: если бы они попросили Бога, чтобы море, которое между Тори и материком, стало бы землей, и чтобы поднять небо с земли, если бы оно на нее упало, то это было бы сделано ради них».

Дал Риады — *Дун-Летфинн* и ранил Дунгала, который, по выражению летописца, «бежал от власти Энгуса в Ирландию». В ходе кампании 734 года сын короля Атолла был взят в плен близ Дунолли, важной крепости Дал Риады, что показывает, насколько далеко пикты проникли на западное побережье. В это время произошел один любопытный инцидент: Талорк, сын Конгуса, передал своего брата пиктам¹. Может быть, этот самый брат должен был быть заложником, но в целом все это выглядит как неприглядный эпизод в семейном конфликте. Разумеется, пикты безо всяких сомнений казнили его по принятому у них обычаю, путем утопления.

Кампания Энгуса в 736 году оказалась более разрушительной. Ирландские анналы утверждают, что в этом году он опустошил области Дал Риады, захватил очень важную крепость Дунадд, и другую, под названием *Крейк*. Вернувшийся из Ирландии Дунгал был взят в плен, так же как и его брат Ферадах. Однако в этот момент большой бедой для Энгуса стала гибель его сына Бруде, который был отважным бойцом. Наследником Энгуса в его завоеваниях стал брат, который победил кузена Дунгала, Муйредаха, в области под названием *Калатросс* (где она находилась, мы не знаем).

Потом сражения, судя по всему, прекратились на целых три года. В следующий раз имя Энгуса появляется в анналах в тот момент, когда он приказал утопить короля Атолла². Полная лояльность владельца этой пограничной области должна была быть чрезвычайно важна для Энгуса, и это распоряжение, видимо, стало

¹ Толкование этого инцидента у автора основано на «Анналах Тигернаха». Запись в «Анналах Ульстера» говорит, что не Талорк предал брата, а, напротив, Талорк был предан своим братом (что выглядело бы естественнее, учитывая упомянутое столкновение Талорка с Бруде).

² Его звали Талоркан, сын Дростана.

твердым ответом на какие-то предательские сношения между этим королем и его соседями из Дал Риады.

В 741 году Энгус столкнулся с последним вождем разделенного королевства Эохайда. В двух битвах, которые, видимо, произошли в Ирландии, Энгус победил и убил короля Дал Риады Индрехтаха. Ситуацию после десяти лет сражений очень точно определил ирландский летописец: «Энгус, сын Фергуса, заставил содрогнуться Дал Риаду».

ЭНГУС И БРИТТЫ СТРАТКЛАЙДА

Энгус, как того и следовало ожидать, обратился затем к завоеванию бриттского королевства Стратклайд. Правда, для долгосрочных перспектив пиктского королевства было бы лучше, если бы он упрочил свою позицию в Дал Риаде.

Северные бритты были сильным и сплоченным народом, в отличие от Дал Риады, королевства, сильно ослабленного внутренними конфликтами. Более того, еще один фактор усложнял положение — Нортумбрия, интересы которой непременно должны были быть затронуты при любой попытке со стороны пиктов захватить территорию, принадлежавшую их западным соседям.

Естественно, что источники, касающиеся этого нового и последнего периода биографии Энгуса, уже не ирландские. Теперь на Энгуса обратили внимание в Нортумбрии, и последующий рассказ основан на англосаксонских источниках.

Пикты и Нортумбрия жили в мире, когда Беда в 731 году закончил свою «Церковную историю». Этот мир был нарушен по меньшей мере уже в 740-м, когда король Нортумбрии Эадберхт, как сообщается, сражался со своей армией против пиктов. Маловероятно, чтобы Энгус

предпринял какую-то попытку агрессии против Нортумбрии в такой ключевой момент своей кампании против Дал Риады. Гораздо более вероятно, что Эадберхт воспользовался шансом, который дало ему отсутствие Энгуса, чтобы напасть на южную часть пиктских земель. Между тем оказалось, что Этельбальд, король Мерсии, в свою очередь, воспользовался отсутствием Эадберхта и опустошил часть Нортумбрии.

В 744 году зафиксирована первая битва между пиктами и бриттами. Результат нам неизвестен, может быть, победа не досталась ни одной из сторон.

В 750 году в продолжении хронологических заметок, которыми заканчивается «Церковная история» Беды, есть любопытное упоминание о том, что Кутред, король Уэссекса, «восстал» против Энгуса и Этельбальда. Такая формулировка заставляет предполагать, что между этими королями был союз. В 743 Этельбальд и Кутред сражались против валлийцев, так что все эти три короля питали неприязнь к бриттам. Факты заставляют предполагать, что после успеха в войне с Дал Риадой Энгус решил заключить союз с любым королем, готовым помочь ему закрепиться в Стратклайде.

В том же самом году, и, видимо, в результате развала союза, пикты, под предводительством брата Энгуса, Талоркана, потерпели серьезное поражение от бриттов. Это было первое крупное поражение Энгуса. Талоркан погиб в битве. Таким образом, Энгус лишился не только значительной части своей армии, но и поддержки брата, который уже показал себя способным полководцем. Разгром 750 года, очевидно, был серьезным провалом для Энгуса. В этом году ирландский хронист записал: «Упадок¹ власти Энгуса». Возможно, запись отражает удивление хрониста по поводу того, что счастье отвернулось от непобедимого доселе Энгуса, и он

¹ Буквально — «отлив» (aithbe).

не имел в виду, что Энгус действительно перестал царствовать (как это иногда предполагают).

В 756 году Энгус снова заключил союз с Нортумбрией. Он и Эадберхт выступили против столицы Стратклайда — крепости на скале Дамбартон. Сначала им как будто везло, и 1 августа они заставили бриттов заключить с ними договор. Но десять дней спустя почти вся армия союзников была уничтожена.

Если считать, что внезапное молчание всех источников хоть что-нибудь значит, то это была последняя битва Энгуса. Его агрессия против Стратклайда, будь она при поддержке со стороны или без нее, ни к чему не привела. Однако не следует предполагать, что Энгусу не удалось удержать свои позиции в Дал Риате до самой своей кончины в 761 году. В ирландских анналах смерть его отмечена безо всяких комментариев. У продолжателя Беды мы читаем довольно откровенную эпитафию Энгусу: «Скончался Энгус, король пиктов, тиран и убийца, который с начала и до конца своего царствования упорствовал в совершении кровавых преступлений».

Глава 3

ЦЕРКОВЬ И ПИКТЫ

ЯЗЫЧЕСТВО ПИКТОВ

Племена, которым было суждено в конечном счете образовать пиктский народ, определенно должны были исповедовать какую-то разновидность языческого идолопоклонства, причем обряды и имена богов могли у разных групп быть разными. Кельтские элементы, как мы можем предполагать, разделяли по крайней мере некоторые принципы кельтской религии, известные нам по религии галлов и других кельтских народов. Но если значительная часть населения происходила от местных, некельтских племен бронзового века, то природу первоначальной религии пиктов определить гораздо труднее.

Поскольку обнаружить (или распознать) поддающиеся датировке культовые предметы пока не удастся, хотя в этой области и есть определенные достижения, плодотворным источником информации об общем характере языческих поверий народа может стать фольклор. Пиктский фольклор до нас не дошел, но ученые предполагают, что некоторые эпизоды в ирландских народных сказаниях имеют пиктскую основу. Постепенно мы сможем собрать достаточно материала, который мог бы быть полезен в этом отношении.

Многочисленные памятники пиктского искусства — еще одна возможность обнаружить следы пиктского язы-

чества. На плите с крестом в графстве Росс изображена едущая на лошади женщина, которая повернута лицом к зрителям. Ее часто сравнивают с галльскими изображениями богини Эпоны, но мы не можем утверждать, действительно ли художник имел в виду некий забытый местный культ, или он косвенно подражал какому-то иностранному образцу: ведь пиктские скульпторы часто изображали «книжные» по сути своей сюжеты. Некоторые непонятные сцены с фигурами на камнях могут изображать и какие-то известные сюжеты из пиктского фольклора, которые, должно быть, в свою очередь отражали следы языческих представлений.

Древнейший класс камней — те, на которых изображены только символы, — подводит нас ближе к языческому периоду, и, отбросив все другие соображения, нельзя сомневаться, что пиктские символы естественно входят в контекст языческих представлений. И все-таки прямых доказательств такой связи у нас пока нет.

Адамнан в «Житии Колумбы» дает обобщенную картину язычества у пиктов. Каста волхвов, глава которой — близкий друг короля, почитает и «величает своих богов». Что представляли собой пиктские боги, прямо не говорится, однако, как кажется, это были божества, связанные с судьбой человека, а не просто неясные силы природы. Следует сказать, что рассказ Адамнана о противостоянии святого и язычников, полный литературных штампов, значительно ослабляет ценность «Жития» как источника по ранней религиозной истории пиктов.

Таким образом, мы практически ничего не знаем о том, чем, по сути, являлась пиктская религия. Очень возможно, что в этом аспекте пикты были особенным народом. В этом случае их древние поверья плохо согласовывались с язычеством их соседей, и их с трудом можно было приспособить к новым обрядам христианского культа. Может быть, именно поэтому все следы пиктского язычества так быстро исчезли после христианизации.

НИНИАН

Из многих спорных вопросов, связанных с изучением пиктов, вопрос о роли, которую сыграл святой Ниниан в обращении пиктов, вызывал едва ли не самые ожесточенные дебаты. Некоторые историки заходят так далеко, что вообще отрицают наличие каких-либо достоверных сведений о миссии Ниниана к пиктам к северу от линии Форт—Клайд. Другие полагают, что Ниниан вел активную миссионерскую работу на севере вплоть до реки Ди, заложив многочисленные монастыри. Сведения о жизни и деятельности Ниниана — самые смутные, и именно поэтому полемика по этому вопросу не прекращается до сих пор.

В этой полемике затрагиваются многие важные вопросы. Если мы действительно можем доказать, что Ниниан успешно осуществил миссию к пиктам, тогда именно ему принадлежит честь называться крестителем Шотландии, а труды Колумбы, который жил более века спустя, представляются менее значительными. Некоторым шотландским историкам кажется, что Колумба — символ ирландского влияния и «кельтской», раскольнической церкви, в то время как Ниниан (хотя он и был бриттом!), по крайней мере, не ирландец и воплощает собой единение с Римом. К счастью, наиболее грубые издержки национализма в изучении вопроса о Ниниане уже ушли в прошлое. Сейчас основной задачей является тщательный анализ поздних письменных источников, чтобы найти в них следы ранних подлинных фактов. Раньше эти поздние материалы или полностью принимались, или полностью отвергались, в зависимости от точки зрения отдельных специалистов. Подобное внимательное исследование может быть очень интересным и ценным, однако для такого общего обзора, как наш, результаты такого исследования не всегда будут полезны. В следующем кратком очерке мы

сосредоточимся на более широких аспектах проблемы места Ниниана в истории пиктской церкви.

Несколько лет назад в Уайтхорне было сделано поразительное археологическое открытие (фото 11): археологи обнаружили остатки сооружений, которые отождествили с церковью, первоначально основанной здесь Нинианом. Внешние стены здания были покрыты штукатуркой кремового цвета, что сочли впечатляющим доказательством того, что это здание и есть *Candida casa* — Белый дом; именно так, согласно Беде, называли церковь Ниниана. Если принять такое отождествление, тогда получается, что Ниниан жил приблизительно во второй четверти V века.

Однако недавно было высказано предположение, что слово *casa* — не очень подходящее название для остатков этой древней церкви. Понятие *casa* является обозначением очень скромного здания, чего-то вроде хижины. Каменное сооружение с белеными стенами, таким образом, могло быть построено близким преемником Ниниана. Это было зримое воплощение смиренного, «чистого» жилья святого, в котором он поселился, когда прибыл в Уайтхорн — только на сей раз выполненное из долговечного материала. Если согласиться с таким предположением, то надо думать, что Ниниан жил и работал несколько раньше — в начале V века.

Помимо материалов, относящихся непосредственно к Ниниану, у нас есть только одно свидетельство распространения христианства среди пиктов в то время. Примерно в середине V века святой Патрик, просветитель Ирландии, написал письмо воинам Коротика, короля бриттов Стратклайда, текст которого дошел до нас. В этом письме Патрик осуждает воинов за то, что в ходе набега на Ирландию они приняли участие в истреблении группы христиан. И вместе с ними в этом позорном инциденте приняли участие и «недостойней-

шие, негоднейшие вероотступники-пикты». Это недвусмысленное заявление предполагает, что когда-то, ближе к началу V века, данная группа пиктов была христианской. Это говорит в пользу более ранней датировки Ниниана.

Самое важное свидетельство и о жизни Ниниана, и о его миссии к пиктам — это пассаж в «Церковной истории» Беда. В главе, где рассказывается в основном о миссии святого Колумбы к пиктам, предпринятой в VI веке, Беда рассказывает, что по традиции южные пикты были обращены «уже давно» священнослужителем по имени Ниниа — «епископом и святым человеком из племени бриттов, который получил должное образование в Риме».

Беда, скорее всего, добыл эти сведения от Пектхельма — первого епископа англского епископата в Уайтхорне, основанного как раз перед тем, как Беда закончил свою «Историю». Источником для Пектхельма, скорее всего, послужило кельтское «Житие святого Ниниана», ныне утраченное. Трудно сказать, содержалось ли утверждение об обращении пиктов Нинианом в утраченном «Житии», однако маловероятно, чтобы англосаксы взяли на себя труд выдумать подобную историю о миссии к пиктам.

Представляется, что сам Беда ничего не знал о церкви Ниниана в стране пиктов как в его время, так и в прошлом. Судя по «Истории» в целом, Беда определенно считает, что вся церковь пиктов — детище святого Колумбы. Единственное упоминание о Ниниане — это пассаж, который довольно неловко вставлен в рассказ о миссии Колумбы. В самом том, что деятельность этих двух миссионеров отнесена к разным регионам — югу и северу и обращение пиктов происходит в две стадии, есть нечто искусственное. Ни один другой источник не предполагает, что влияние Колумбы на севере было ограничено. Таким образом, вполне возможно, что и

миссия Ниниана в Уайтхорне должна была охватывать всю территорию пиктов.

У нас нет данных о том, что активная, действующая церковь, основанная Нинианом, существовала когда-либо у пиктов бок о бок с церковью Колумбы. «Житие святого Ниниана», созданное в XII веке, где можно было бы ожидать найти хоть какие-то сохранившиеся до того времени традиции, практически не содержит никакой информации о пиктской миссии Ниниана, которой не было бы у Беды. Миссии посвящена отдельная глава, но фактически это — попытка сказать хоть что-то, когда сказать на самом деле нечего.

В тех областях Шотландии, которые были пиктскими, есть много посвящений святому Ниниану, однако пользы от них немного, поскольку древность каждого отдельно взятого посвящения невозможно доказать. Замечательная находка раннесредневекового клада металлических предметов на острове Святого Ниниана (Шетлендские острова) заставляет полагать, что существовавшая на острове до викингов церковь была посвящена святому Ниниану (фото 19—23, 25), но нужно еще доказать, что она была посвящена именно в этот период, а не гораздо позже. С уверенностью можно сказать, что большинство посвящений святому Ниниану принадлежат к периоду возрождения его культа в XII столетии, а не ко времени пиктского господства.

Предполагалось, что представители основанной святым Нинианом церкви составили римскую партию, деятельность которой привела к разрыву с церковью святого Колумбы в начале VIII века¹. Гораздо вероятнее, что римская партия в церкви того времени обязана сво-

¹ Речь идет о праздновании Пасхи, которую ирландская церковь отмечала по устаревшей системе расчетов даты праздника, от которой к тому времени в Риме уже отказались. Конфликт затрагивал и другие церковные обычаи, в частности форму тонзуры (ирландские и валлийские священники выбривали не макушку, а лоб) и обряд посвящения епископов. См. далее главу «Спор о Пасхе».

им появлением нортумбрийской оккупации страны пиктов и последующему влиянию епископа Уилфрида и позднее — епископа Трумвине на пиктские церкви в оккупированных областях.

Следовательно, четких следов деятельности святого Ниниана среди пиктов мы пока найти не можем. Но все-таки весьма вероятно, что первый английский епископ Уайтхорна действительно сказал Беде, что Ниниан обратил пиктов и что эта информация пришла из раннего кельтского «Жития» Ниниана, ныне утраченного. По крайней мере, есть хоть одно серьезное достижение в решении этой проблемы: теперь точно доказано, что в Гэлоуэе никаких пиктов никогда не было: сейчас это считают средневековым мифом. По крайней мере, теперь мы знаем, что пикты, о которых идет речь, — это пикты к северу от линии Форт—Клайда. Представляется, что Ниниан действительно работал среди пиктов, однако результаты оказались непрочными, и выжившие церкви и монастыри быстро слились с церковью Колумбы. Бритты забыли и о них, и об их патроне, бриттском епископе Ниниане.

Что касается периода между Нинианом и прибытием в Шотландию святого Колумбы, единственные имеющиеся у нас данные по церковной истории пиктов — это данные посвящений и несколько поздних легенд, содержащихся в житиях ирландских и валлийских святых. В период непосредственно после Колумбы ситуация почти та же самая, и трудности, связанные с использованием этой информации, мы обсудим позже.

КОЛУМБА

Колумба родился в Донеголе примерно в 521 году. Он принадлежал к знатному семейству и как правнук короля по ирландским законам считался на-

следником трона Тары. Согласно «Житию», написанному Адамнаном, родители с самого начала хотели, чтобы он стал священником. Говорят, что в молодости он посещал многие знаменитые ирландские монастырские школы, став сначала дьяконом, а потом и пресвитером. К следующему периоду его биографии относят основание многих церквей и монастырей в Ирландии. К тому времени, когда Колумба оставил Ирландию, он уже был служителем церкви с большим стажем.

В позднейших источниках отъезд Колумбы связывается с неким скандалом. Адамнан говорит просто: «На второй год битвы при *Кул-Дребене*¹ на 42-м году своего возраста он отплыл из Ирландии в Британию, желая отправиться в паломничество ради Христа²». Адамнан часто использует даты битв, чтобы обозначить хронологию, и в его упоминании о *Кул-Дребене*, как кажется, нет ничего зловещего. Однако более поздние авторы полагали, что Колумба сам спровоцировал это сражение между севером и югом Ирландии и, чувствуя ответственность за гибель стольких людей в битве, сам наложил на себя покаяние и отправился в изгнание. У Адамнана мы не находим никаких следов такой драмы. Для него желание святого отправиться в Британию было просто обусловлено желанием вести

¹ В битве при Кул-Дребене (или Кул-Древне) в 563 году Диармайд мак Кербалл, король Ирландии, был побежден коалицией, состоявшей в основном из представителей его же собственного рода Уи Нейллов, в том числе двоюродного брата святого Колумбы — Айнмире, сына Сетны. В битве погибли, по сведениям «Анналов Ульстера», три тысячи человек.

² В древней Ирландии человек имел определенное положение в обществе и находился под защитой закона, только живя с людьми из своего рода на территории своего племени. Выйдя за эти пределы, он становился бесправным и должен был чувствовать себя очень одиноко. Поэтому под паломничеством (*peregrinatio*) понимался прежде всего разрыв связей с родом и племенем; отправляться очень далеко было не обязательно. Паломничество считалось одним из видов мученичества.

духовную жизнь по-своему, в обществе немногих друзей-единомышленников¹.

Одним из последствий приезда Колумбы в Британию стало то, что де-факто он стал главой церкви Дал Риады. Колумба с самого начала мог понимать, что так получится, однако Адамнан нигде не говорит, что это был главный мотив его отъезда.

Каковы бы ни были на деле причины, подтолкнувшие Колумбу к такому шагу (скорее всего, их было несколько), ни у Адамнана, ни в более поздних ирландских источниках нет и намека на то, что Колумба считал Иону миссионерским центром (фото 12), откуда он собирался обращать языческое королевство пиктов.

Согласно Адамнану, Колумба, покинув Ирландию, сначала посетил Коналла, сына Комгалла, короля Дал Риады, и уже оттуда отправился на Иону. Как мы уже знаем, Адамнан ничего не сообщает о том, как остров Иона был подарен Колумбе. Ирландские анналы говорят, что остров подарил Колумбе именно Коналл, возможно, в ходе его первого визита. С другой стороны, Беда ясно говорит, что дарение исходило от пиктов. Колумба, как он пишет, «привел этот народ к вере во Христа. После этого он получил от них этот остров, чтобы учредить там монастырь». Что касается сведений об Ионе, у Беды был доступ к достоверным источникам, и, несмотря на то что, видимо, некоторые источники по миссии Колумбы были пиктскими, вряд ли Беда стал бы сообщать какие-то сведения «с пиктским уклоном» без соответствующих комментариев. Поскольку Беда — более ранний и незаинтересованный

¹ Это не совсем так. Адамнан говорит (III, 3), что «неким синодом из-за каких-то извинительных и даже простительных причин несправедливо (как в конце концов и оказалось) святой Колумба был отлучен от церкви». Вполне понятно нежелание автора жития останавливаться на ошибках своего героя, хотя они и могли быть ему известны.

автор, его сведения по поводу дарения заслуживают больше внимания, чем информация ирландского летописца¹.

Историки обычно примиряют эти два предания, считая, что в дарении принимали участие оба короля, но имеющиеся у нас данные противоречивы. Кроме того, в нашем случае личность дарителя очень важна. Если мы примем версию Беды, то мы также должны принять и тот ход событий, который (если соединить рассказ Беды с рассказом Адамнана) он предполагает. На основании этих двух источников возникает такая картина. Колумба прибыл в Дал Риату и оттуда отправился проповедовать среди пиктов (по крайней мере, Бриде, король пиктов, принял его и позволил ему проповедовать). В виде любезности или, может быть, по особой просьбе Колумбы Бриде подарил ему Иону. Дата обращения пиктов у Беды — 565 год, так что Колумба мог провести примерно два года на большой земле перед тем, как отправиться на Иону². Если и Бриде, и Коналл ратифицировали дарение, то обращение пиктов также относится к первому году пребывания Колумбы в Британии. Если же мы отвергнем рассказ Беды, то окажется, что миссия Колумбы к пиктам могла состояться в любой момент во время пребывания Колумбы на Ионе.

Недавно и в самом деле было высказано предположение, что Колумба посетил пиктов только после Великого собора в Друим-Кете, неподалеку от Дерри в Ирландии, где Колумба играл важную роль. Таким образом,

¹ Запись в «Анналах Ульстера» о смерти Коналла (574 год) гласит следующее: «Кончина на 16-м году царствования Коналла, сына Комгалла, который подарил остров Иона Колуму Килле».

² Как бы ни обстояло дело в действительности, сам Адамнан, по-видимому, полагал, что святой жил на Ионе практически с первого дня своего «паломничества» за море, поскольку в предисловии к «Житию» говорится, что Колумба «тридцать четыре года подвизался как островной воин Христов». Колумба отправился в добровольное изгнание в 563-м и скончался в 597 году.

обращение пиктов будет относиться к периоду после 575 года. Эта гипотеза основана на внимательном анализе текста Адамнана, и мы не можем разбирать здесь все аргументы за и против такого предположения. Главное — это предположение, что Адамнан знал только об одном визите Колумбы к пиктам, который произошел тогда, когда святой был уже пожилым человеком. Однако возможно и другое истолкование этих данных.

Судя по всему, Адамнан имел доступ к длинному хронологическому повествованию, которое рассказывало исключительно о первом путешествии Колумбы к пиктам. Случаи, произошедшие во время этого визита, рассеяны по всему «Житию», группами или отдельно. Это повествование характеризуется выражением «в провинции пиктов». Несмотря на свою детальность, весь этот материал отличается сомнительной исторической ценностью, поскольку он почти целиком состоит из житийных клише¹.

Другой цикл происшествий, как кажется, относится к последующим визитам святого к пиктам и характеризуется использованием выражения «за хребтом Британии» (имеется в виду горная цепь Друмалбан). Все эти истории без исключения гораздо менее условны; в них есть убедительные топографические детали, и сами происшествия носят вполне индивидуальный, не стереотипный характер. Подобные случаи выбивались бы из тона рассказа о первом посещении святым короля Бриде в его крепости близ Лох-Несс и, видимо, относятся к последующим поездкам Колумбы в другие пиктские области.

Если принять такое подразделение материала Адамнана, относящегося к пиктам, тогда текстологические проблемы, связанные с принятием традиционной точ-

¹ К этой категории относится и рассказ о встрече святого с «лох-нессским чудовищем».

ки зрения на раннее обращение пиктов, могут быть разрешены, и нам не придется отбрасывать ясное свидетельство Беды.

Каких результатов добился Колумба в результате своей миссии в стране пиктов? Вот самый уместный ответ на этот вопрос: они были таковы, что в конце VII века Адамнан мог написать, что и Дал Риада, и королевство пиктов спаслись от эпидемии чумы «благодаря святому Колумбе, чьи монастыри, основанные в пределах обоих этих народов, весьма почитаемы и теми и другими и до сего дня». А Беда, который писал еще тридцать лет спустя, мог сказать об Ионе, что этот «монастырь в течение длительного времени был главным монастырем почти всех северных скоттов и всех пиктов и направлял эти народы».

К несчастью, ни Адамнан, ни Беда не называют ни единого монастыря, основанного Колумбой в Дал Риаде или у пиктов. Одно возможное исключение, как полагают современные издатели Адамнана, — *Архартдан* (современный Аркхарт). Если судить по форме этого названия, то по меньшей мере возможно, что там существовал основанный Колумбой монастырь, откуда к Адамнану и могла попасть информация о миссии Колумбы к пиктам.

Хотя в ирландских анналах есть ряд записей, относящихся к монастырям, основанным в Дал Риаде современником Колумбы — Комгаллом из Бангора, об основании обителей Колумбой таких сведений нет. Две записи могут касаться монастыря Колумбы в стране пиктов. В 622 году зафиксирована «кончина Винея, аббата *Непа* (*abbas Neir*)», и в 678 году «успение Нехтана из *Непа* (*dormitatio Nechtani Neir*)». Есть гипотеза, что под *Нером* имеется в виду *Дир* (*Deer*): так называется старинный приход в Бьюкене (графство Абердин). В таком случае средневековые свидетельства о том, что там был монастырь, основанный Колумбой и его уче-

ником Дростаном, получают дополнительное подтверждение.

Адамнан оставляет много неясностей относительно характера миссионерской деятельности Колумбы. У Беда Колумба обращает «народ» проповедью и личным примером, и «они» дарят ему Иону. Выглядело бы естественно, если бы главным действующим лицом в этих событиях был Бриде (*Bridius*), которого Беда называет «самым могущественным королем пиктского народа». С другой стороны, у Адамнана говорится просто, что Бриде всю оставшуюся жизнь почитал Колумбу, потому что ему внушала благоговение чудотворная сила святого. То, что Колумба ничего не говорит ни о крещении Бриде, ни о дарении Ионы, не поддается объяснению. Возможно, что Бриде позволил Колумбе проповедовать среди его народа, но отказался креститься сам. Точно так же, по словам Беда, поступил в последние два года своей жизни и король Мерсии Пенда.

В остальном несколько происшествий, запечатленных Адамнаном, показывают, что Колумба проповедовал «через переводчика» и крестил как отдельных людей, так и целые семьи. По какой-то причине такие обращения никогда не приводили к дарению земли (в отличие от более поздних ирландских житий, где такое встречается повсеместно).

В 635 году епископ Аэдан прибыл с Ионы в Нортумбрию, чтобы обратиться к нортумбрийцам по просьбе их короля Освальда, который уже был христианином. Беда несъема восхищался Аэданом, и он чрезвычайно подробно рассказывает о деятельности этого наследника Колумбы в своей «Церковной истории». Освальд предоставил Аэдану самые широкие полномочия — наверное, гораздо большие, чем король Бриде Колумбе за семьдесят лет до этого, однако сами обстоятельства обращения, видимо, могли быть похожи.

Аэдану, как и Колумбе, пришлось прибегнуть к услугам переводчиков, и у него с собой было множество помощников-ирландцев, которые проповедовали и крестили по всему королевству Освальда. Сначала почти вся церковь в Нортумбрии состояла из ирландских священников, но Аэдан почти сразу же принялся обучать клириков из местных жителей. В самом начале своей миссии он выбрал двенадцать нортумбрийских мальчиков, чтобы обучать их. Один из них, Эата, в конечном счете стал аббатом собственного монастыря Аэдана в Линдисфарне.

Насколько мы знаем, Колумба не назначил ни одного епископа к пиктам, так что в пиктской области не возникло епископского престола, аналогичного Линдисфарну. Беда рассказывает, как во многих местах строились церкви, и на постройку монастырей использовались деньги и земли короля. Эти первые храмы строились из бревен и покрывались хворостом — традиционный метод строительства, который, видимо, применялся и в пиктских церквях, что создает археологам дополнительные трудности при поиске культовых сооружений эпохи Колумбы.

ДАнные ПОСВЯЩЕНИЙ¹

Многие историки, которых огорчает отсутствие деталей в зарубежных источниках, сочли возможным широко использовать то, что можно назвать данными посвящений, чтобы получить некое последовательное повествование о том, что происходило в пиктской церкви в промежуток между известными нам событиями: миссией Ниниана в V веке, миссией Колумбы в VI веке и романизацией церкви Колумбы в VIII веке. Исполь-

¹ Имеется в виду освящение церкви в честь того или иного святого, то есть названия церквей и монастырей.

зование этих данных оправдывают тем, что в кельтской церкви существовал якобы стойкий обычай называть церкви в честь их основателей. Такое посвящение церкви, основанной до Реформации, кельтскому святому, позднее подкрепленное формальным освящением храма или названием места, считается «достоверным даже при отсутствии каких-либо свидетельств того, что святой лично работал на этом месте». Историки, вооруженные формулой «посвящение = личное основание», начали с большими подробностями реконструировать миссионерскую деятельность кельтских святых в пиктских краях в VI—VIII веках.

Никто не спорит с тем, что в кельтской церкви роль святого-основателя была огромной. Церковь посвящалась Богу, и мощи святого почитались по соседству с главным из основанных им храмов или монастырей. Аббаты считались не только духовными, но и физическими наследниками аббата-основателя¹. Менее крупные монастыри, основанные святым, назывались в общем и целом его *familia* (семейство, домоладцы) и росли вместе с новыми приобретениями наследников святого. Таким образом, связь монастыря на раннем этапе его истории с самим основателем приносила небольшой обители престиж, а главному монастырю — неоспоримые права на взимание дани. В результате могущество монастыря росло и вместе с ним «росла» и личная биография святого: его деятельность «распространяли» на все более и более широкую территорию с тем, чтобы она «совпадала» с растущим территориальным престижем его «фамилии». Не говоря уже о том, что между эпохой самого святого и тем моментом, ког-

¹ Более того, сам аббат назывался по-древнеирландски *sothaiba*, то есть «наследник». В быту аббат Армы назывался не «аббатом Армы», а «наследником Патрика», аббат Корка — «наследником Барре» (Барре или Финдбарр — основатель Коркского монастыря), аббат Ионы — «наследником Колумбы» и т. д.

да название монастыря было впервые зафиксировано письменно, зачастую проходили столетия, даже в самый ранний период основатель вполне мог почитаться в церкви, которая исторически не имела совершенно никакого отношения к личности святого.

Вся проблема достоверного использования данных посвящения была по-новому поставлена историком раннего Средневековья Э.Д. Боуэном в его работе «Поселение кельтских святых в Уэльсе». Он признает, что большинство посвящений — поздние, однако они говорят о возобновлении культа святых в тех областях, где сохранились старинные традиции о деятельности исторически известных святых. Профессор Боуэн выдвинул свою теорию в связи с кельтской церковью Уэльса, и тот же самый принцип вполне применим и к Шотландии. Таким образом, у нас появилась надежда определить, действительно ли этот материал пригоден для исследования церковной истории пиктов.

Факт остается фактом: шотландские церковные календари полны ирландских имен, и многие приходские церкви в Шотландии посвящены ирландским святым. Откуда произошли эти посвящения, если они не являются реликтами миссионерской деятельности ирландцев в стране пиктов в эпоху «века святых»? Разумно предположить, что большая часть этих посвящений отражает (хотя и с одной стороны) стирание после 850 года национальных особенностей пиктов под влиянием ирландцев. К тому времени обычные посвящения святым, на манер римской церкви, уже должны были стать нормой, и церкви, построенные при новых властителях из Дал Риады, естественно, посвящались ирландским святым. Это может объяснить особенность этих посвящений и шотландские календарей — а именно почти полное отсутствие святых, которые явно были бы пиктами. Маловероятно

что в церкви пиктов совсем не было местных клириков, чья память заслуживала увековечения, как можно было бы подумать по этим поздним посвящениям. Если «кельтские» посвящения действительно появились после того, как власть пиктов на севере рухнула, тогда отсутствие чисто пиктских посвящений становится понятным.

Если верить Бедде, то все монастыри в пиктских землях были основаны последователями Колумбы — заявление, которое становится особенно важным, если обратить внимание на осторожную оговорку Бедды — «почти все», когда он говорит о монастырях Дал Рианды. Эта фактическая монополия наряду с отсутствием какого-либо крупного монастырского центра среди самих пиктов, возможно, в какой-то степени подавила пиктский элемент в церкви. Иона, видимо, твердо контролировала церковь Колумбы в стране пиктов, особенно после поражения Нортумбрии, и именно отсюда в течение всей ее истории выходили главы этой церкви.

Таким образом, в некоторых посвящениях могут по меньшей мере сохраняться полезные обрывки информации о местоположении кельтских церквей и монастырей в темный период непосредственно после 850 года. Другие посвящения, видимо, являются плодом отношений между монастырями и деятельности наследников того или иного святого в более поздний (а может быть, и более ранний) период. Каждое посвящение нуждается в отдельном доказательстве своей древности или, по крайней мере, в отсутствии доказательств в пользу его позднего происхождения.

Хотя на данный момент практически ничего не известно об организации церкви Колумбы в самой пиктской области, отдельные упоминания у Адамнана и Бедды создают впечатление, что пиктская церковь жила и развивалась как совершенно обычная часть кельтской

церкви. Нет никаких упоминаний о периоде вероотступничества или каких-то ересях. По крайней мере, в этом отношении пикты, как кажется, были совершенно обычными людьми.

СПОР О ПАСХЕ

В VII веке между кельтской и зависевшей от Рима церковью англосаксов, центр которой находился в Кентербери, возник ожесточенный спор относительно способа вычисления даты Пасхи и формы монашеской тонзуры. Вопрос вычисления даты Пасхи, сам по себе совершенно технический, подразумевал в том числе вычисление даты весеннего равноденствия. Этот расчет производился с помощью цикла, состоявшего из определенного числа лет. Когда-то римская церковь пользовалась циклом из 84 лет, однако позднее, после многих поправок, был принят цикл из 19 лет, который давал более точные результаты. Кельтская церковь, находившаяся на окраине цивилизованного мира, не приняла нового метода и продолжала пользоваться старым 84-летним циклом.

В Нортумбрии из-за этого несоответствия создалась неловкая ситуация: король Озвиу, духовным отцом которого был епископ Линдисфарна, праздновал Пасху, в то время как его супруга, королева Эанфлед, и ее священник родом из Кента еще соблюдали Великий пост.

Для того чтобы добиться определенного решения по этому вопросу, Озвиу в 663 году созвал церковный собор в Уитби, на котором председательствовал сам. Беда донес до нас речи участников собора. Очевидно, что кельтскому епископу Колману, который упорно стоял на том, что «Пасху, которую я соблюдаю, получил я от наших старцев, которые послали меня сюда

епископом», было трудно тягаться с Уилфредом — блестящим оратором, который представлял римскую партию. Представители престола святого Петра без труда одолели «этого вашего Колумбу».

В те тридцать лет, когда «скотты были епископами среди англов», как говорит об этом Беда, входят и те восемь лет, когда по крайней мере часть южной области пиктов была оккупирована Нортумбрией. Когда в церкви Нортумбрии главенствовал Колман, церковь Колумбы в оккупированных областях, очевидно, не претерпела никакого ущерба. Однако решение синода в Уитби должно было повлиять и на пиктские церкви. Беда, рассказывая об эпохе после 669 года, говорит, что Уилфред стал «епископом Йорка и всей Нортумбрии, а также и пиктов». Имея Уилфреда в качестве епископа, пикты вряд ли могли по-прежнему соблюдать Пасху по кельтскому обычаю. Через три года после смещения Уилфреда в 678 году в Аберкорне, на южном берегу Ферг-оф-Форта было создано пиктское епископство. Первым епископом стал Трумвине.

Ни в одном из наших источников нет никаких упоминаний о реакции местных священнослужителей на нортумбрийскую реформу. Мы можем предполагать, что большинство пиктских клириков приняли навязанные сверху перемены с недовольством и горечью. Однако многие пикты могли и приветствовать нововведения — или по личному убеждению, или считая, что, покорившись римским обычаям, пиктская церковь сможет скинуть с себя бремя ирландского господства и наконец стать на ноги.

Однако после громкой победы Бриде, сына Били, в битве при Нехтансмере в 685 году им пришлось, по меньшей мере на время, расстаться с такими мыслями. Нортумбрийцы в стране пиктов, если верить Бедe, были убиты, заключены в тюрьму или обращены в рабство. Трумвине и его монахи бежали из Аберкорна

на юг, ища убежища в других монастырях. Видимо, в церкви, как и в других областях жизни, происходило мощное «кельтское возрождение», и мы можем считать, что Пасху 686 года пикты праздновали по старому 84-летнему циклу.

Однако римская партия вскоре одержала еще одну победу. В 686 году Адамнан, тогда девятый аббат Ионы, отправился в Нортумбрию с дипломатическим поручением¹. Два года спустя он снова побывал там и во время своего второго визита под влиянием Кеолфрида, аббата монастыря Беды — Монквермута и Ярроу, — принял римскую дату Пасхи. Однако, вернувшись на Иону, Адамнан не смог убедить свою братию принять эту реформу. В Ирландии он преуспел больше, и к концу VII века большинство церквей северной Ирландии приняли римское вычисление даты Пасхи.

Беда посвятил большую главу в своей «Церковной истории» римской реформе церкви пиктов, которая прошла около 710 года. Эта перемена, если верить Бедо, была целиком делом рук короля пиктов — Нехтона, сына Дериле. Самая замечательная черта во всей этой истории та, что роль Колумбы и Ионы в церковной истории пиктов была совершенно проигнорирована и пиктами, и англосаксами, как будто церковь Колумбы, которой руководил монастырь на Ионе, вообще не существовала! Сам Нехтон в своем послании к Кеолфриду ни словом не упоминает ни одного выдающегося клирика — местного или иностранного, — который повлиял бы на его решение по этому вопросу. Нехтон и его народ «ошибались», и он, Нехтон, решил отказаться от этой «ошибки». При этом он требует неопровержимых аргументов, которые помогли бы ему «опровергнуть тех, кто считает, что Пасху сле-

¹ Целью Адамнана было освободить ирландских пленников, унесенных Эгфридом во время набега на Ирландию в 684 году.

дует праздновать в недолжное время», и именно поэтому, несмотря на то что он уже «располагает об этом достаточными сведениями», он и послал к Кеолфриду гонцов за помощью. Он также просит послать на север архитекторов, которые помогли бы ему построить церковь на римский манер, то есть каменную, и он посвятит эту церковь святому Петру. О Колумбе он и не вспоминает.

Кеолфрид послал архитекторов, а с ними — длинное письмо, начинавшееся довольно торжественно: «Превосходнейшему и славнейшему господину королю Нейтану Кеолфрид аббат шлет привет в Господе». Беда приводит полный текст письма, который он сам сочинил для Кеолфрида. После подробнейшего рассмотрения аргументов в пользу римской традиции Кеолфрид говорит, что он не станет посылать ему таблицу с 19-летним циклом, ибо у Нехтона «уже достаточно католических таблиц, касающихся Пасхи». Факт принятия новой даты Адамнаном, «аббатом и достойным священником Колумбы»¹ в письме упомянут, однако нигде не говорится, что точка зрения аббата Ионы имеет для пиктов какое-то особое значение. Письмо кончается наставлением Нехтону: он должен «заставить народ всесторонне соблюдать все то, что относится к единству соборной и апостольской церкви».

Согласно Бедe, письмо прочли в присутствии короля и самых ученых его людей — после того как оно было переведено на пиктский. Своей «королевской властью» Нехтон запретил старый пасхальный цикл и повелел принять новый, 19-летний, который надлежало «перепи-

¹ Эта формулировка не случайна, ибо на Ионе, согласно обычаю, который брал свое начало еще с самого Колумбы, аббат был одновременно священником (пресвитером). Мы знаем, что на Ионе имелся и свой епископ, однако он, видимо, находился в подчиненном положении по отношению к аббату-пресвитеру.

сать, выучить и соблюдать во всех провинциях пиктов». Тонзуру также следовало изменить, и «народ, преобразенный таким образом, возрадовался, ибо снова попал под власть Петра, блаженнейшего князя всех апостолов, и оказался в безопасности под его защитой».

Мы не знаем, под чьим влиянием Нехтон в пасхальном вопросе встал на сторону Рима. Весьма вероятно, как это уже предполагалось, что ядро римской партии у пиктов сформировалось еще во время нортумбрийской оккупации. Копии таблиц с 19-летним циклом, несомненно, остались в пиктских церквях оккупированной области, и, может быть, именно их и имел в виду Нехтон в своем письме.

Разумно будет предположить, что за действиями Нехтона скрывался политический расчет. Недавние бои на южной границе его королевства, конечно, могли заставить Нехтона пересмотреть свое политическое положение, и он мог счесть, что союз с Нортумбрией пойдет ему только на пользу. Согласно Адамнану, граница между пиктами и ирландцами Дал Риады в конце VII века проходила по *Dorsum Britanniae* — хребту Британии, горной цепи, которая идет от Кейп-Рат в Сатерленде прямо на юг. Таким образом, пикты потеряли опору на северо-западе еще со времени Колумбы и Бриде, сына Маэлкона. Если пиктский король действительно искал союза с Нортумбрией, то вполне понятным становится и его прямое обращение к англосаксонским клирикам, и подчеркнутое игнорирование ирландской церкви.

Вне зависимости от того, надеялся ли Нехтон в действительности получить политическую выгоду от обращения к Нортумбрии, рассказ Беды определенно оставляет впечатление, что Нехтон, в сущности, считал самого себя главой пиктской церкви и что он целиком и полностью отвергал авторитет церкви Колумбы, которая управлялась с Ионы. Дату Пасхи и способ вы-

стригания тонзуры изменили, однако это было еще не все. Нехтон задумал окончательно подорвать влияние Ионы.

Монахи Ионы наконец приняли римскую дату Пасхи в 716 году: в этом их убедил Эгберт, король Нортумбрии. В следующем году ирландские анналы фиксируют «изгнание братии Ионы через хребет Британии королем Нехтоном». Рассказ Беды определенно предполагает, что Нехтон стал диктовать свою волю в церковных делах уже задолго до 716 года. Следовательно, эта запись в анналах (если она действительно стоит на своем месте) предполагает либо изгнание «диссидентского» меньшинства, все еще соблюдавшего старые обычаи, либо, что более вероятно, полное устранение монахов и священников церкви Колумбы, которые отказались признать авторитет короля в церковных вопросах.

РЕФОРМИРОВАННАЯ ПИКТСКАЯ ЦЕРКОВЬ

После этого впечатляющего образа пиктского короля, окруженного своими «самыми учеными людьми», церковная история пиктов снова становится тайной за семью печатями. Все, что у нас есть, — это обрывки материала в источниках, датируемых уже Новым временем. Мы не знаем, как жила и действовала эта новая, уже истинно пиктская церковь после того, как ее основы заложил Нехтон. Неизвестно, действительно ли был построен каменный храм. Если он был построен (а у нас нет никаких причин полагать, что он построен не был), тогда, возможно, именно он стал административным центром новой церкви. Скин в «Кельтской Шотландии», рассказывая об этом периоде, обратился к поздним легендам, касающимся жившего в VI столетии папы Бонифация. К этому его

привело как посвящение церкви именно святому Петру, так и упоминание о деятельности короля по имени Нехтон. Аргументы Скина основаны на целой цепи отождествлений, но ни одно из звеньев этой цепи не выдерживает научной критики. Анализируя этот материал, Скин пришел к выводу, что каменная церковь была построена в Розмарки в графстве Росс, но это ничем не доказано. Скорее следует полагать, что церковь была построена на юге страны пиктов.

Недавно было высказано предположение, что Нехтон в ходе предпринятой им реорганизации церкви учредил местное епископство в Абернети (графство Энгус). Автор XV века Боуэр в своем «Скотихрониконе» делает интересное замечание: по его словам, Абернети был резиденцией епископов и королей пиктов, и именно здесь было три избрания епископов в тот период, когда во всей стране пиктов был только один епископ. Эти поздние и ничем не подтвержденные данные, конечно, вызывают сомнение, однако Боуэр утверждает, что у него был доступ к хронике церкви в Абернети, и вполне возможно, что там содержался какой-то подлинный материал.

Есть свидетельство о том, что «episcopus Scotiae Pictus» посещал собор в Риме в 721 году. Обычно считается, что речь идет об ирландском епископе пиктского происхождения, но это с таким же успехом мог быть и пиктский епископ ирландского происхождения¹. Присутствие какого-то представителя пиктской церкви в Риме в этот период кажется вполне уместным.

Таким образом, у нас есть отдельные данные, которые позволяют считать, что пиктская церковь при Нехтоне, как этого следовало ожидать, потеряла свой в

¹ Речь могла идти и об ирландском епископе по имени Пикт. Так, святой Колумба воспитывался у священника по имени Круитнехан, то есть Пиктик или Пиктенек.

основном монастырский характер и двигалась к римской церковной системе, в которой центром служил епископский престол.

Самое лучшее свидетельство успехов христианства в VIII веке — это огромное количество камней с барельефами, которые обнаруживаются по всем областям расселения пиктов. На одной их стороне изображены богато орнаментированные кресты. Мы можем полагать, что эти памятники были заказаны христианскими патронами. Стиль украшений и иконография, которые фигурируют на большей части этих камней, говорят о живости и восприимчивости пиктской церковной жизни. Мнения относительно точной даты появления этих плит с крестами разнятся, однако они почти определенно были воздвигнуты после романизации пиктской церкви.

Царствование Нехтона закончилось периодом беспрецедентных политических беспорядков. До тех пор пока Энгус, сын Фергуса, не утвердился на троне, церковные дела, должно быть, мало волновали пиктских правителей. Кеолфрид в своем письме нарек Нехтона «благочестивым королем». Энгуса же, по контрасту, нортумбрийский писец посмертно назвал «тираном и убийцей»¹. Хотя, конечно, Энгус ни в коем смысле не был «святым на троне», он мог хотя бы ради престижа заложить собственный храм или монастырь.

Имя Энгуса, сына Фергуса, встречается в двух поздних легендах, где он назван основателем Сент-Эндрюса в Файфе, — церкви, которая по меньшей мере с X века стала одной из ведущих в Шотландии. Действительно ли имелся в виду знаменитый король VIII века или его правивший в IX веке тезка, пока неясно.

Здесь мы не можем детально обсуждать трактовку этих легенд в книге Скина, однако два его предполо-

¹ См. главу 2.

жения завоевали широкое признание, и здесь следует о них упомянуть.

По легенде, святой Регул принес мощи святого Андрея к пиктам, и именно он вместе с королем Энгусом, сыном Фергуса, основал церковь Сент-Эндрюса. Скин пытался отождествить этого Регула с ирландским святым Риagalом с Мукиниша, современником святого Колумбы. Такое отождествление базируется в основном на близости дней этих двух святых в календаре. Еще в конце XIX века епископ Дауден убедительно опровергнул этот аргумент, но его статья была забыта, а гипотеза Скина продолжает жить¹. Скин, кроме того, полагал, что основанный Риagalом храм существовал одновременно со скитом, который заложил на том же месте святой Кайннех². Связь Кайннеха с Килримонтом (Сент-Эндрюсом) основана на очень поздней глоссе в одной ирландской мартирологии, и ее нельзя принять в качестве дополнительного довода в пользу существования в этой области в VI веке христианской общины.

Вторая гипотеза Скина, которая требует комментария, — это то, что церковь, посвященная святому Андрею, была воздвигнута на месте кельтского монастыря Аккой из Хексэма во время периода его изгнания из Нортумбрии после 731 года. Хексэм действительно был посвящен святому Андрею, а Акка был известным собирателем всякого рода реликвий. Поэтому Скин предположил, что именно Акка, а не Риagal основатель кельтского монастыря, и принес мощи святого Андрея к пиктам. Эта теория вызывает много возражений. Главное из них то, что фактически нет данных

¹ Отождествление выглядит тем менее вероятным, что ирландский Риagal был связан с королевством Дал Кайс на юго-западе Ирландии, следовательно, его деятельность проходила очень далеко от Ионы и Шотландии.

² Святой Кайннех, друг святого Колумбы, был основателем монастыря Ахад.

о каких-либо посвящениях святому Андрею в Килримонте до X века. Само присутствие Акки в стране пиктов — всего лишь гипотеза, и без посвящения святому Андрею предположение о связи с Аккой теряет силу. Кроме того, если Акка действительно был основателем, маловероятно, что в Сент-Эндрюсе его бы полностью забыли. Акка был важным церковным деятелем, память о котором навеки запечатлелась в трудах Беды.

Тем не менее пиктский король, связанный с основанием Сент-Эндрюса, был назван Энгусом, сыном Фергуса, и никак иначе, и это требует объяснений. Если имелся в виду живший позднее и менее известный Энгус, тогда, возможно, растёт вероятность того, что мы имеем дело с подлинной традицией. С другой стороны, здесь мог иметь место обычный мотив клириков — установить старшинство своего монастыря. Если в данном случае можно продемонстрировать связь Сент-Эндрюса именно с пиктами (в противоположность скоттам), то покажется весьма правдоподобным, что самый прославленный король пиктов выступает в качестве основателя самой знаменитой церкви в Шотландии. Такая легенда могла оказаться очень полезной в споре за старшинство с конкурентами, например Данкелдом.

Есть два, несомненно, ценных свидетельства, которые касаются ранней истории церкви в Сент-Эндрюсе. Во-первых, ирландские анналы в 747 году фиксируют кончину аббата *Кеннригмонайда* (Килримонта). Аббата Килримонта часто также называют аббатом Сент-Эндрюса, однако в записи о Сент-Эндрюсе никаких упоминаний нет. Скин считал, что это был последний аббат его гипотетического «кельтского» монастыря, основанного Риагалом. Таким образом, мы знаем, что во время царствования Энгуса, сына Фергуса, в Килримонте действительно существовал монастырь. Конечно, эта запись появилась чисто случайно. О пиктских монастырях в

ирландских анналах регулярных записей нет¹. Этот аббат мог быть и первым, и последним, или просто одним из последовательно сменявших друг друга аббатов.

Второе свидетельство — великолепная рака, обычно называемая Саркофагом из Сент-Эндрюса (фото 62—64). Историки искусства пытаются найти в письменных источниках подтверждение своей стилистической датировки орнамента на этом памятнике. На самом деле историкам гораздо нужнее выводы искусствоведов, а не наоборот. Гипотезы о датировке самые разнообразные — от VIII до X века. Автору этой книги VIII век кажется более вероятной датой, и в одной из следующих глав будут приведены аргументы в пользу такого предположения. Сама величественность раки заставляет думать, что монастырь, в котором она хранилась, был важным — настолько важным, что он действительно мог находиться под покровительством царствующего монарха — Энгуса, сына Фергуса. Однако мы не можем сказать, действительно ли он был основателем монастыря в Килримонте.

Позднейшие версии списка пиктских королей добавляют к имени короля Константина, сына Фергуса, царствовавшего примерно с 789-го по 820 год, примечание: «Он построил Данкелд». Это объяснялось как попытка короля, правившего и пиктами, и Дал Риадой, организовать общий религиозный центр, который помог бы примирить оба народа. К несчастью, единственное свидетельство, связывающее Константина с Данкелдом, — эта поздняя пометка. Пометки клириков, связанные с поздними вариантами списков королей, в основном являются малоценными: они основаны на позднем легендарном материале, вроде того, что представлен в преданиях о Бонифации и Регуле.

¹ Аббат носил ирландское имя Туаталан. Возможно, он и попал в ирландские анналы именно потому, что был ирландцем.

Обычно считается, что Кеннет, сын Альпина, вновь основал Данкелд после того, как он победил пиктов примерно в 850 году. В шотландской хронике говорится, что он перенес «мощи святого Колумбы в церковь, которую построил». Название церкви не упоминается, однако позднее, в рассказе о нашествии данов, говорится, что они опустошили «страну пиктов до Клуни и Данкелда». Возможно, данов привлек богатый монастырь в Данкелде.

Первое ясное упоминание о Данкелде встречается в ирландских анналах, где под 865 годом отмечена кончина клирика, который именуется аббатом Данкелда и первым епископом Фортриу. «Первый» в данном контексте, как было убедительно доказано, означает не «первый по времени», а «главный». Таким образом, этот титул предполагает главенство Данкелда над несколькими другими епископатами в объединенном королевстве пиктов и скоттов. То, что аббат Данкелда был в то же время и епископом — чисто кельтская черта, вполне обычная в тот период. Данкелд, обладавший мощами Колумбы, над которым властвовал аббат-епископ, осуществлял контроль над скоттами и пиктами и был близок к возрождению золотого времени Ионы и церкви Колумбы VI столетия, конечно, насколько позволяли условия того времени.

Конец реформированной Нехтоном пиктской церкви настал, как кажется, в конце IX века, когда царствовавший король дал «свободу церкви скоттов, которая была до этого времени в рабстве по обычаю и манере пиктов». Что это было за «рабство», мы не знаем, однако кажется, что пиктские короли продолжали политику Нехтона и контролировали все церковные дела.

История пиктской церкви как таковой — то есть последовательной хроники ее развития и изменения — едва ли существует. Полное отсутствие местных источников

и недостаток информации в зарубежных источниках означает, что ни ее основатели, ни ее священнослужители не оставили следа в истории. При тщательном рассмотрении поздних письменных источников для поиска в них подлинных деталей у нас может скопиться информация, которая бросит новый свет на пиктскую церковь, однако наиболее перспективным источником новых сведений об этом сейчас представляется археология. Недавние интересные раскопки на острове Святого Ниниана (Шетлендские острова) позволили обнаружить остатки храма, построенного здесь до викингов, который, таким образом, может быть пиктским. Постепенное увеличение числа таких находок — это еще один источник для написания истории пиктской церкви на основе фактов, свободных от паутины пристрастий и туманных гипотез, которую, по мере своих сил, плели все последующие поколения исследователей.

Глава 4

КОНЕЦ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

В 761 году скончался Энгус, сын Фергуса, самый могущественный из всех пиктских королей. Хотя ему и не удалось добиться своей цели — захватить власть над бриттами Стратклайда, — мы уже видели, что нет никаких причин полагать, что в ходе этих кампаний он потерял контроль над своим первым завоеванием, королевством Дал Риада. Сто лет спустя вождь Дал Риады, Кеннет, сын Алпина, оказался монархом объединенных пиктов и скоттов Дал Риады, и пикты навеки утратили свою независимость. Мы можем только догадываться, как произошло такое коренное изменение в исторической судьбе пиктов, поскольку источников по последней фазе пиктской истории действительно очень мало. Ирландские анналы прекращают использовать материал из хроники Ионы около 750 года, и после этого записи, касающиеся дел Дал Риады и пиктов, встречаются гораздо реже. По какой-то неясной нам причине за период между 750-м и 850 годами записей о пиктах даже больше, чем записей о скоттах. «История» Беды подошла к концу в 731 году, и ее хронологическое продолжение также прекращается после 766-го. Даже списки пиктских королей и королей Дал Риады за этот период представляют определенную проблему. Порядок наследования и продолжительность царствования отдельных королей можно установить с достаточной степенью точности примерно до середины VIII века, однако после этого

начинаются несоответствия, и эти несоответствия нельзя проверить с помощью обращения к другим источникам. Таким образом, рассказ о последнем столетии пиктской независимости — это всего лишь голый скелет, и у нас нет уверенности в том, что имеющиеся у нас кости — его главные структурные элементы.

Последний вариант списка пиктских королей, который называют «Списком 2», рассказывает о пиктских монархах в период непосредственно после Нехтона, сына Дериле, причем этот рассказ существенно отличается от того, что мы находим в «Списке 1». Эти несоответствия воспринимались либо как выдумки или ошибки писцов, либо считались историческим свидетельством существования местных претендентов на трон или местных королей в течение и непосредственно после царствования Энгуса. Несомненно, все версии «Списка 2» в этом месте сильно испорчены, однако возможно установить саму природу этой порчи и достаточно уверенно восстановить вид первоначального списка, из которого заимствованы все версии. Однако если сравнить этот исправленный текст со «Списком 1», то окажется, что различия вызваны отнюдь не ошибками писцов. Например, у Нехтона, сына Дериле, указано две продолжительности царствования, одна соответствует обозначенной в «Списке 1», а другая — краткое царствование, длившееся девять месяцев, которое, как мы знаем из ирландских анналов, имело место в действительности. Таким образом, в «Списке 2» царствование Нехтона отражено с большей полнотой и точностью, чем в «Списке 1». Самое впечатляющее различие — это то, что самому Энгусу в «Списке 2» приписано царствование длиной всего в шестнадцать лет, в то время как в более раннем списке приведена цифра в тридцать лет. Если следовать ирландским ан-

налам, получается, что Энгус правил примерно тридцать лет, однако запись, где говорится об ослаблении его власти в 750-м, может быть, имеет к этому какое-то отношение. Нет сомнения, что Энгус умер королем всех пиктов и что его брат без особых проблем наследовал ему, однако не исключено, что после серьезного поражения в 750-м, когда его армия была наиболее слабой, появились соперники — претенденты на трон из семей Нехтона, Друста и Алпина. Более вероятно, однако, что составитель «Списка 2» все же нашел в своем списке место для местных вождей, которые играли важную роль в данный период. Начиная с VIII века ирландские анналы иногда упоминают и местных пиктских королей. Определенно «Список 2» с этого момента перестает быть последовательным.

То, что никаких следов этих имен мы не находим в других источниках, как будто бы говорит против их подлинности, однако с некоторыми именами в «Списке 1» та же ситуация. Поскольку версии «Списка 2» такие поздние и к тому же испорченные, какая-либо уверенность здесь невозможна. Однако если конец царствования Энгуса характеризовался появлением претендентов на трон или даже ростом местной независимости, это означает, что королевство пиктов было ослаблено изнутри, что впоследствии должно было способствовать его падению. Тем не менее эти разнящиеся между собою списки королей — единственные данные, которые говорят нам о том, что в конце VIII века страна пиктов была менее единой, чем в предшествующие века.

Бриде, брат Энгуса, который наследовал ему, скончался после короткого двухлетнего царствования. Он был последним из блистательного семейства Фергуса. Ему наследовал некий Киниод (Кеннет) — по крайней

мере, если верить «Списку 1», поскольку этот король в «Списке 2» не фигурирует. В 768 году ирландские анналы фиксируют сражение в *Фортриу* между Аэдом и Кеннетом. Результат не указан, однако тот факт, что битва произошла на территории пиктов, говорит, что агрессором был Аэд.

Аэд, о котором идет речь, — несомненно, Аэд Финн, сын Эохайда. Он фигурирует в списке королей Дал Риады, и там говорится, что он царствовал тридцать лет. Его кончина отмечена в анналах под 778 годом. Когда Аэд взошел на трон, он определенно должен был подчиняться Энгусу, и, поскольку у нас нет данных об обратном, мы должны предполагать, что Аэд оставался в зависимости от пиктов по крайней мере до самой смерти брата Энгуса в 763-м. В этих обстоятельствах битву 768 года можно интерпретировать как восстание.

В конечном счете Аэду, видимо, удалось сбросить пиктское господство, ибо, согласно достоверным данным «Шотландской хроники», права и законы, которые учредили скотты в новом, объединенном королевстве пиктов и скоттов, были законами Аэда. Из этого, возможно, следует, что Энгус установил пиктские законы у скоттов и Аэд отверг их, заменив собственными — законами Дал Риады. Таким образом, можно считать, что Дал Риада уже за некоторое время до смерти Аэда в 778-м возвратила себе независимость, которую потеряла в результате завоеваний Энгуса.

После царствования Аэда Финна нам становится все труднее понять, какие взаимоотношения существовали между двумя народами. Списки королей Дал Риады также весьма искажены в результате неправильного расположения имен и других ошибок писцов. Те списки, которые кажутся наиболее надежными с точки зрения порядка наследования, не слишком надежны в том, что касается продолжительности царствований, а

ирландские анналы дают мало материала для сравнения. Тем не менее представляется, что все эти источники указывают на то, что Дал Риадой правил некий Доналд, сын Константина, и правил он в течение двадцати четырех лет, вступив на трон где-то в 780-х годах, в то время как его отец — Константин, сын Фергуса, приблизительно с 789-го по 820-й правил пиктами. Сам Константин правил Дал Риадой в последние девять лет своего царствования, а сын его, возможно, скончался раньше, чем он. Если верить спискам королей для обеих стран, то это должно означать, что при Константине пикты и скотты уже были объединены и что пикты восстановили статус-кво, существовавший в царствование Энгуса.

Константин пробил себе путь на пиктский трон в 789 году, свергнув Коалла, сына Тадга. Эта битва названа в ирландских анналах «битвой среди пиктов»; таким образом, мы не можем сомневаться в том, что Константин был пиктским вождем, который правил скоттами, а не наоборот, как это иногда предполагают.

Король, которого сверг Константин, судя по всему, после этого правил где-то в Дал Риаде, что еще больше усиливает путаницу. Впоследствии он был убит в Кинтайре еще одним Коаллом, который также стал «королем». Этих двух Коаллов следует считать претендентами на престол во время царствования Доналда.

Этому же самому Константину, сыну Фергуса, одна из версий «Списка 2» приписывает постройку церкви в Данкелде. Хотя эта заметка и поздняя и, следовательно, малоценная, для короля, который правил одновременно скоттами и пиктами, место это было выбрано очень удачно. В других источниках основание Данкелда приписывают Кеннету, сыну Алпина, который находился в таком же политическом положении.

Таким образом, долгое царствование Константина знаменовало собой возрождение власти пиктов над

Дал Риადой после периода мятежа, которым руководил Аэд Финн. Однако в его царствование появился и еще один элемент в политической картине: начались нашествия викингов. В 794 году ирландские анналы говорят об «опустошении всех островов Британии язычниками». В следующем году нападению подверглись Скай и Иона. В 802 году Иона была сожжена, а четыре года спустя — убиты 68 монахов из ее братии. Деятельность викингов, несомненно, сыграла важную роль, прямо и косвенно способствуя крушению пиктского королевства. Викинги нападали на Северную Британию со всех сторон, и местные элементы — как пикты, так и скотты — неминуемо должны были сосредоточиться в самом сердце этой области, то есть в самой стране пиктов.

В 820 году Константину наследовал его брат Энгус. Согласно пиктским спискам, Энгус правил двенадцать или четырнадцать лет; в списке королей Дал Риады указано, что он правил девять лет, а его сын Эоганан — тринадцать лет. В пиктском списке говорится, что Эоганан правил три года, но только после Дреста и Талоргена, которые правили совместно три года непосредственно после кончины Энгуса. Хотя согласовать различные указания на длительность правления очень трудно, представляется, что перед нами еще один случай, когда пиктский король послал своего сына править Дал Риадой.

Смерть Эоганана зафиксирована в анналах под 839 годом: «Язычники одержали победу над мужами Фортренна; при этом пали Эоганан, сын Энгуса, и Бран, сын Энгуса, и Аэд, сын Боанта, и другие — почти без числа». Павшие вожди, видимо, сражались на одной стороне. Аэд был королем Дал Риады, так что, возможно, перед нами — союз Дал Риады и пиктов, с другой стороны, могло быть и так, что Аэд выполнял приказы Эоганана. В некотором отношении Эоганан зани-

мает уникальное место в пиктской истории: это первый достоверный пример пиктского короля, отец которого также был королем; он единственный, насколько нам известно, пиктский король, который был убит викингами, и последний пиктский король, смерть которого записана в ирландских анналах.

Совершенно ничего не известно о том, каким именно образом Константин восстановил пиктский контроль на западе и утвердил свой род на троне почти на полвека. Представители этой семьи, видимо, были талантливыми воинами и администраторами, но, к сожалению, из-за недостатка источников нам трудно воздать им должное. В «Списке 1» за Эогананом следует только два короля: Вурад, сын Баргота, который правил три года, и Бред — один год. Таким образом, на 843 годе королевская власть у пиктов кончается. «Список 2» говорит, что Вурад (здесь Ферат) тоже правил три года, зато Бред, который здесь назван сыном Ферата, царствовал всего месяц. К этому прибавлено еще три имени королей, двое из которых также названы сыновьями Ферата, и все вместе они царствовали шесть лет. Таким образом, конец пиктского королевства приходится на 849—850 годы, и многие позднейшие источники также называют 850 год как дату начала объединения пиктов и скоттов. Имя последнего короля в «Списке 2» сопровождается примечанием, где говорится, что он был убит в Фортревите, но, «согласно другим, в Сконе».

Согласно ирландским анналам, Кеннет, сын Алпина, умер в 858-м. «Шотландская хроника», составленная в X веке, которая дает нам наиболее достоверный отчет о карьере Кеннета, начинается словами: «Таким образом, Кеннет, сын Алпина, первый из скоттов правил страной пиктов счастливо шестнадцать лет». Значит, царствование Кеннета в качестве короля пиктов и скоттов должно было начаться около 842—843 годов,

что согласуется с данными «Списка 1». В «Хронике» ничего не говорится о том, что он провел какую-то часть своего царствования, покоряя пиктов.

В «Хантингдонской хронике» (XIII век) говорится, что царствование Кеннета началось с многих сражений против пиктов. Однажды он даже «сражался с пиктами семь раз на дню», и прошло пять лет до того, как он «утвердил за собой трон». То, что «Хантингдонская хроника» — очень поздний источник для этого периода, конечно, делает этот рассказ малодостоверным, однако он намного менее фантастичен, чем другие поздние версии крушения пиктского королевства. Очень возможно, что присутствие дополнительных королей в «Списке 2» объясняется тем, что это — пиктские вожди, которые предприняли последние попытки сопротивления Кеннету, что и описано в «Хантингдонской хронике». Тот факт, что не менее трех сыновей пиктского короля сами перечислены в качестве королей, предполагает, что в этот период беспорядка, который, возможно, настал после царствования Эоганана, общепринятые способы выбора королей уступили более практичным. Последние три имени в «Списке 2» могут принадлежать просто народным вождям, а не тем, кто стали королями формально.

Можно упомянуть здесь и другие поздние рассказы о конце пиктского королевства, присоединенные к некоторым вариантам списка королей. Это — драматические истории о том, как скотты, «которые были гораздо хуже во всех отношениях», посредством предательства победили пиктов, которые «намного превосходили их оружием и доблестью». Это «предательство» описывается по-разному. В некоторых вариантах скотты приходят на общий совет, тайно вооружившись; в других они прибегают к старой уловке: уговаривают пиктов вволю наесться и напиться, а затем истребляют их, когда те оказываются в беспомощном состоянии. В этих историях в роли

пиктского короля выступает Друст (последнее имя в «Списке 2»). Из этих двух версий тот, кто делал примечания к списку, и извлек свою информацию. Все эти рассказы интересны одним: те, кто их составлял, были на стороне пиктов (или, скорее, против скоттов). Наверное, что-то значит и то, что этих авторов несколько удивляло, что в конечном счете пикты были побеждены скоттами, и они сочли себя обязанными выдумать какое-то объяснение того, как же это могло произойти.

Чтобы найти другие факты, касающиеся конца королевства пиктов, мы должны снова обратиться к «Шотландской хронике». Здесь сказано, что Кеннет в течение двух лет был королем Дал Риады до того, как отправился в страну пиктов. В некоторых списках королей Дал Риады указано, что в 841—843 годах правил отец Кеннета — Алпин. Об Алпине известно немного. С именем Алпин связано множество ошибок писцов в королевских списках; в результате в том, что касается длительности и дат его царствования, много неясностей. Есть традиция, возможно касающаяся именно его, что некий Алпин был убит в Гэлоузе после того, как «уничтожил» его. «Хантингдонская хроника» утверждает, что сам Алпин одержал заметную победу над пиктами, однако в том же году они разбили и убили его. Однако ни в какой другой хронике не говорится о том, что Кеннет продолжал кампанию, начатую его отцом.

К несчастью, все, что относилось к обстоятельствам посещения Кеннета на пиктский трон, было опущено составителем в рукописи, где содержалась ранняя «Шотландская хроника». Единственное, что осталось, — это следующее утверждение: «Страна пиктов называется по имени пиктов, которых, как мы уже сказали, уничтожил Кеннет. Ибо Господь соблаговолил их отстранить и лишить их собственного наследия из-за их порочности; ибо они не только презирали литургию и заповеди Господа, но также отказывались быть равны-

ми другим в законе правосудия». Хотя это, очевидно, было написано клириком-скоттом, который желал понизить авторитет пиктской церкви, его утверждение, что пикты были «уничтожены» и потеряли «свое наследие», очень важно.

Как же Кеннет стал королем пиктов и скоттов? По какой-то причине ни в одном иностранном источнике нет никаких современных свидетельств о том, как же произошло это эпохальное изменение в политической жизни Северной Британии. Действительно, очень трудно понять, почему же, например, «Анналы Ульстера» описывают сражения между пиктами и викингами в 839 году и говорят о кончине Кеннета в 858-м¹, однако при этом опускают какое бы то ни было упоминание о судьбоносных событиях, которые случились в этот промежуток времени. Если это только не случайное совпадение, мы можем сделать единственный вывод: хотя эти события действительно оказались эпохальными (и в данном случае это подтвердилось очень быстро), в тот самый момент, когда они происходили, их истинное значение не осознавалось. За захватом Дал Риады Энгусом в анналах следовала битва за битвой, но о Константине ничего подобного не сообщается. Возможно, сражения между пиктами и скоттами в IX столетии были слишком обычным делом, не заслуживающим особого упоминания, особенно в тот момент, когда клирики-хронисты были заняты деяниями язычников-викингов, что вполне понятно.

Однако нет сомнения, что должно было произойти что-то действительно драматическое. Во всех источниках подчеркивается, что Кеннет был «первым скоттом», «первым королем среди гойделов, который стал править в Сконе». Это — еще одно доказательство того,

¹ «Киназд, сын Альпина, король пиктов, Эдульф, король саксов — умерли» («Анналы Ульстера», 858).

что совместное правление пиктами и скоттами в конце VIII — начале IX века, когда власть переходила от отца к сыну, было в руках пиктов. Эоганан был четвертым королем пиктов, который занимал оба трона. Таким образом, положение Кеннета — первого скотта, который властвовал над пиктами, — действительно неординарно.

Судя по имеющимся у нас данным, Кеннет с оружием в руках проложил себе путь на трон пиктов. Сто пятьдесят лет спустя «Шотландская хроника» утверждала, что он «уничтожил» пиктов, и если бы у него были хоть какие-то права на корону, то хронист непременно расписал бы это во всех подробностях. Автор «Шотландской хроники» несколько отступает от темы, чтобы подчеркнуть полное пресечение пиктской традиции в результате вступления на трон Кеннета. Часто предполагают, что у Кеннета по матери все-таки было право на пиктский трон и что три добавочных короля в «Списке 2» — другие претенденты. Если это было действительно так, тогда то, что ирландские анналы не зафиксировали ни одного столкновения в кампании, которая длилась с 843-го по 850 год, действительно весьма странно. Более того, следовало бы ожидать, что королевства пиктов и Дал Риады после смерти Кеннета снова станут независимыми, ибо восьмилетнего царствования вряд ли было достаточно, чтобы примирить все партии в рамках единого королевства пиктов и скоттов. Так что последние три имени в «Списке 2», скорее всего, принадлежат каким-то мятежникам, а не серьезным противникам Кеннета. Однако прямых доказательств тому у нас нет.

Эоганан погиб в 839 году, будучи властителем как пиктов, так и скоттов (если мы правильно понимаем данные королевских списков). Любая победа в 843-м должна была быть связана с этим фактом. Как пиктский король, так и подчиненный ему король скоттов погибли

в битве в 839 году, так что демонстрации силы с какой-либо из сторон было не избежать. Вторжение в Фортренн когда-то уже положило конец пиктскому владычеству, и очень возможно, что Кеннет собирался предпринять подобный шаг. В 839 году люди Фортренна пали «почти без числа», так что военная сила пиктов должна была быть серьезно ослаблена. Интерпретация событий, которую предлагает нам «Хантингдонская хроника», кажется весьма разумной: «когда датские пираты... в огромной резне уничтожили пиктов, которые защищали свою страну, Кеннет вошел на оставшиеся территории пиктов».

Если мы примем слово «уничтожил», использованное в «Шотландской хронике», в его полном смысле, то это должно предполагать полное уничтожение пиктской армии и ее вождей и вслед за этим — общее опустошение страны. В тот период катастрофическое поражение такого рода часто означало для народа временную утрату независимости. Подобная катастрофа должна была, например, предшествовать нортумбрийской оккупации части страны пиктов в VII веке. Можно вспомнить и о том, как Энгус «заставил содрогнуться Дал Риаду» в 741 году. Таким образом, военные достижения Кеннета, хотя и были впечатляющими (особенно в том, что касается резкой смены ролей двух наций), сами по себе не были столь необыкновенными, чтобы заслужить внимание зарубежных хронистов.

Однако в перспективе то, что удалось Кеннету, заметно отличалось от того, что когда-либо происходило с пиктами или скоттами раньше. Примерно через тридцать лет после завоеваний Энгуса скотты подняли успешное восстание против пиктов, и через такое же время пикты сбросили иго Нортумбрии. Почему же пикты на этот раз не оправились от удара?

Тому, что завоевание Кеннета оказалось необратимым, нет одного простого объяснения. Но одним из существенных факторов должно было быть то, что

скотты не просто захватили часть страны пиктов или завладели ею целиком через вассального короля — они полностью захватили ее сами. Список пиктских королей примерно к 850 году приходит к концу, но здесь же заканчивается и список королей Дал Риады. Независимых королей Дал Риады больше не существует. После периода войн вся светская и государственная администрация во главе с королем, судя по всему, покинула Дал Риаду и перебралась в страну пиктов. Это как если бы Энгус в 741 году перенес пиктский двор в Дунадд или Дунолли.

Война Кеннета, может быть, началась просто как мятеж, но она перешла в завоевание и закончилась миграцией. Однако возможно, что скотты с самого начала имели в виду именно переселения. Королевство Дал Риада было зажато со всех сторон: с востока его ограничивали горы Друмалбан и с юга — могущественное королевство бриттов Стратклайд, за делами которого бдительно наблюдала еще более могущественная Нортумбрия. Более того, эта неудобная, узкая территория была сплошь горной. Сообщение между отдельными частями королевства было трудным; значительная часть земли не подходила для жилья и земледелия. Для Дал Риады, если она вообще собиралась хоть как-то развиваться, распространение на восток было неизбежным, и только сила пиктов столь долго удерживала это движение. Даже если так, то, может быть, следует считать, что во все периоды имело место значительное мирное заселение страны пиктов группами скоттов. Присутствие уже утвердившегося там поселения скоттов могло, например, оказать влияние на выбор Скона в качестве столицы и Данкелда в качестве главной церкви.

Территориальное положение Дал Риады в первой половине IX века значительно ухудшилось. Поселение викингов на Гебридских островах еще больше сократило площадь королевства. Эти мародеры оказались слишком

близко к Дал Риаде, что не могло не волновать ее обитателей. То, что им пришлось оставить Иону, могло навести властителей Дал Риады на мысль перевести и центр гражданской власти в какое-то более безопасное место. Если новое поселение жителей Дал Риады в центре пиктской территории было хорошо обдуманном шагом, тогда это действительно была замечательная и весьма своевременная идея, которая была претворена в жизнь именно в тот момент, когда пикты были почти не способны защитить себя. То, что случилось — по меньшей мере на юге страны пиктов, — должно было напоминать деяния короля Нортумбрии Этельфрида на территориях бриттов. Как говорит Беда, он «изгнал жителей и поселил на их месте англов».

Такая массовая миграция скоттов с запада на восток в то время могла бы объяснить быстроту падения пиктов, раннюю потерю ими национального самосознания и языка. То, что скотты сделали в пиктском Аргайле в V веке, они повторили на остальной территории пиктов в IX веке. Часто отмечается, что титул короля пиктов и упоминания о пиктах продолжают в ирландских анналах до начала X столетия, но это вряд ли предполагает особую жизнеспособность пиктов. Достаточно быстро пиктам пришлось примириться с положением покоренного народа в собственной стране, поскольку в оставшиеся десятилетия IX века и пиктам и скоттам пришлось сосредоточиться на собственном выживании перед лицом постоянных атак викингов как с запада, так и с востока. Маловероятно, однако, что объединенное королевство пиктов и скоттов представляло собой союз равных для общего блага, основанный на взаимном уважении к обычаям и традициям друг друга. Скоттам, чтобы утвердиться в роли правителей пиктов, необходимо было систематически подавлять в своих подданных все пиктское. Есть свидетельства о замене пиктской системы церковного и гражданского

КОНЕЦ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

права на право скоттов, и можно предполагать, что подобные же преобразования насильственно проводились во всех остальных сферах жизни.

Падение пиктского королевства было, таким образом, в конечном счете вызвано разладом политического баланса на севере, вызванным поселениями викингов. Примерно с 800 года пикты стали терять свои земли на дальнем севере, а скотты — на западном берегу. Так что, каковы бы ни были их предыдущие взаимоотношения, этим народам, зажатым в самый центр пиктской территории, неизбежно пришлось вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. Пикты, занятые борьбой с викингами, не смогли осознать, что над ними нависла гораздо более страшная угроза с запада. Инициатива, проявленная жителями Дал Риады, помогла им завоевать королевство пиктов и занять прочное место в будущей истории севера Великобритании.

Глава 5

ПИКТСКОЕ ИСКУССТВО

Монументальное искусство пиктов — это единственный чисто пиктский исторический памятник и уже поэтому заслуживает особого внимания. Однако наш интерес к искусству пиктов — не только чисто исторический, поскольку в нем выражено значительное техническое мастерство, обладающее эстетической ценностью.

Дошедшее до нас скульптурное искусство пиктов было только средством выражения высокоорганизованной системы символов. По какой-то причине, видимо связанной со значением этих символов, христианский символ креста вполне мог быть поставлен рядом с чисто пиктскими изображениями. Таким образом, родилось христианское пиктское искусство, которое стоит наравне с другими образцами христианского искусства в соседних странах. Однако факт остается фактом: именно смысл, который пикты вкладывали в эти символы, и был первостепенным мотивом, заставлявшим их создавать эти памятники, а христианское учение, видимо, играло второстепенную роль. На этом рисунке (рис. 12) показаны наиболее часто встречающиеся символы. Самые обычные из них — полумесяц, на который наложена «ветка» в форме буквы V, двойной диск с «веткой» в форме буквы Z и символ, который часто называют «плывущий слон», хотя здесь мы будем его называть просто «пиктским зверем». Символы по-

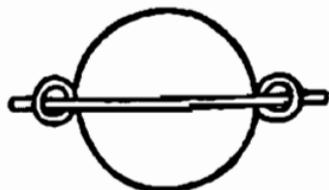
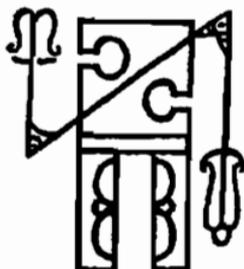
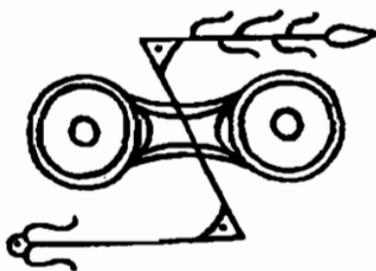
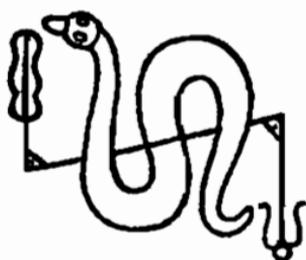

Рис. 12. Пиктские символы с камней класса I

казывают столь значительное единообразие, что мы можем быть уверены: это именно символические, а не декоративные рисунки.

Ряд изображений животных (рис. 13) связан с абстрактной символикой. Высказывались сомнения в том, действительно ли это символы, а не просто изображения животных. Скорее всего, все-таки следует их считать символами. Там, где они повторяются, их композиция слишком единообразна (самый яркий пример — это частое повторение изображения быка из Бургхеда). Символы изображаются не изолированно: зачастую символ сопровождается животным, которое в таком случае также является символом. С другой стороны, животные могут появляться без сопровождения символов. Важное связующее звено между абстрактными формами и животными — это фантастический «пиктский зверь», снабженный завитками и выступами точно так же, как и натуралистические изображения животных.

Пиктские скульптуры были собраны, классифицированы и проанализированы Д. Ромилли Алленом в *«Раннехристианских памятниках Шотландии»* еще в начале XX века. Его труд остается кладом информации во всем, что касается пиктских камней. Аллен сгруппировал камни в три класса. К классу I относятся простые, грубо обрубленные камни и булыжники, на которые нанесены характерные символы. Техника нанесения могла быть разной: это могли быть аккуратные насечки, образующие букву V, углубление округлой формы или линия, нанесенная с помощью ударов. Какова бы ни была техника и каким бы твердым ни был камень, в большинстве случаев насечки выполнены уверенной рукой мастера. Из многих примеров, иллюстрирующих мастерство пиктских скульпторов, камень с символами из Голспи, возможно, самый замечательный — из-за изящества и уверенности, с которыми выполнены линии рисунка (фото 31). К несчастью, никакая фотография не может

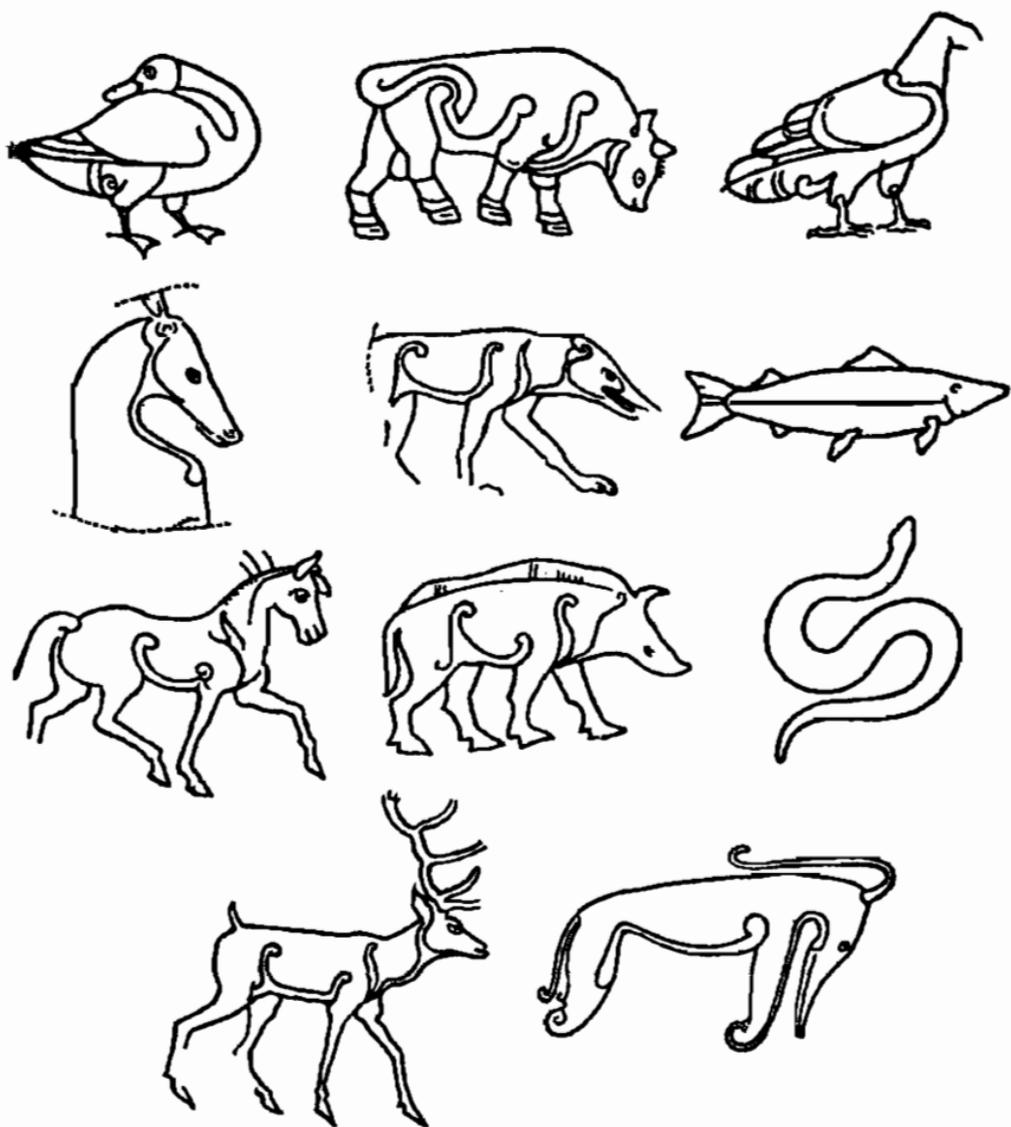

Рис. 13. Пиктские символы — изображения животных с камней класса I

передать этого изысканного мастерства. Камень в Данихене и обратная сторона камня во дворе пасторского дома в Глэмисе (оба в Энгусе) также служат типичными примерами (фото 28, 30).

К классу II относят тщательно отесанные каменные плиты различной высоты, ширины и толщины. На таких плитах одну сторону целиком занимает плетеный крест. Фон заполнен самыми разнообразными изображениями. Почти в каждом случае символы фигурируют и на противоположной стороне плиты. Зачастую эти символы очень велики и четко видны на верхней части плиты, однако нередко бывает и так, что множество маленьких символов рассеяно среди других изображений. Типичные образцы этого класса — плиты в церковном дворе в Аберлемно и Исси, оба в графстве Энгус (фото 40—43).

Самые древние из плит с крестами вырезаны в технике очень невысокого рельефа, которая весьма подходила пиктским художникам, поскольку точность и деликатность прорисованных ими линий особенно четко проявлялась, когда изображение было слегка приподнятым. Позднее рельеф стал более высоким, пока в конце концов не появились практически трехмерные скульптуры, как, например, ангелы на большом камне у дороги в Аберлемно (фото 58).

Класс III, согласно Ромилли Аллену, объединяет скульптуры, явно выполненные в манере класса II, однако без всяких символов. Класс III, судя по всему, принадлежит к периоду после конца независимого пиктского королевства, и говорить о нем мы почти не будем.

Иногда образцы пиктских символов обнаруживают не только на камнях, но и в других контекстах. Пиктский символ был выцарапан на кости, обнаруженной в брохе Барриан (остров Северный Рональдсей). На дальнем севере Шотландии символы находили на круглых дисках из песчаника. Они фигурируют и на двух

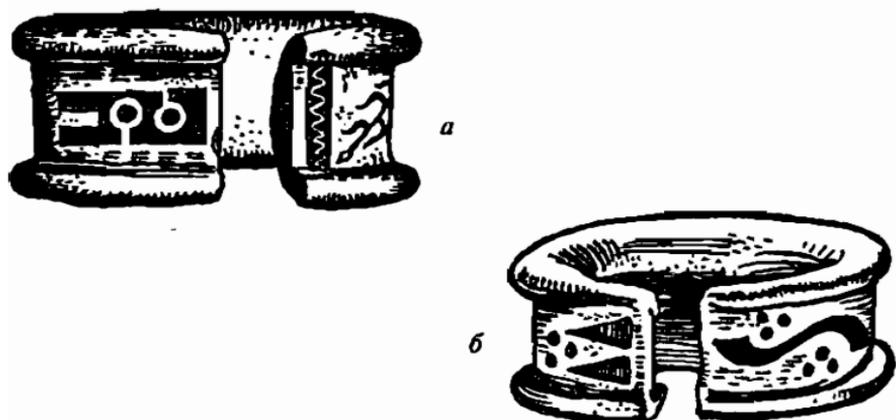

Рис. 14. Конечные кольца пиктских серебряных цепей: *а* — Уайтклеуч, Ланарк; *б* — Паркхилл, Абердин

серебряных пластинках в форме листа и на серебряной булавке, обнаруженных в кладе в Норрис-Ло (фото 16, 18). Два крайних кольца цепочек, относящихся к ряду замечательных пиктских серебряных цепей, украшены символами (рис. 14). Гравировка на этих изделиях демонстрирует высокое мастерство и исключительную тонкость линий, подобные тем, что мы видим на памятниках скульптуры. От бронзовой пластинки в форме полумесяца, обнаруженной в строении типа броха в Монифите, на которой было множество различных символов, к сожалению, осталась только зарисовка.

Наконец, символы вырезаны и на стенах пещер в Ковиси, Элджине и Ист-Уимиссе (Файф). Есть возможность, что символы фигурировали и на непрочных материалах, таких, как ткани, кожа и дерево, однако не сохранилось ни одного фрагмента, который мог бы подтвердить это предположение. Единственная дошедшая до нас резьба по дереву, которая может относиться к пиктскому времени, — это абстрактные орнаменты, которыми украшены бока деревянной коробки, обнаруженной на острове Бирсей (Оркнейские

ИЗАБЕЛЬ ХЕНДЕРСОН. ПИКТЫ

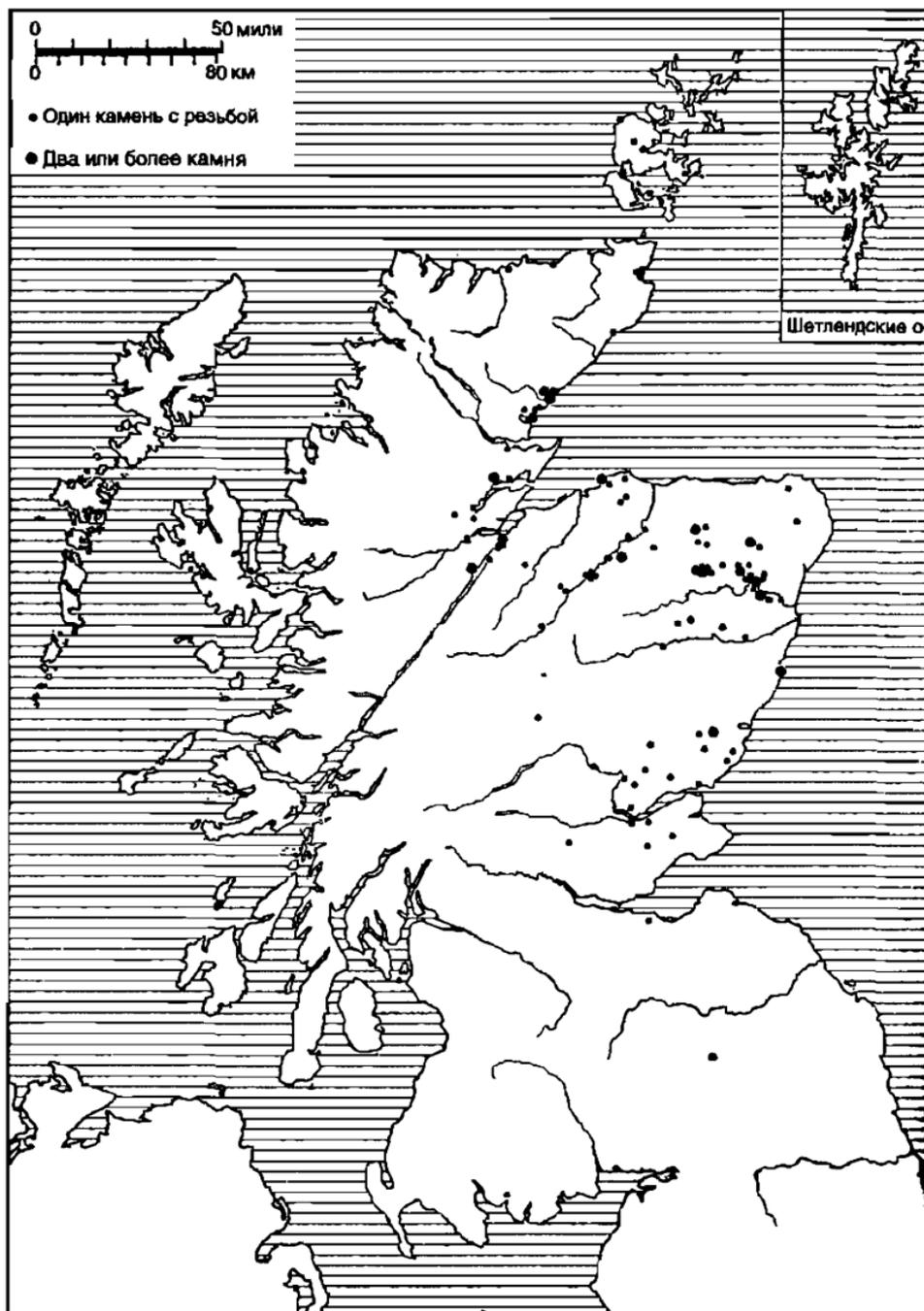

Рис. 15. Распределение камней с пиктскими символами класса I

острова). Есть предположение, что в этой коробке хранились инструменты для обработки кожи (фото 17).

Образцы класса I по Ромилли Аллену встречаются на западе Шотландии в таких областях, как Скай и Гебриды, однако класс II здесь не представлен (рис. 15). Памятники класса I рассыпаны по всей территории, где обитали пикты после появления колонии скоттов в Аргайле, — от Шетлендских островов на севере до Пертшира на юге. Что касается класса II, то он отражает положение дел, описанное в «Житии Колумбы» Адамнана (рис. 16), когда в конце VII века граница между двумя народами проходила по горной цепи Друмалбан (у Адамнана — *Dorsum Britanniae*), которая тянется от Кейп-Рат прямо на юг. Таким образом, распределение памятников подтверждает гипотезу, согласно которой хронологически памятники класса I предшествуют классу II, хотя некоторые камни класса I могли быть воздвигнуты и после появления класса II.

Часто отмечалось, что класс I преобладает к северу от Грампианских гор, а класс II более многочислен на юге. Естественно предположить, что сам класс I, а вместе с тем и практика установки каменных плит с символами зародились на севере. На севере наблюдаются три зоны концентрации этих памятников: на берегах Мори- и Дорнох-Ферта, по долине Спеля и далее вверх, в долине Дона-Ари. Джозеф Андерсон (чьи «Риндовские лекции по камням» образуют введение к каталогу Ромилли Аллена) считал, что камни с символами, скорее всего, возникли в Абердине, где чаще всего встречается простой тип камней. Автор этой книги полагает, что они зародились в самой северной области их концентрации — на берегах Мори- и Дорнох-Ферта. Основные аргументы в пользу такого предположения — высокое качество камня в этой области (рис. 17) и то, что из большого количества камней в Абердине основную часть составляют рабо-

ИЗАБЕЛЬ ХЕНДЕРСОН. ПИКТЫ

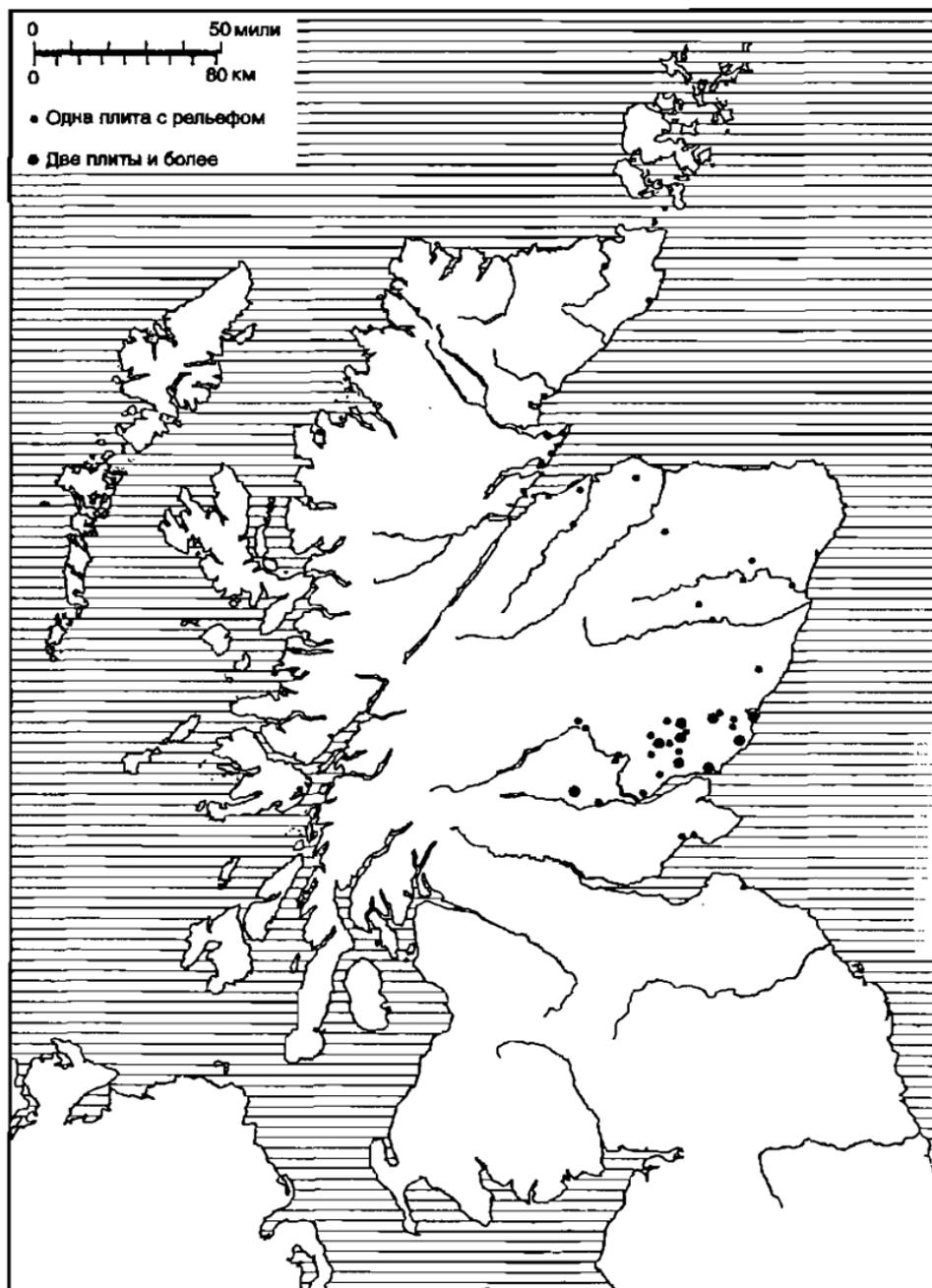

Рис. 16. Распределение плит с крестами и пиктскими символами, выполненными в технике рельефа

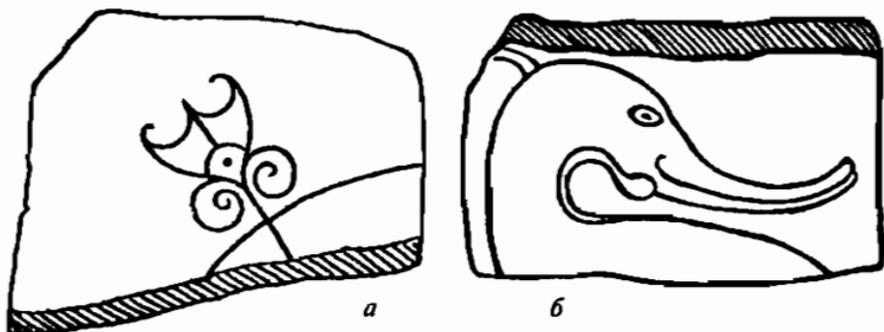

Рис. 17. Семь фрагментов северных камней класса I: *а* — нако-
нечник «ветки» в форме V, Литл-Ферри-Линкс, Сатерленд;
б — голова «пиктского зверя» из Инверэйвон, Мори

ты невысокого качества, скорее всего, достаточно по-
здние (фото 29).

Со времен птолемеевских каледониев Мори-Ферт, судя по всему, был важным регионом. Соблазнительно было бы связать распространение пиктской символики с королем Бриде, сыном Маэлкона, который, как мы уже видели, владел крепостью на реке Несс и чья власть была широко признана. Распространение камней с символами говорит о политическом единстве и, безусловно, указывает на то, что инициатором этого распространения был человек столь же высокого положения, как сам Бриде. Но большинство авторов считают, что Бриде жил слишком рано, чтобы его можно было связать с пиктскими камнями. Другой кандидат, который по времени представляется более подходящим, — это Бриде, сын Били, великий освободитель южных пиктов, чьи территории были оккупированы Нортумбрией примерно с 655-го по 685 год. В таком контексте символы можно объяснить как выражение националистических настроений, зародившихся на свободном севере и вслед за тем распространившихся на юг после ухода нортумбрийцев.

Перед тем как перейти к более детальному рассмотрению датировки памятников, следует упомянуть о недав-

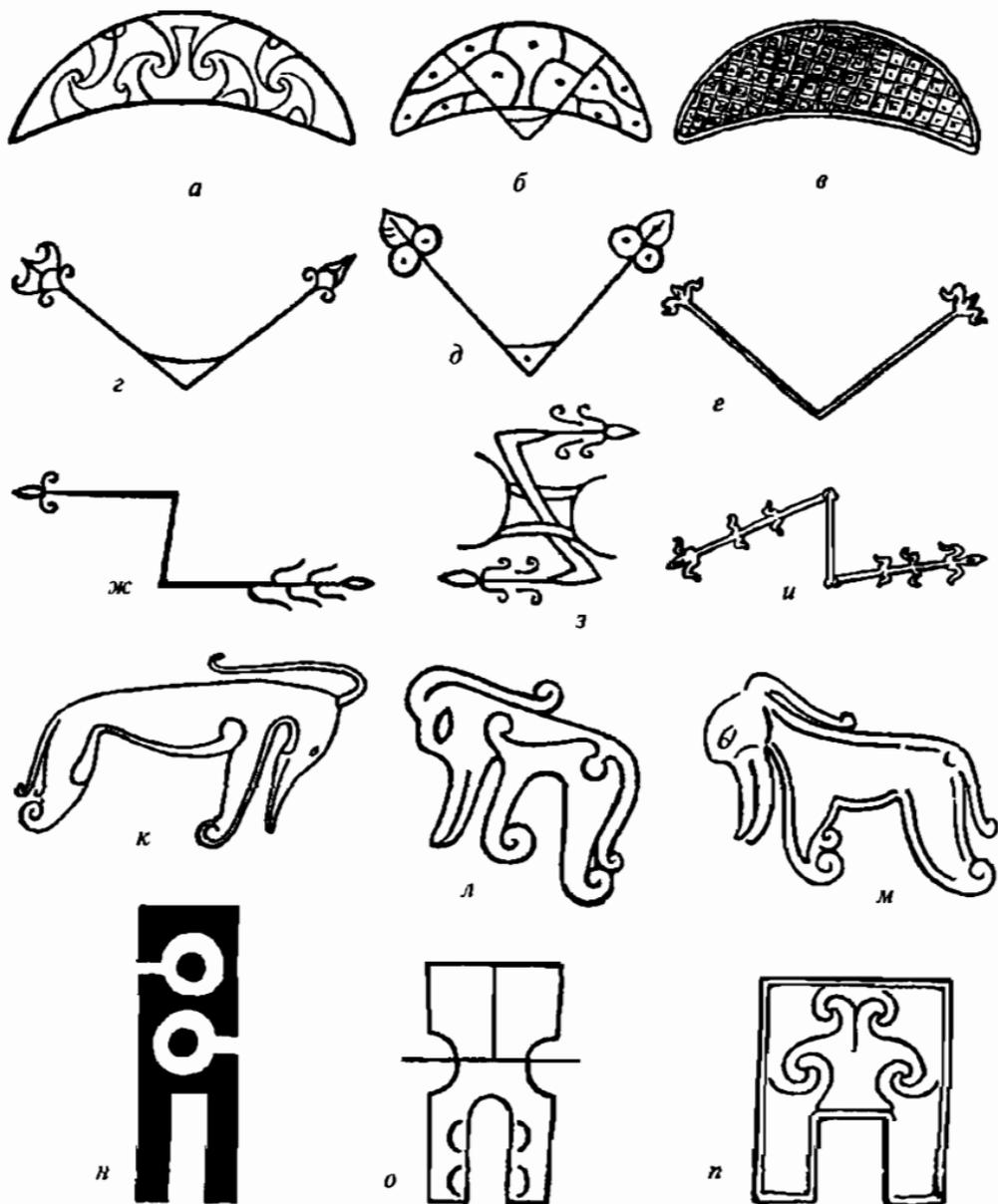

Рис. 18. «Деградация» символов: а — Голспи, Сатерленд; б — Кинтор, Абердин; в — Монифит, Энгус; г — Клинимилтон, Сатерленд; д — Кинтор, Абердин; е — Монифит, Энгус; ж — Норрис-Ло, Файф; з — Ануот, Керкудбрайт; и — Монифит, Энгус; к — Голспи, Сатерленд; л — Файви, Абердин; м — Ларго, Файф; н — Уайтклеуч, Ланарк; о — Милл-оф-Ньютон, Абердин; п — Аберлемно, Энгус

нем прогрессе, достигнутом в области изучения оформления символов. Существует принцип, который можно назвать принципом деградации, или, как говорят искусствоведы, «дискредитации» символа (рис. 18). Короче говоря, согласно этому принципу существует некая идеальная форма, в которую облачается каждый символ, и эта форма является своего рода каноном символа и представлена наиболее ранними образцами, а любые отклонения от этой нормы появляются в более поздних символах. Эта черта в пиктской символике была замечена еще Р.Б.К. Стивенсоном в связи с заполнением символа полумесяца. Автору этой книги после тщательного рассмотрения других символов (включая «пиктского зверя») также удалось определить их канонические формы. Конечно, можно возражать против того, чтобы считать любой типологический ряд зависящим от хронологии, однако в данном конкретном случае, когда мы говорим о символах, это вполне оправдано, поскольку у нас есть ряд более поздних изображений, которые могут помочь нам отследить развитие определенных символов — изображения на памятниках класса II. Например, тщательный осмотр показывает, что существует изначально правильная форма окончаний «ветки» в форме V: одна — в виде рыбьего хвоста, другая — в виде наконечника стрелы, как, например, на камне в Клинимилтоне на дальнем севере Шотландии. На камне из Кинтора различий между этими формами окончаний нет; то же самое мы наблюдаем и на таких поздних примерах класса II, как плита с крестом из Хилтон-оф-Кадболл. Таким образом, вполне разумно предполагать, что если по прошествии времени эта деталь была забыта и не отражена на камне класса II, то упрощение рисунка на камне из Кинтора произошло по той же самой причине. То, что на камне из Кинтора искажено заполнение символа полумесяца, также подтверждает позднюю дату этого памятника. Следовательно, когда мы видим одинаково нарисованные

наконечники «ветки» на пластинке из Монифита, мы можем с полным правом считать, что и пластинка принадлежала к позднему периоду истории пиктского искусства. Рисунок наполнения полумесяца подтверждает этот вывод: ничего похожего на правильные (по Стивенсону) орнаментальные мотивы «щита» и свитков мы здесь не находим. Очевидно, что такой подход очень продуктивен. Например, символ, вырезанный на скале в Ануоте (Киркудбрайт), иногда использовался как довод, подтверждающий присутствие пиктов в этой области в определенном периоде. Однако на символе двойного диска окончания «ветки» нарисованы одинаково. Поэтому совершенно очевидно, что символ был вырезан в тот период, когда никакого пиктского поселения в Гэлоуэе уже не было. Таким образом, появление этого символа случайно и ничего не доказывает.

На рисунке показана деградация двух других символов: «пиктского зверя» и «прямоугольника с выемками». Иллюстрации говорят сами за себя. На камне в Голспи завитки осмысленно наложены на тело существа и являются неотъемлемой частью рисунка. В Файви по телу «зверя» змеятся бессмысленные завитки, в то время как на монументе класса II в Ларго они превращаются просто в двойной контур. «Прямоугольник с выемками» на конечном кольце серебряной цепочки из Уайтклеуча представляет собой захватывающе сложный рисунок. В Милл-оф-Ньютон преобладает плоская симметрия, а на плите из церковного двора в Аберлемно, относящейся к классу II, рисунок еще более сглажен.

ДАТИРОВКА И СТИЛЬ КЛАССА I

В своих «Риндовских лекциях» Джозеф Андерсон развил свои классические аргументы относительно даты установки камней класса I. Беда, как говорит Андерсон,

ясно пишет, что пикты первоначально владели территорией, которую впоследствии заняли скотты Дал Риады. Камни с символами, которые мы не находим в этой области, должны, таким образом, относиться к периоду после ирландской колонизации. Единственное возражение против этого аргумента (на которое, впрочем, нельзя ответить) — это то, что в этой области могут еще обнаружиться камни с символами. Самая большая проблема в том, что мы не знаем, когда же именно произошла массовая колонизация (а не случайные переселения отдельных эмигрантов) скоттами Дал Риады, хотя сейчас считается, что это случилось, скорее всего, во второй половине V века. Если мы прибавим к этому сведения о границе между скоттами и пиктами, которые дает нам Адамнан, то получится, что класс I должен датироваться периодом между 500-м и 700 годами.

Датировка по связи символов с другими предметами оказывается гораздо более сложной. Северные диски из песчаника и кость из броха в Барриане точной датировке не поддаются. Но находки из Барриана принадлежат к периоду вторичного заселения, и присутствие кельтского колокольчика¹ показывает, что брох был заселен по меньшей мере в христианскую эпоху. Раскопки Скалпчерс-Кэйв, Ковиси (Мори) показали наличие поселения бронзового века и позднейшей вторичной оккупации во II—IV веках н. э. Символы, вырезанные на стенах, скорее всего, связаны с этим вторым заселением, но прямых доказательств этому нет: несколько небрежно нарисованных символов могли быть сделаны в любое время, и не обязательно теми, кто жил в пещере: эти граффити могли выполнить и люди, которые зашли туда случайно, например рыбаки. Что касается пещер в Ист-Уимиссе, то гипотеза о том, что рисунки в них были выполнены их

¹ Скорее всего, имеется в виду ручной бронзовый колокол. Такие колокола использовались в кельтских монастырях, чтобы созывать монахов на молитву.

обитателями, представляется более оправданной. В недавнем детальном и тщательном исследовании Ч. Томас утверждает, что второе заселение пещеры в Ковиси было одновременно с заселением южных пещер и появлением в них рисунков, в том числе и символов. Однако он признает, что, по крайней мере, одно изображение — собака из пещеры Джонатана — может быть «посторонним» и, следовательно, принадлежит к более позднему периоду. Это ставит под сомнение точку зрения автора, поскольку если уж одно изображение является «посторонним», то такими же могут быть и все другие изображения, например рисунок «пиктского зверя» из той же пещеры. Собака, о которой идет речь, исполнена в весьма вычурной манере, видимо, не ранее VII века.

Предметы, найденные в кладе Норрис-Ло, должны были бы помочь датировать символы класса I, однако, к несчастью, и дата самих предметов с символами, и даже дата закладки клада являются спорными. Р.Б.К. Стивенсон склонен датировать пластинки и булавки VII веком, а Э. Фоулер предпочитает отнести их к VI веку.

Надписи, которые мы видим на камнях с символами, также не дают нам существенной информации об их датировке. Есть две надписи минускулом¹ на местном языке: одна в Фордуне, другая — в Сент-Видженсе (фото 26). Профессор К.Х. Джексон датирует их VIII и IX веками соответственно, что помогает нам датировать памятники класса II. На памятниках класса I есть только огамические надписи, и этот вариант огамического алфавита следует датировать VIII веком. Это доказывает, что камни класса I, как, например, из Брандсбатта и Лоджи-Эльфинстона (оба в Абердине), могли создаваться и в VIII веке, если не позднее.

¹ Миндскул — почерк, где употребляются строчные буквы (в латинской и греческой письменности).

Сами рисунки на камнях с символами также не дают существенной информации по поводу датировки, хотя, возможно, специалистам стоило бы проанализировать предметы материальной культуры, которые показаны в связи с фигурами на камнях класса II. Присутствие креста на камнях класса I заставляет предполагать, что они воздвигнуты уже после обращения в христианство в середине VI столетия. Очевидно римская тонзура клирика, изображенного на камне из Сент-Видженса, заставляет предположить дату после 710 года, когда эта тонзура была введена у пиктов. Р.Б.К. Стивенсон предположил, что дама на коне из Хилтон-оф-Кадболл носит брошь-полумесяц, однако на барельефе слишком мало деталей, которые позволили бы нам датировать эту брошь. Часто говорят о том, что символ зеркала на камнях класса I изображает зеркало эпохи латена, но Стивенсон считает, что это — один из случаев преемственности материальной культуры у пиктов, и приводит примеры того же процесса в применении к другим вещам.

Когда-то считалось, что некоторые из символов класса I представляют стилизованные изображения предметов, которые использовались в римском триумфе, показанных спереди и сбоку. Это предполагает римский источник происхождения символов (если не самой практики воздвижения камней). В последнее время была высказана гипотеза, согласно которой некоторые из символов представляют собой стилизованные изображения (также с весьма необычных точек зрения) некоторых предметов вооружения кельтской военной аристократии первых веков новой эры. Но и в этом случае датировка опять-таки относится к символам как таковым, а не к камням класса I.

По мнению автора этой книги, легче всего будет попытаться получить информацию о датировке камней класса I, сравнивая вырезанных на них зверей с изобра-

жениями животных, которые встречаются на других значительных памятниках искусства раннего Средневековья вне страны пиктов, в частности: 1) золотых украшений языческого короля англосаксов, обнаруженных в 1939 году во время раскопок курганного погребения в корабле в Саттон-Ху (Саффолк), и 2) ряда великолепных рукописей Евангелий, созданных в монастырях Британских островов в VII и VIII веках.

Королевское сокровище из Саттон-Ху было торжественно погребено вместе с кораблем короля незадолго до окончательного обращения знати восточной Англии в христианство, то есть где-то в середине VII века. Необыкновенно роскошные золотые украшения вышли из мастерской художников-ювелиров примерно в первой половине VII века. Накладка на кошельке короля украшена стереотипными изображениями животных: орла, хватящего утку (повторяется дважды), человека между двумя вставшими на задние лапы львами (также дважды) и большим центральным мотивом: четыре фантастических длиннотелых зверя. Их челюсти и обрамленные орнаментом лапы сплелись в настоящий лабиринт. Фантастические звери, с их текучими формами, тонкими «талиями», изогнутыми шеями и стилизованными закрученными лапами и когтями странным образом близки к обычному изображению «пиктского зверя» (рис. 19).

Фибулы из золота и граната из Саттон-Ху украшены каждая двумя парами переплетающихся кабанов, трактованных очень условно (рис. 20, *в*). Эти кабаны, с высоко торчащей на хребте щетиной, мощным наклоном плеч и голов и детальной (хотя и стилизованной) проработкой рыл и копыт очень напоминают мощные очертания кабана из Нокнагэла и детальную, изящную прорисовку копыт кабана из Дорза (рис. 20, *б, в*). К этой подборке кабанов мы можем добавить (только для зрительного сравнения) изображение галло-романско-

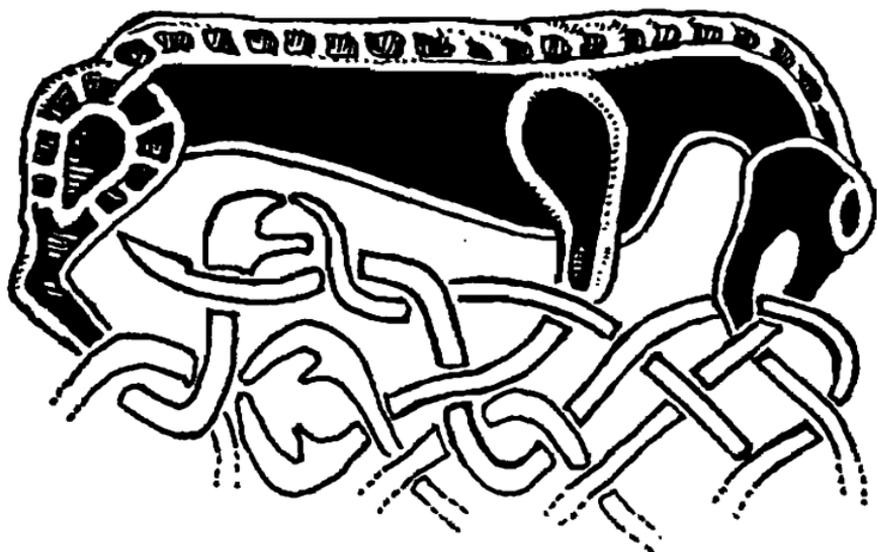

Рис. 19. Зверь с накладки кошелька в Саттон-Ху

го кабана в руках так называемого «бога из Эффинье» (рис. 20, а).

На щите из Саттон-Ху изображено похожее на дракона существо из позолоченной бронзы. Его извивающееся тело снабжено парой крыльев (или плавников). Образ этого существа, с его выразительной головой на мощной шее и плотно прижатыми к телу плавниками, дает — среди всех изделий раннего Средневековья — наилучшую параллель к любопытному зверю на пиктском камне из Рини и на пластинках из Норрис-Ло (рис. 21).

Судя по всему, изображения животных, как реальных, так и фантастических, которые имеют много общего с пиктскими мотивами, входили, как мы видим, в обычный репертуар кузнецов и ювелиров, которые в первой половине VII века работали на своего покровителя — короля англов. Можно было бы только гадать, есть ли у англских и пиктских изображений зверей какой-то общий прототип — римский или британский —

Рис. 20. Сравнение изображений кабанов: *а* — бог с кабаном из Эффины (департамент Верхняя Марна), галло-римский период (по Побе); *б* — Дорз, Инвернесс; *в* — Нокнагэл, Инвернесс; *г* — переплетающиеся кабаны на фибулах из Саттон-Ху

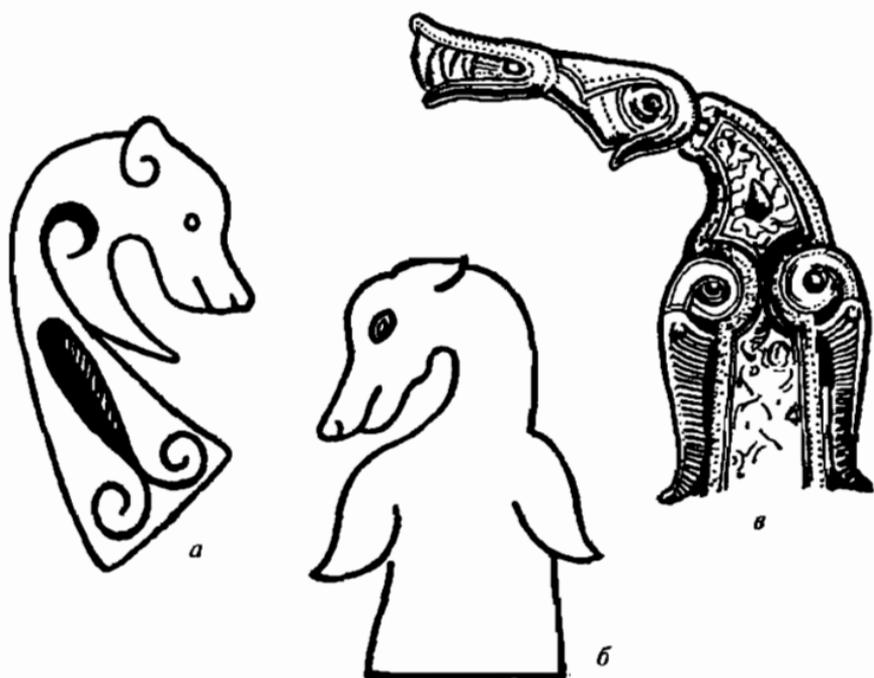

Рис. 21. Сравнение голов фантастических существ: а — Норрис-Ло, Файф; б — Рини, Абердин; в — щит из Саттон-Ху. Голова дракона с плавниками

и действительно ли английские изображения повлияли на пиктские или наоборот, если бы искусство ювелиров из Саттон-Ху не было столь непосредственно связано с миниатюрами древнейшей из великих рукописей Евангелия VII века. Речь идет о Евангелии из Дарроу, которое хранится в библиотеке Тринити-колледжа, Дублин. Искусствоведы много спорили о том, кто был автором орнаментов в Евангелии из Дарроу — английские или кельтские писцы. Однако открытие сокровища в Саттон-Ху сделало теорию об английском происхождении этой рукописи почти неопровержимой.

Страница-заставка, которая предшествует в Евангелии из Дарроу Евангелию от Иоанна, украшена орнаментом. В центре страницы мы видим переплетенные ленты, перемежающиеся с круглым орнаментом, кото-

рые говорят на том же смелом художественном языке, что и золотая пряжка из Саттон-Ху. Эти круги среди переплетений содержат ступенчатые узоры, похожие на ступенчатые золотые ячейки для гранатовой эмали на пуговицах, пряжках и других украшениях из Саттон-Ху. На боковых орнаментах страницы-заставки Евангелия от Иоанна мы видим переплетающихся изящных зверей с длинными челюстями и окаймленными лапками, похожими на существ с кошелька из Саттон-Ху и, следовательно, и на «пиктского зверя» (рис. 22).

Рис. 22. Книга Дарроу. Кусающиеся звери

В Евангелии из Дарроу фигурируют четыре символа евангелистов: человек — символ евангелиста Матфея, лев святого Марка, телец — символ Луки и орел святого Иоанна. Эти символические существа изображены каждое на отдельной чистой странице в окружении пышной орнаментальной рамки. Лев показан очень похожим на волка и напоминает вставших на задние лапы львов на кошельке из Саттон-Ху. Орел евангелиста Иоанна выглядит как ювелирное изделие: он изображен жестким, статичным; перья разделены на сегменты точно так же, как ювелир составил бы изображение орла из золотых ячеек и вложенных в них камней. Этот орел — практически рисованное изображение какого-то украшения типа тех, что были обнаружены в сокровище Саттон-Ху, и, может быть, он вышел из мастерской того самого художника-ювелира, который теперь уже трудился не над украшениями для

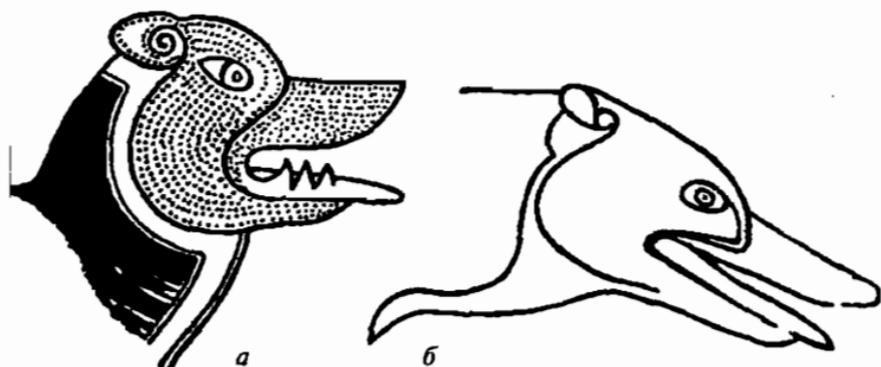

Рис. 23. Сравнение голов животных: *а* — Евангелие из Дарроу. Лев святого Марка; *б* — Ардросс, Росс. Волк

особы короля-язычника, а над Евангелием Творца Вселенной. Крылья орла тяжело свисают по бокам, совсем как плавники дракона на щите из Саттон-Ху.

Изображения символов евангелистов в Евангелии из Дарроу значительно отличается от тех же символов в более позднем Евангелии из Линдисфарна, а также и от более раннего изображения святого Луки в Евангелии святого Августина — знаменитой и оказавшей большое влияние на искусство Англии рукописи, которую привезли из Италии в Кентерберии около 600 года. В отличие от них в Евангелии из Дарроу показан не портрет святого в сопровождении его символа (человека, орла, льва, тельца), но только одно символическое существо. Поэтому титульные страницы Евангелий святого Иоанна или святого Луки в Евангелии из Дарроу не принадлежат к натуралистической средиземноморской традиции Евангелия из Линдисфарна и Евангелия святого Августина, представляя собой особую, независимую и, видимо, чисто британскую традицию. Эта местная традиция восходит к жестким и агрессивным изображениям зверей, изображенным на свободных местах на покрытии кошелька из Саттон-Ху, изготовленного из слоновой кости, а также и к пиктским камням с символами. В Ардрос-

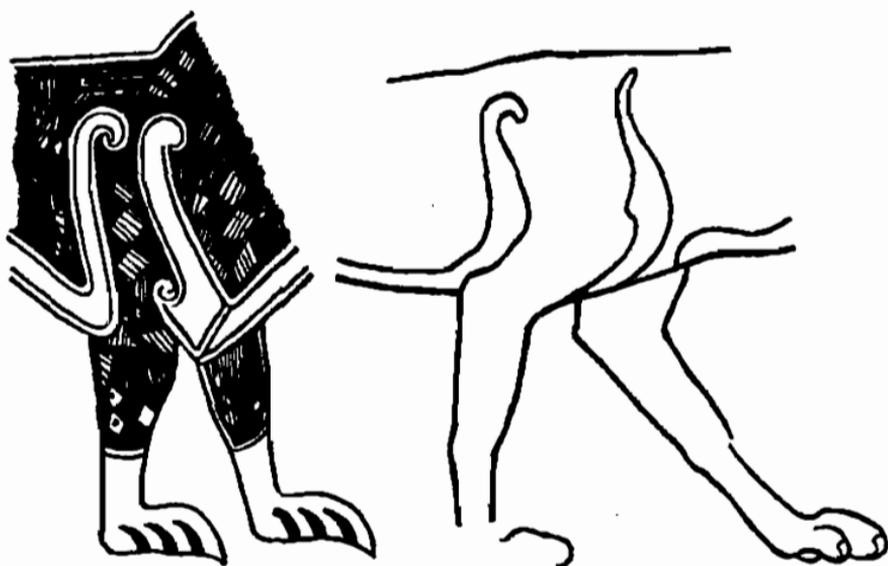

Рис. 24. Сравнение использования спиралей на передних лапах и лопатках льва из Дарроу и волка из Ардросса

се, Нокнагэле, Грэнтауне волк (кабан, олень) словно замирает в движении по чистому верхнему прямоугольнику камня.

Эту общую аналогию между зверями на камнях и символами евангелистов в рукописях можно продолжить более детально. Лев из Дарроу очень похож на пиктского волка: особая манера изображения ушей, челюсти, показанные отдельно от щек, и прежде всего — большая спираль, заполняющая шею, плечи и брюхо животного (рис. 23). Вместе с тем следует заметить, что этот лев — фактически изображение металлического украшения.

Спиральные узоры на теле зверя превращаются в жесткие ячейки, которые должны были удерживать на месте кусочки агата, а длинные петли и завитки, которые пиктский художник столь любовно, с мастерским изяществом и умением провел по телу волка из Ардросса, показывают плавную мощь мускулов хищника и быструю, подпрыгивающую походку живого волка. По-

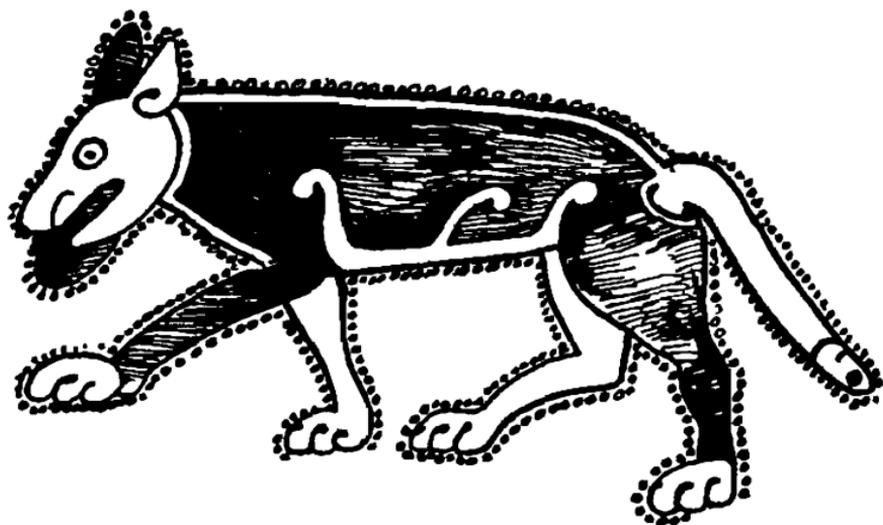

Рис. 25. Евангелие из Келлса. Волк

знее почти такой же волк появится на страницах Евангелия из Келлса, но здесь спирали, которые некогда отражали мускулатуру, превращаются просто в узоры: художник уже не понимает их первоначальной анатомической функции (рис. 25).

Символические животные в Евангелии из Дарроу, нарисованные в профиль на чистой странице, со спиралями на бедрах и плечах — и лев святого Марка, и телец святого Луки, который спокойно идет иноходью, — имеют определенную стилистическую и историческую связь со зверями на пиктских камнях. Кажется, что это пиктские изображения зверей, переработанные художником, который был знаком с техникой ювелиров, чьи изделия сохранились в Саттон-Ху или подобных мастерских. Не обязательно эти мастерские должны были быть расположены в восточной Англии. Весьма вероятно, что пиктские изображения животных типа тех, что мы видим на камне из Ардросса, можно было видеть и подражать им уже в середине VII века. Став элементом ювелирных изделий из Саттон-Ху,

очертания зверей сделались жесткими, формализованными и фактически более грубыми.

Между созданием миниатюр в Евангелии из Дарроу и написанием Евангелия из Эхтернаха и близкой к нему рукописи из колледжа Тела Христова прошло не так уж много времени. На титульных листах к Евангелиям все еще показаны только символические звери — в профиль на пустой странице. Свойственных средиземноморскому искусству изображений человека и символического существа, которые позднее появятся в Евангелии из Линдисфарна, здесь пока нет. Однако бык в Евангелии из Эхтернаха и орел из рукописи колледжа Тела Христова показывают, что по сравнению с животными из Евангелия из Дарроу произошли значительные изменения. Бык воспроизводит пиктские мотивы во всех существенных деталях. Животное не превращается в украшение в стиле Саттон-Ху: рисунок быка воспроизводит элегантные, линейные, но очень реалистичные изображения животных в пиктском искусстве, примером которых могут служить олень из Грэнтауна и волк из Ардросса. Внутренние спирали на боку и плечах быка из Евангелия Эхтернаха показаны точно так же, как у пиктских художников. А орел из рукописи колледжа Тела Христова — в отличие от орла из Дарроу — уже не похож на странного пингвина: это настоящая гордая хищная птица, которая взъерошивает свое великолепное оперение и выпускает страшные когти. Такого же (или почти такого же) орла мы видим на камне из Ноу-оф-Барриана (фото 37, 38).

Действительно, орел почти такой же — и все-таки между пиктским орлом и орлом из рукописи есть одно очень интересное различие. Если мы внимательно рассмотрим пиктского орла, то увидим, насколько экономно художник использовал мощные изогнутые линии. Непрерывная линия идет от хвоста птицы, обводит очертания больших перьев на крыле, изгиб крыла и

плече и возвращаясь от загнутого крюка или спирали на шею, очерчивает грудь и переднюю лапу. Автор рисунка из рукописи колледжа Тела Христова пользовался той же схемой, но ему не хватало четкости. Поскольку он поставил некоторые элементы не на свое место, ему пришлось добавить дополнительные контурные линии, нарисовать отдельно грудь, отдельно лапы, а хвост практически слился с кончиками крыльев. Нет никаких сомнений в том, что орел на барельефе и орел в рукописи исторически связаны, но разницу между ними можно объяснить двумя способами. Пиктский скульптор мог усовершенствовать, «почистить» и сделать более связным образ, созданный иллюстратором рукописи, или же художник, будучи далеким и во времени, и в пространстве от своего пиктского образца, печально отступил от точных стандартов рисунка.

Эти две возможности следует рассматривать в связи с двумя другими вопросами. Следует ли считать, что пиктские художники заимствовали стандартные рисунки из ограниченного набора символов евангелистов, которые изображали в монастырских скрипториях в VII веке, а затем использовали эти рисунки как основу для создания целой «расы» зверей, которая иконографически никак не была связана с рукописями Евангелий? Или же рисованные копии (или какие-то другие репродукции) уже существовавших, независимых пиктских изображений животных дошли до каких-то (мы точно не знаем каких) центров островной христианской книжной иллюстрации и в результате на свет появился тип символов евангелистов, который мы видим в Евангелиях VII века?

Иллюстраторы Евангелия из Эхтернаха и рукописи из колледжа Тела Христова не вполне удачно изобразили символическое животное отдельно на белой странице. Иллюстратор Евангелия из Дарроу, как мы уже видели, поступил так же, однако позднее художники

заполняли страницу от углов крестами и геометрическими узорами, буквально «осаждая» зверя. Это важный эстетический мотив, своего рода критика изоляции животного, которая могла привести к отвержению этого примитивного типа символов евангелистов и принятию южного, портретного типа в следующей великой рукописи из этого ряда — Евангелии из Линдисфарна, которое было написано и украшено в Линдисфарне англосаксом Эадфридом до его кончины в 721 году.

Вне зависимости от того, принимаем ли мы гипотезу об активном влиянии пиктов на раннее (до Евангелия из Линдисфарна) развитие мотива символов евангелистов, все это дает нам сведения о датировке резных камней с символами. Пиктские изображения животных, являлись ли они причиной или следствием (и очевидно, что изображениям животных сопутствовали другие символы), стилистически связаны с Евангелиями из Дарроу, Эхтернаха и рукописью из колледжа Тела Христова. Никаких исторических свидетельств по точной датировке этих рукописей (надписей, колофонов¹) у нас нет, однако принято считать, что они были созданы во второй половине VII века. Если мы примем стилистически близкую последовательность Саттон-Ху — Дарроу — Эхтернах, то мы, грубо говоря, имеем в виду период примерно с 625-го по 700 год. В сокровище Саттон-Ху и Евангелии из Дарроу есть определенные элементы, на основе которых мог возникнуть «пиктский зверь». В этих источниках есть и другие изображения зверей, которые прочно связаны с пиктскими образцами. К тому времени, когда появляется Евангелие Эхтернаха с его сравнительно зрелым изяществом, мы находим столь точные формальные аналогии между работами пиктских скульпторов и творениями книжных иллюстраторов, что становится ясно: меж-

¹ К о л о ф о н — запись, содержащая данные об авторе и(или) переписчике рукописи. В средневековых манускриптах, как правило, помещалась в конце рукописи.

ду ними существуют какие-то взаимоотношения, историческая связь. Даже если пикты научились своему искусству от иллюстраторов рукописей и в конечном счете — ювелиров юга (автору этой книги кажется, что пикты были учителями и активными разработчиками этих мотивов), то ученичество пиктов и усовершенствование пиктского искусства могло начаться в любой момент начиная с середины VII века, то есть во время периода нортумбрийского завоевания по крайней мере части южной области пиктов.

Не так давно Р.Б.К. Стивенсон проанализировал декоративное наполнение пиктского символа полумесяца и указал, что внутренний орнамент имеет определенные аналогии с металлическими изделиями, что указывает на VII век как на дату возникновения данного символического рисунка в его наиболее ранней и сложной форме. Такая датировка полностью согласуется с датировкой возникновения символов животных, которую мы предложили выше.

ДАТИРОВКА И СТИЛЬ КЛАССА II

С появлением камней класса II памятники пиктского искусства пережили как физические, так и технические изменения. Когда пиктский король Нехтон послал своих послов к Кеолфриду в Ярроу, Рутвеллский крест стоял уже несколько лет. Считается, что именно контакт с нортумбрийской школой скульпторов, работавших над рельефами, заставил пиктских художников оставить свою простую местную технику насечки и пытаться подражать более сложным английским работам. Однако тяжелый, пластичный, классический стиль крестов из Рутвелла и Бьюкасла очень далек от ранних образцов пиктской рельефной скульптуры, и только в самом общем смысле можно гово-

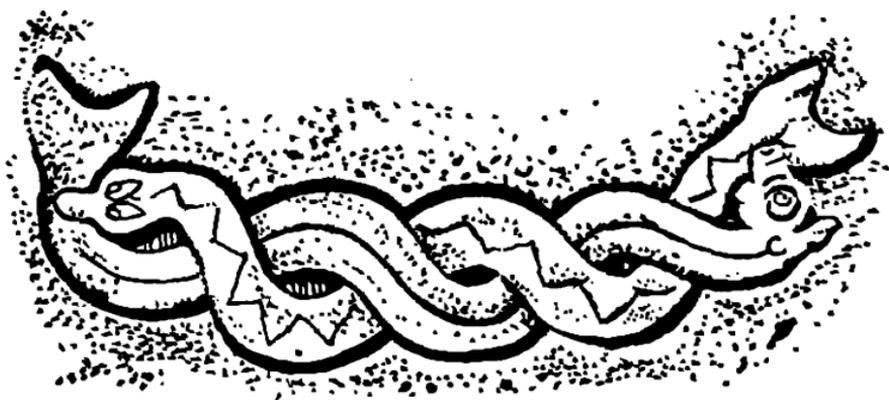

Рис. 26. Голспи, Сатерленд. Переплетающиеся змеи, выгравированные на камне

речь о том, что эти произведения послужили образцом для своеобразного стиля пиктского рельефа (если вообще послужили).

Качество исполнения рельефной скульптуры у пиктов было необычайно высоко. Оно проделало путь от неглубокого, изысканно выполненного рельефа (Росси, Глэмис, Исси, церковный двор в Аберлемно) до пластической моделировки (крест у дороги в Аберлемно, великолепные камни Мигла). На севере завершенность креста из Хилтон-оф-Кадболл и исключительная сложность плиты из Нигга наглядно показывают техническое совершенство скульпторов (фото 60, 61).

Очень важно осознать наличие этого прогресса в технике рельефа, поскольку именно в нем мы, возможно, найдем объяснение того, почему пиктские скульпторы переключились от гравировки к рельефам. На древнейших рельефных памятниках наблюдается смешение обеих техник (фото 50). Можно считать, что на этой ранней стадии между ними практически не было разницы. К первым попыткам рельефа уже можно причислить внутренние завитки между линиями, образующими спирали на телах быков из Бургхеда (фото 32),

глаза рыбы и утки из Истертон-оф-Розисл и переплетающихся змей на нижней части плиты с крестом из Голспи (рис. 26). Если насечка на камне достаточно глубока, тогда пространство между двумя высеченными линиями практически превращается в рельеф. Если признать, что на камнях класса I мы наблюдаем так называемый «врезанный рельеф», то переход от памятников класса I к памятникам класса II становится вполне естественным. Изображение тройного диска в Глэмисе (фото 39) очень похоже на трактовку того же символа в Кинтрэдвелле: здесь использована насечка и между двумя глубоко врезанными линиями появляется выпуклая область. Часто отмечалось, что пикты не сочли нужным копировать отдельно стоящие кресты своих современников¹, но вместо этого разработали новый тип памятника — плиту с крестом. Непосредственный осмотр некоторых камней класса I (в данном случае фотографий оказывается недостаточно) показывает, что древнейшие техники рельефа, которые пикты использовали на своих памятниках, также являются их собственным изобретением.

Главным различием между классом I и классом II является наличие переплетенного креста. Представляется возможным, что изменение характера памятников — просто результат включения этого нового мотива. Для креста нужно было правильное прямоугольное поле, поэтому и приходилось вырезать плиты такой формы. Чтобы переплетение выглядело эффектно, необходим был неглубокий рельеф, который помог бы передать переплетение «лент», и у пиктов был способ достичь этого. В результате и получилась стоячая плита с неглубоким рельефным орнаментом, которая является характерной для камней класса II.

¹ Имеются в виду англосаксы и древние ирландцы, которые в VIII—X веках создавали каменные кресты с рельефами.

Ромилли Аллен выделил тринадцать различных типов крестов на памятниках, принадлежащих к классу I и классу II. Один интересный тип, не упомянутый у Аллена, но замеченный Р.Б.К. Стивенсоном, — это крест с «четырёхлепестковым» кольцом¹, вместо обычного круглого. Кольца такого типа мы видим на группе ранних монументов, между которыми есть и другие общие черты, в том числе на камнях из церковного двора в Аберлемно и в Исси. Такая трактовка кольца не встречается в ирландских или нортумбрийских источниках, но ее можно видеть на некоторых доскандинавских крестах острова Мэн. В таком контексте, однако, это могло быть и пиктское заимствование.

У наиболее обычного типа креста на пиктских памятниках — закругленные углы с углублениями или двойные квадратные углы с углублениями соответственно². Круглые углубления на углах перекадины креста обычны как для нортумбрийской, так и для ирландской скульптуры. Тип двойного квадратного угла с углублениями в скульптуре не встречается: в основном он характерен для рисунка. Примеры такого мотива встречаются на орнаментальных страницах в Книге Дарроу, в Евангелии из Линдисфарна и в Евангелии из Личфилда. Сочетание кольца с таким типом креста, которое также встречается на пиктских скульптурах, судя по всему, является сочетанием скульптурных и рукописных источников.

Обычно древко креста является прямым продолжением его нижнего конца, причем основание и древко различаются изменением орнаментального наполнения. Такое изменение орнамента постоянно наблюдается на ирландских крестах VIII века с переплетающимся орнаментом.

¹ Кольцо, изображенное за перекадиной креста, характерно для так называемых «кельтских» крестов и предположительно является символом Солнца. См. рис. 27.

² См. рис. 27, а, в.

Иногда древко отделяется от нижнего конца креста выемками примерно в половину величины заглубленных углов любого типа, которые мы видим на пересечении перекладин. Подобный же мотив наблюдается на странице с крестом в Евангелии из Линдисфарна¹.

Таким образом, судя по всему, пикты, как и следовало ожидать, заимствовали свой тип креста из тех же источников, что и ирландские и нортумбрийские художники. Однако такое нововведение, как «четырёхлепестковое» кольцо, показывает, что они не просто копировали свои образцы.

Ромилли Аллен с доскональной точностью описал все варианты орнамента, который использовали пикты для украшения своих крестов, однако сравнительных исследований этих потрясающе разнообразных переплетений, спиралей и меандров пока нет. Р.Б.К. Стивенсон выделил характерный тип плотного переплетения; можно выделить и несколько типов, характерных для отдельных местностей. Например, узор, которому у Аллена присвоен номер 553, встречается только в Пертшире и Энгусе. Очевидно, что камни, которые можно объединить в группы по каким-то другим признакам, имеют и общие типы орнамента, хотя зачастую и в других контекстах. Можно предполагать, что у каждой мастерской был собственный набор образцов орнамента.

Судя по всему, у пиктских скульпторов с самого начала не возникало никаких трудностей с изображением переплетающихся орнаментов. Анализ Аллена не показывает постепенного развития — с ошибками и лишними перекрытиями. Напротив, согласно Аллену, три больших круглых узла на раннем камне из двора пасторского дома в Глэмисе наполнены самым сложным из дошедших до нас плетеным орнаментом в

¹ См. рис. 27, в.

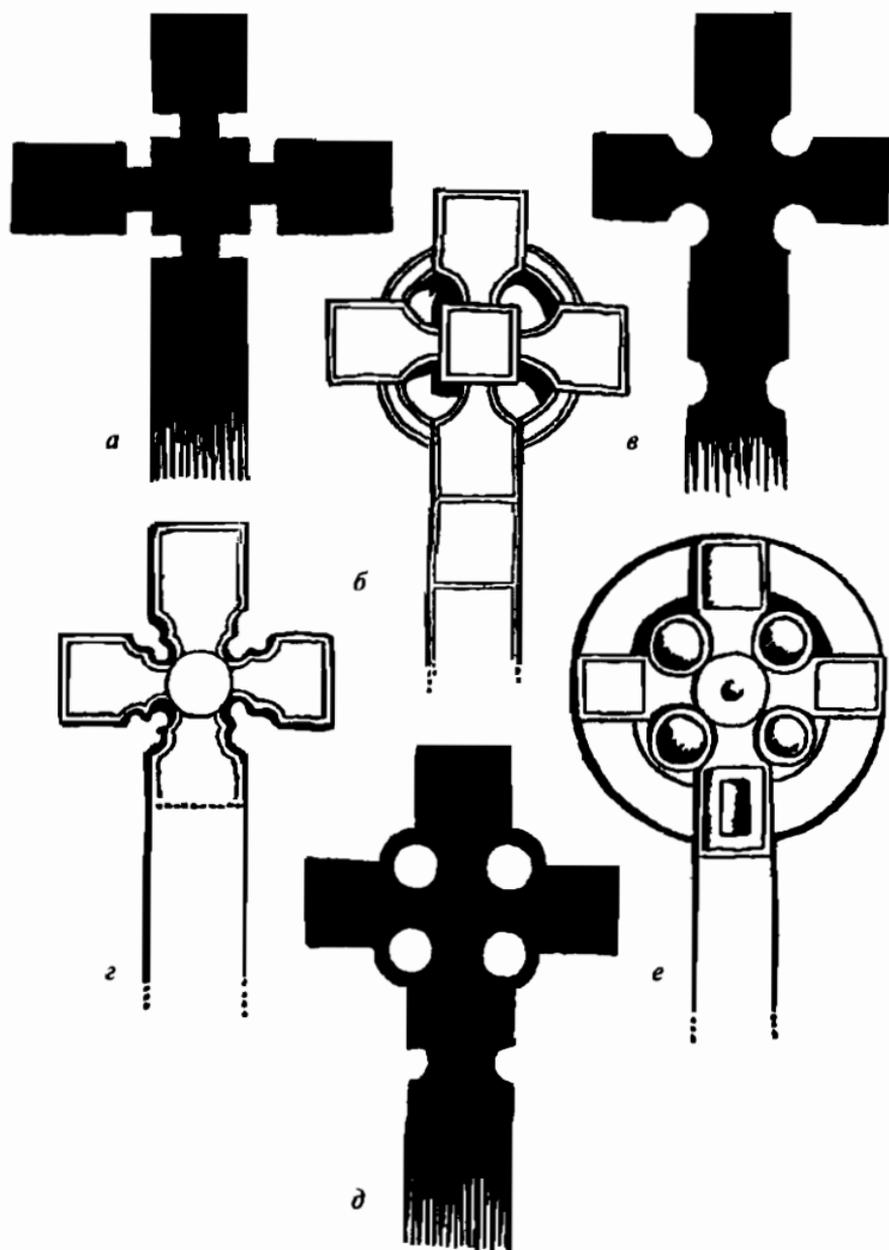

Рис. 27. Типы пиктских крестов: а — Нигг, Россшир; б — Сент-Мэдоуз, Пертшир; в — Глэмис 1, Энгус; г — Исси, Энгус; д — камень у дороги в Аберлемно, Энгус

скульптуре. Приемы (несомненно, ирландско-англосаксонские) были использованы творчески, по крайней мере, насколько можно судить, не видя прототипов.

В общем и целом ирландско-англосаксонские элементы на таких ранних плитах с крестом, как плиты из двора пасторского дома в Глэмисе и церковного двора в Аберлемно, настолько высокого качества, что, видимо, свидетельствуют о свободном участии пиктских скульпторов в развитии ирландско-англосаксонского стиля. В таком случае эти элементы могли попасть к пиктам из Нортумбрии в любой момент после появления самого ирландско-англосаксонского стиля и не возникли, как это предполагалось, поколение спустя после появления Евангелия из Линдисфарна.

На самом деле вполне разумно было бы рассмотреть появление класса II как одно из следствий пиктско-нортумбрийского сближения, организованного Нехтоном около 710 года. О любви Нехтона ко всему нортумбрийскому мы уже говорили в одной из предыдущих глав. Согласно Беде, нортумбрийские архитекторы отправились на север, чтобы наблюдать за постройкой каменной церкви для Нехтона, и эту церковь, видимо, успели построить до крушения политической карьеры Нехтона. Легко представить себе, что пиктские художники познакомились с искусством нортумбрийской книжной миниатюры именно в это время и с энтузиазмом переносили мотивы этого искусства на свои каменные памятники.

Как и весь остальной орнамент, кресты на наиболее ранних образцах класса II выполнены очень неглубоким рельефом. Шло время, и пиктские скульпторы «переросли» свои рукописные образцы, по крайней мере некоторые мастерские стали активно разрабатывать возможности, которые давал все более и более углублявшийся рельеф. Пиктское искусство, наверное, производит наиболее сильное впечатление тогда, ког-

да больше всего использует то, что свойственно именно пиктскому гению — утонченное владение линией, но, тем не менее, и памятники, выполненные в более позднем и смелом стиле, производят глубочайшее впечатление. Плоский крест, словно бы взятый прямо с рукописной страницы, заменяется (правда, не везде) на нечто гораздо более похожее на отдельно стоящий крест. В отношении размера и пропорций креста такие камни, как камень у дороги в Аберлемно и камень из Мигла с изображением пророка Даниила, с архитектурной точки зрения выглядят как стоячие кресты, а не как плиты (фото 56, 58). Абстрактные узоры на более поздних памятниках показаны трехмерно; активно используются выступающие гвоздики и шишки. На камне у дороги в Аберлемно закругленные углубления у перекладины креста вынесены вперед, и новое кольцо полностью окружает верх креста. В Данфалланди типичный «книжный» крест украшен простым орнаментом из групп гвоздиков. В Нигге крест покрыт обычным орнаментом, выполненным в неглубоком рельефе, однако фон усыпан гвоздиками, образованными из концов спиралей, и шишками, которые на самом деле являются раздутыми закруглениями орнамента (фото 61). Сложность узора на плите из Нигга граничит с декадентством, хотя следует отметить, что этот памятник просто «не фотогеничен»: фотография сразу позволяет охватить глазом орнамент, и поэтому он кажется излишне навязчивым. Когда смотришь на сам камень, взгляд падает на отдельные фрагменты орнамента, исполненного с потрясающим мастерством. Удивительная тонкость самой плиты также противоречит эффекту пышности, который производит снятая спереди фотография.

Центральный декоративный мотив змей, извивающихся вокруг покрытых переплетающимся орнаментом шишек, мы находим также на саркофаге из Сент-Энд-

рюса (фото 64). Это мотив очень напоминает орнамент на позолоченном бронзовом предмете ирландского происхождения VIII века, где он, однако, использован более экономно: сами извивы змей образуют выступающие закругления.

Камень с изображением пророка Даниила из Мигла, который фактически является памятником класса III, несет на себе крест уникального типа. Здесь верхние сегменты кольца образуют верхнюю часть монумента, и таким образом крест — по крайней мере отчасти — выходит из плиты. Гвоздики на перекладинах креста и окружающем его кольце, несомненно, пришли из ювелирного искусства, отражая прием украшения поверхности драгоценными камнями и эмалью, как, например, на потире из Ардаха. Но эффект этого приема ничем не напоминает о ювелирных изделиях: вместо этого приносится впечатление силы и мощи, которое производит этот величественный памятник.

Орнамент на таких поздних пиктских памятниках очень напоминает орнамент шишек на крестах с острова Иона, и Р.Б.К. Стивенсон выдвинул убедительные доказательства в пользу того, что эволюция стиля шишек на этих крестах проходила, по крайней мере, отчасти под влиянием пиктских образцов. Такое влияние могло иметь место в начале IX века, когда, как мы видели, пиктский король Константин, сын Фергуса, и затем его сын правили одновременно скоттами Дал Риады и пиктами.

СВЕТСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Крест и орнаменты на нем — это область, где искусствовед может проводить сравнения с другими памятниками искусства раннего Средневековья, однако одной из наиболее замечательных характеристик пикт-

Рис. 28. Мигл 26, Пертшир. Противостояние двух зверей

ской рельефной скульптуры является множество изобразительного материала, для которого нельзя подобрать никаких сравнений и параллелей.

В первую очередь это сама символика памятников. В показе символов на камнях класса II, как мы уже говорили, сохраняются общие очертания символов, однако более поздние скульпторы, видимо, могли беспрепятственно отступать от традиционной трактовки орнамента.

Натуралистичные звери также фигурируют на камнях класса II, однако прежние мощные животные-символы превратились в обычных животных, которых художники наблюдали и изображали точно и пронизательно. Некоторые элементы изображений животных, например звери, стоящие на коленях, и мотивы, где фигурируют страшные чудовища, нападающие на домашних животных, возможно, указывают на восточное происхождение этих мотивов, однако исторически вероятные прототипы найти трудно (фото 41).

Сцена битвы на задней стороне камня из церковного двора в Аберлемно, пожалуй, самая интересная из большого количества сцен, где показаны всадники (как правило, занятые охотой). Вместе эти сцены составляют замечательный, если не уникальный, корпус чисто

светских изображений, основанных на исторических событиях или на литературных источниках.

Наша оговорка — «если не уникальный» — вполне справедлива, поскольку существует ряд скульптурных крестов раннего Средневековья в Англии и на острове Мэн, где изображены сцены, не имеющие отношения к христианской традиции и иконографии, но, напротив, взятые из литературных источников. Таким образом, эту иконографию также можно назвать «светской». Считается, что на кресте из Госфорта показан момент из поэмы «Прорицание Вельвы», которая входит в состав «Старшей Эдды». Древко креста в Халтоне (Ланкашир) и группа камней на острове Мэн со всей очевидностью отражают сцены из легенды о Сигурде.

Техника исполнения на камнях с изображениями Сигурда невысока, и мы не можем считать, что ремесленники, которые их выполняли, разработали свою собственную иконографию. Кроме того, мы можем вспомнить об особом источнике изображений, а именно вышивке. Вышивки с легендой о Сигурде до нас не дошли, однако литературные источники заставляют полагать, что такие вышивки существовали. В «Саге о Вельсунгах», например, Брюнхилд, сидя в своей спальне, «вышивала золотом на пальцах те подвиги, что совершил Сигурд». В начале XI века в Норвегии при дворе Олава Святого скальду по имени Торфинн приказали сочинить стихотворное описание сцен, представленных на гобелене в главном зале. Сцены, которые описал Торфинн, те же самые, что и на камнях с Сигурдом.

Таким образом, можно предположить, что и другая замечательная группа светских сцен на скульптурных камнях раннего Средневековья, а именно сцены на пиктских камнях с крестами и прежде всего сцена битвы в Аберлемно, точно так же ведут свое происхождение от узоров вышивки. Конечно, это всего лишь предположение, основанное на аналогиях, к тому же относящихся и

к более позднему периоду, чем камень в Аберлемно, и областям, расположенным вне пиктской территории. одной описи гобелен, подаренный аббатству в Эл Этельфледой, вдовой Бюрхтнота (ум. 991), назван изображающим «деяния ее супруга». Мы можем считать, что на этом гобелене был изображен Бюрхтнот в сражении или ободряющим воинов перед битвой при Мэлдон. Фрагмент вышивки был обнаружен в корабле викингов в Осеберге: там показан всадник, лошади, везущие повозки, и пешие воины, вооруженные щитами и копьями. Все фигуры представлены на разных уровнях и строго профиль. Все это очень напоминает композицию сцены битвы в Аберлемно, хотя качество рисунка, конечно ниже. Гобелен из Байе — величайший пример раннего светского гобелена. Его совершенство заставляет полагать, что он был плодом долгой традиции. Сцены, изображающие всадников и пехотинцев в начале битвы при Гастингсе, очень похожи на сцену битвы из Аберлемно, и не просто из-за темы, но и по всей манере рисунка.

Можно сказать, что светские сцены (литературные или исторические) изображались в раннем Средневековье в форме вышивки. Фактически только вышивка давала возможность изображать циклы светских сюжетов, поскольку иллюстрация рукописей соотносилась с потребностями клириков, которые одни и пользовались этими книгами. Кроме того, светские сюжеты, естественно, были более интересны для мирян. Для украшения их жилищ и требовались гобелены.

Поскольку сцена битвы в Аберлемно представляет собой тип сюжетов, которые позднее часто можно видеть на вышивках, разумно было бы предположить, что он основан на местной традиции гобеленов, никаких других свидетельств о которой до нас не дошло. Если передняя часть камня из церковного двора в Аберлемно — это каменная страница из книги, то задняя часть — гобелен в камне.

Другие пиктские скульпторы не пытались изображать сцен сражений, подобных этой, однако сравнительно рано в истории камней класса II пиктские художники, видимо, изобрели либо переняли из какого-то местного источника того же типа, что и вышивки, или с какого-либо зарубежного образца традиционные сцены охоты. Этот установившийся тип, наверное, наиболее ярко представлен на камне из Хилтон-оф-Кадболл (фото 60). Среди особенностей этого мотива — диагональное расположение охотников и помещение на оставшемся за счет этого месте для предводителя группы прыгающей лани, на которую одновременно с плеч и сбоку нападают две бегущие собаки. Хотя этот рисунок замкнут в небольшом пространстве, он удивительно хорошо передает впечатление бурного движения. Однажды появившись, сцена охоты повторялась с небольшими вариациями снова и снова. Мотив следующих за охотниками трубачей, которых мы видим на камне из Хилтон-оф-Кадболл, — более позднее дополнение к формуле, о которой мы поговорим позже.

Несколько камней с юга страны пиктов можно назвать «камни с чудовищами» (фото 47—49, 53—55). Это камни из Росси, Данфалланди, Сент-Видженса (номера 1 и 4 по Ромилли Аллену), Гаска, Вудрея, Инчбрайока и несколько камней из Мигла (номера 4, 5, 9 и 23 по Ромилли Аллену).

Можно выделить восемь основных типов фантастических животных, которые фигурируют на этих камнях. Это не просто фантастические не то ящерицы, не то змеи, которые часто можно встретить в рукописях и на ювелирных изделиях того времени. Пиктские чудовища изображены ясно и четко, со вниманием к выразительным деталям, которое характерно для трактовки аллегорических зверей (рис. 29). Этот факт наряду с ограниченным количеством известных типов заставляет

предполагать, что некоторые мастерские пользовались каким-то одним, определенным литературным источником.

Джозеф Андерсон предположил, что в основе этого аспекта иконографии животных на камнях класса II лежит какая-то версия «Физиолога»¹. Наиболее ранний дошедший до нас иллюстрированный «Физиолог» можно датировать IX веком, однако вполне возможно, что существовала и более ранняя иллюстрированная версия.

Еще более многообещающим источником, чем «Физиолог», является иллюстрированная версия «Чудес Востока», о которой Андерсон не упоминает. Англосаксонская версия в Британском музее содержит значительное число мотивов, включающих изображения чудовищных животных и странных людей, которые очень похожи на мотивы на пиктских камнях. Во введении к факсимильной публикации этой книги, осуществленной Роксбургским клубом, М.Р. Джеймс сделал интересное предположение, согласно которому иллюстрированная версия «Чудес» была частью «Космографии», которую аббат Кеолфрид преподнес королю Алдфриду в обмен на участок земли. Кеолфрид, как мы видели, тесно общался с пиктами, и, таким образом, вполне возможно, что пикты видели эту рукопись. Конечно, иллюстрации из такого редкого рукописного источника вполне могли бы объяснить этот элемент в пиктской иконографии.

¹ «Физиолог» — сборник, составленный во II—III веках н. э. в Александрии на греческом языке. В нем содержались описания как реальных, так и вымышленных животных (василисков, кентавров, единорогов). Рассказывая о поведении животных, авторы сопоставляли их качества (жестокость, доброту, хитрость) с качествами людей. Книга фактически служила учебником христианской морали. В IV веке она была переведена на латинский язык и пользовалась огромной популярностью на протяжении всего Средневековья. Ориген, Василий Великий, Августин и другие видные богословы неоднократно пользовались материалами «Физиолога».

ж

з

и

к

л

м

Рис. 29. Фантастические звери с камней класса II: а, б, в — Росси, Пертшир; г, д, е — Гаск, Пертшир; ж, з — Вудрей, Пертшир; и — Мигл 26, Пертшир; к, л — Мигл 23; м — Мертли, Пертшир

Вне зависимости от того, можно ли установить связь между пиктскими памятниками, «Физиологом» и «Чудесами Востока», нет никаких сомнений в том, что появление странных людей и чудовищных зверей на пиктских камнях, по всей видимости, отражает исключительный интерес к преданиям о чудовищах, вообще свойственный европейцам в VIII—IX веках.

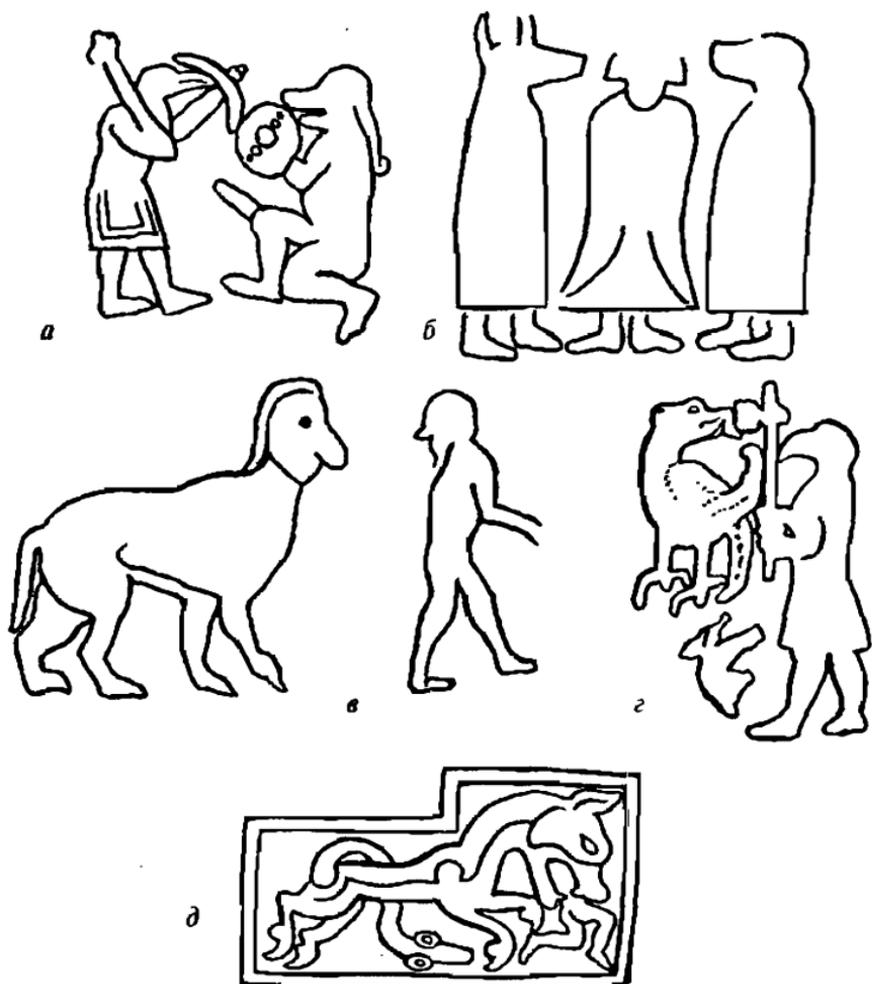

Рис. 30. Фантастические сцены на камнях класса II: а — Мертли, Пертшир; б — Киттинс, Энгус; в — Мигл 26, Пертшир; г — Росси, Пертшир; д — Вудрей, Пертшир

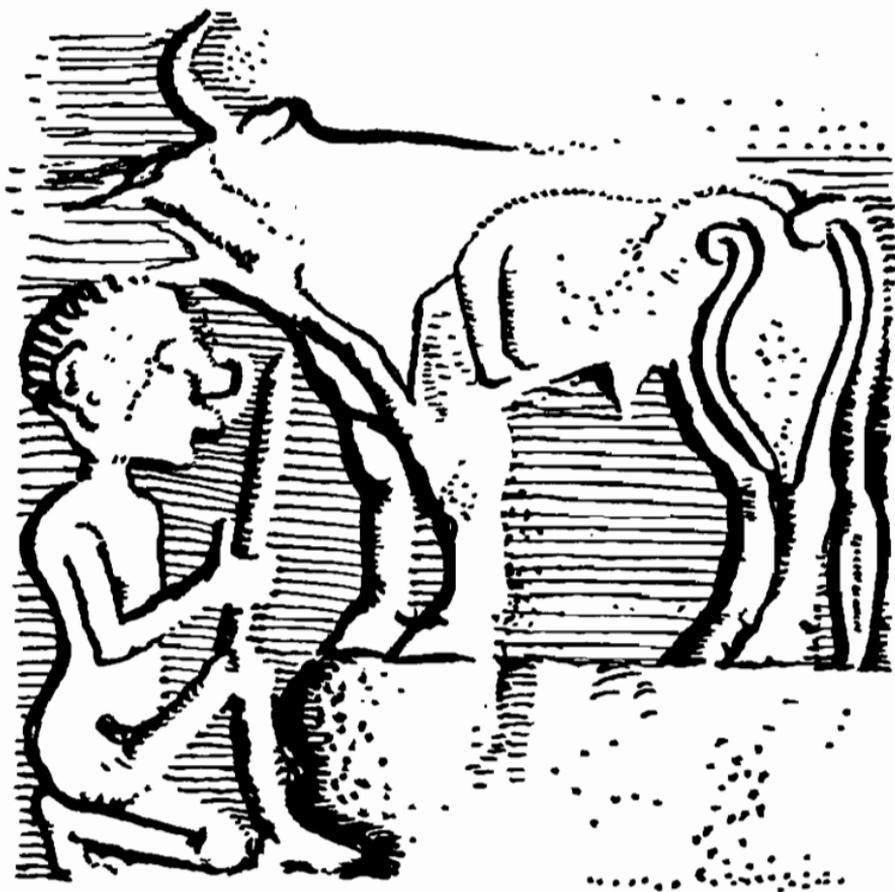

Рис. 31. Сент-Видженс 7, Энгус. Жертвоприношение быка

Последний элемент в светской иконографии камней класса II — это смешанная группа сцен с фигурами, каждая из которых фигурирует только на одном камне и которую очень трудно отождествить. Это сцены с котлом на камнях из Фаулис-Вестер, Глэмиса и Олбстера (рис. 30). Композиция этих изображений различна. Здесь много людей с головами животных и особенно птиц, как, например, в Папайле и Росси (рис. 31). Часто люди сражаются с чудовищами — руками или с помощью кинжала, причем каждое чудовище нарисо-

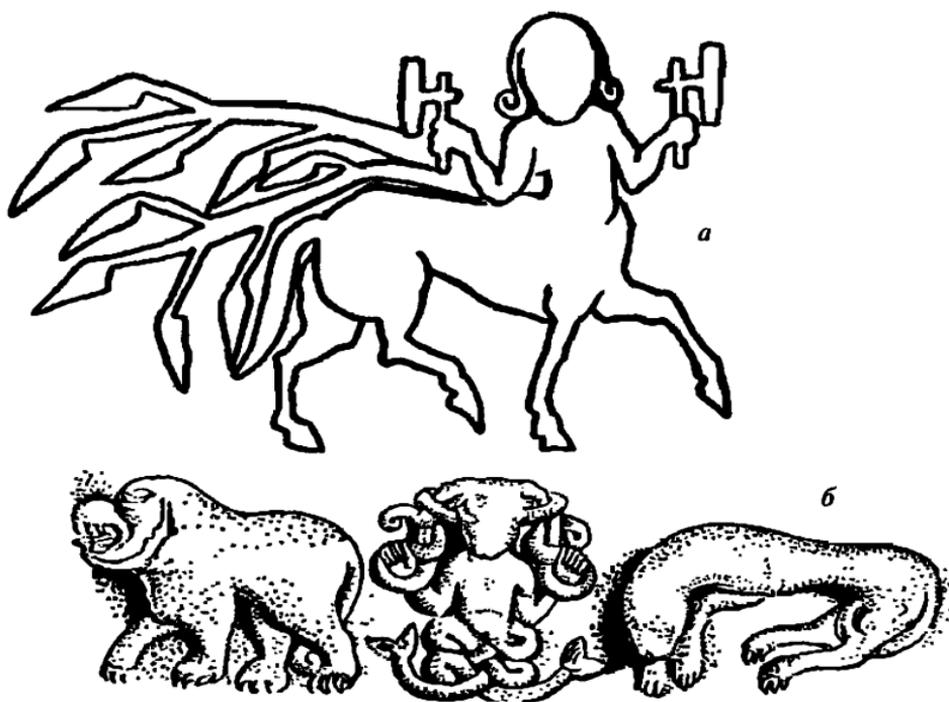

Рис. 32. Два античных мотива: *а* — кентавр с зелеными ветками и топорами. Камень у дороги в Аберлемно, Энгус; *б* — тритон и два чудовища. Мигл 22, Пертшир

вано по-своему. Такое единообразие тем наряду с разнообразием иллюстраций заставляет предполагать, что перед нами — отдельные изображения какого-то легендарного сюжета. Однако может быть и так, что это — вариации на ходячие мотивы, которые уже потеряли всякое значение. Такие темы встречаются на ювелирных изделиях Европы того времени, таких, как хорошо известные бургундские пряжки и пластинки из Торслунды (рис. 32, *а*, *б*). Кентавр — античный мотив, который часто встречается на пиктских рельефах. Его можно видеть и на ирландских крестах. Есть одно изображение, которое могло представлять другое легендарное существо — Тритона.

ЭКЛЕКТИЗМ В ПИКТСКОМ ИСКУССТВЕ

Перед тем как перейти к рассмотрению христианской иконографии на камнях класса II, необходимо обратить внимание на характерную особенность трактовки христианских мотивов у пиктских художников. Чем больше изучаешь камни класса II и III, тем более становится очевидным, что создатели этих монументов работали по принципу полного эклектизма: они заполняли свободные места рядом с крестом случайным набором мотивов, которые не имели никакого общего смысла: едва ли не единственное исключение — сцена битвы из Аберлемно, которая нигде более не повторяется. На гигантской плите с крестом в Мигле мотивы изображены в одном масштабе, однако ничего общего между ними больше нет. С иконографической точки зрения люди на конях не имеют ничего общего с Даниилом в львином рву, Даниил никак не связан с кентавром, который держит в руках ветку золототысячника¹, да и кентавр не имеет никакого отношения к оживленной охотничьей сцене в нижней половине плиты (фото 57). На других камнях такие мотивы, как сражения людей со звериными головами, человек, который держит за шею двух птиц, или фантастические звери (такие, каких мы описывали выше, не играют никакой роли ни в какой осмысленной образной схеме: они вставлены сюда из-за своей зрелищности и прежде всего просто для заполнения свободного места.

Такому принципу эклектики трудно подобрать какую-то параллель. В скульптуре раннего Средневековья Великобритании не наблюдается ничего подобного. В Ирландии меньше «нейтральных» мотивов и христианская иконография гораздо богаче.

¹ Золототысячник по-латыни назывался *centaureum*; по легенде, рассказанной Плинием Старшим в «Естественной истории», с помощью этого растения кентавр Хирон некогда исцелился от ран.

Рис. 33. Аналогичные сцены жертвоприношений:
 а — котел из Гундеструпа; б — Сент-Видженс 7

Случайный выбор явно никак не связанных между собой мотивов характерен для мастерской, из которой вышел великий котел из Гундеструпа (север Ютландии). На этом котле мы также видим много точных параллелей к пиктским скульптурам, некоторые из них достаточно хорошо известны: например, человек, которого держат вниз головой над камнем или котлом, и человек, который собирается зарезать быка (рис. 33). Можно привести и множество других примеров. Как на котле, так и на пиктских скульптурах присутствуют мотивы, которые очень трудно согласовать друг с другом (если считать, что у них было какое-то значение) или поставить в какой-то другой общий контекст, кроме чисто художественного. Ментальность, а может быть, и некоторые материалы галльского художника

I века н. э. вновь каким-то образом проявились на пиктских камнях класса I и II.

Эта эклектичная ментальность, видимо, существовала на протяжении многих веков среди кельтских ювелиров, поскольку она явственно выражается на двух рогах из Галлехуса, которые по дате гораздо ближе к пиктским скульптурам, чем гундеструпский котел. Эти рога, также из Ютландии, несли на себе множество изолированных мотивов, многие из которых фигурируют на пиктской скульптуре. Изобразительные мотивы были рассеяны по обширной поверхности рогов с очевидным безразличием к какому бы то ни было определенному иконографическому содержанию¹, но с полным сознанием формального разнообразия и зрелищности этих мотивов. То, как охотно художники принимали мотивы из самых разных источников и случайным образом приспособляли их к своей работе, судя по всему, подтверждает предположение, согласно которому метод работы пиктских скульпторов класса II—III сформировался в атмосфере и в окружении континентального кельтского ювелирного искусства раннего Средневековья.

Наиболее известный пример художественного эклектизма в искусстве раннего Средневековья в Британии, конечно, ларец Фрэнкса. Интересно, что между этой откровенно эклектичной вещью и пиктским искусством есть стилистическая связь (фото 50, 51). Волк и лошадь очень напоминают пиктские изображения животных; можно привести и многие другие параллели. Об эклек-

¹ В работах других специалистов выдвигаются обоснованные предположения о том, что на котле из Гундеструпа и на рогах из Галлехуса показан осмысленный ряд изображений и символов, отражающих события того или иного мифологического сюжета: на котле — кельтского мифа, послужившего прототипом ирландского эпоса «Похищение быка из Куальнге» (Г. Олмстед), на рогах из Галлехуса — индоевропейский сюжет о борьбе героя за возвращение похищенного скота (Б. Линкольн).

тизме художника говорит то, что он ставил бок о бок и объединял иллюстрации к совершенно разным историям, относящимся к разным традициям. Пиктские художники не употребляли таким образом унифицированные изобразительные мотивы, если нечто подобное вообще было им доступно. Пиктская скульптура, судя по всему, принадлежит к более примитивной художественной традиции, чем ларец Фрэнкса.

ХРИСТИАНСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

Ранняя христианская иконография в основном включает в себя прообразы спасения¹, взятые из Ветхого Завета, которые все еще упоминаются в заупокойных молитвах. В пиктском искусстве встречаются только два прообраза — Даниил во рву львином и Иона с китом. Эти сцены являются наиболее обычными из таких прообразов в раннехристианском искусстве. Возможно, популярностью они обязаны своей близостью к фольклорным мотивам сражения Героя со зверем и чудовищем-людоедом.

Есть только два пиктских камня, где мы видим мотив Даниила, и поэтому великолепие этой сцены на одном из этих камней кажется нам совершенно неожиданным. Речь идет о кресте из Мигла, который мы уже упоминали. На нем Даниил изображен в виде священника, очевидно, с бородой, в длинном, развевающемся одеянии (фото 57). Вокруг его распростертых рук мы видим четырех львов. Еще два маленьких льва, которые изображены над верхними зверями, также могут относиться к этой композиции. Передняя лапа каждого из четырех больших львов прикасается к пророку.

¹ Имеются в виду ветхозаветные истории, которые, как считают христианские богословы, символизируют спасение души.

Тяжелые головы и общая пластика зверей кажутся античными, однако их аккуратно расположенные хвосты и высокие тонкие талии заставляют думать о каком-то византийском источнике.

Даниэль из Мигла находит свою наиболее близкую параллель в кресте на рынке в Келлсе (Ирландия), который, скорее всего, относится к X веку. Ирландские скульпторы, судя по всему, знали многие традиции изображения Даниила, и, возможно, пиктский творец камня из Мигла создал наиболее впечатляющий вариант того типа Даниила, который был известен и в Ирландии.

На пиктских плитах с крестами можно видеть только две сцены, которые можно уверенно идентифицировать с Ионой и китом. Наиболее ранняя — в Фаулис-Вестер, где в правом верхнем углу плиты обнаженный Иона лежит рядом со схематично трактованным собакоголовым морским чудищем (фото 43). Более поздняя версия, в Данфалланди, могла быть взята прямо с какого-то раннехристианского саркофага: волчья голова, огромный плавник и толстый хвост кита, изогнутый в виде буквы U, выглядят очень характерно. Обнаженного святого из Фаулис-Вестер можно сравнить с фигурой лежащего Ионы под сводом христианских саркофагов. В ирландском искусстве подобных вариантов этого сюжета нет.

На оборотной стороне поздней плиты из Инчбрайока изображен воин, ударяющий по голове клирика каким-то странным оружием, которое, возможно, представляет собой челюсть животного. Ясно показаны крючковатая ветвь челюсти и большие острые зубы, но, как ни странно, зубы поставлены не на свое место — на нижнюю часть челюсти (рис. 34, а).

В искусстве два персонажа пользуются челюстью как оружием — Самсон и Каин. Есть соблазн увидеть на плите из Инчбрайока изображение Каина, убиваю-

шего Авеля, поскольку контраст между одеждой убийцы и жертвы согласуется с более поздней средневековой традицией ясно различать одежду и общий вид добродетельного Авеля и злодея Каина.

Наиболее раннее точно отождествляемое изображение Каина, вооруженного челюстью, — это англосаксонская рукопись, созданная в Кентербери незадолго до норманнского завоевания, однако крест X века в Монастербойсе (Ирландия), возможно, изображает Каина с челюстью. Если воин из Инчбрайока — действительно Каин, то это очень ранний пример такой трактовки этого сюжета.

Однако в общем и целом более вероятным кандидатом представляется Самсон. Можно думать, что в конечном счете источником для пиктского изображения послужила книжная иллюстрация вроде прекрасного изображения в рукописи «Гомилий» Григория Назианзина IX века, хранящейся в Париже, где Самсон ожесточенно размахивает ослиной челюстью, поражая филистимлян, которые падают к его ногам.

То, что герой пиктского изображения — Самсон и что за пиктским вариантом лежит определенная модель, подтверждается, возможно, одной деталью в правой группе фигур на передней части плиты (рис. 34, б). Э. Керл определила эту группу как Далилу, отрезающую волосы Самсону, однако не проанализировала композицию в деталях. Теперь мы можем обратить внимание, что у небольшой фигуры слева — очень длинная рука, согнутая в локте. Рука протянута вертикально вверх к концу локона, который спускается с макушки фигуры. Локон почти такой же толщины, как и рука. Возможно, что в модели, от которой в конечном счете зависит эта композиция, «локон» на самом деле был левой рукой Самсона, то есть руки Самсона лежали так, чтобы он мог положить на них голову. Именно в таком положении мы видим Самсона на сце-

Рис. 34. Изображения Самсона: *а* — Самсон, убивающий филистимлян. Инчбрайок, Пертшир; *б* — Далила предает Самсона. Инчбрайок, Пертшир; *в* — Далила отрезает волосы Самсона. Иллюстрация к Книге Судей из Арсенальной Библии (Париж)

не, изображающей предательство Далилы в греческих «Гомилиях», и в более поздней копии сцены из «Гомилий» в Арсенальной Библии XIII века (рис. 34, *в*). В «Гомилиях» и Арсенальной Библии Самсон спит, положив руки и голову на колени Далилы. В результате его голова оказывается на одном уровне с поясом Далилы. Эта разница в уровне голов сохраняется в пиктской скульптуре, но, поскольку сложная поза полулежащего Самсона превышала возможности пиктского художника, неопытный копиист превратил героя в карлика. Несмотря на низкое качество работы, художник оставил нам ключ, позволивший разгадать композицию использованного им образца, который, видимо, был очень близок к замечательным греческим изображениям Самсона.

У пиктских скульпторов был доступ к ряду иллюстраций, касающихся случаев из жития святого Павла и святого Антония. Нетрудно понять, что тогда, в эпоху монашества, эти двое святых — святой Павел, первый отшельник, и святой Антоний, великий патриарх мо-

нахов, — пользовались особым почитанием. Их жития, написанные святым Иеронимом и святым Афанасием, соответственно, должны были быть хорошо известны, и интерес к этим двум святым отшельникам в ту эпоху подтверждается изображениями происшествий из их житий на ирландских, нортумбрийских и пиктских скульптурах раннего Средневековья.

Пиктские скульпторы дали нам три иллюстрации на эту тему (рис. 35). Первая показывает двоих святых сидящими параллельно по две стороны креста. Над ними помещены символы, которые, видимо, должны были помочь зрителю идентифицировать святых — так, как изображают символы евангелистов. Символ святого Павла — это финиковая пальма, которая давала ему еду и одежду, а символ святого Антония — фигура, представляющая небесное видение, которое явилось к нему в тот момент, когда его больше всего мучили демоны. Эта сцена показана на камне из Фаулис-Вестер (фото 44) и в сокращенном варианте фигурирует в Данфалланди.

Вторая сцена показывает знаменитый случай, о котором рассказывает Иероним: ворон, который обычно приносил Павлу половину хлеба, принес целый хлеб, когда к нему в гости пришел святой Антоний. Иероним рассказывает, что между святыми возник спор, кто должен преломить хлеб; наконец они решили взяться за него с двух сторон и потянуть. Этот случай показан на камне из Сент-Видженса (номер 7 у Ромилли Аллена), где святые сидят и оба держат хлеб (фото 45). Линия, прочерченная по хлебу, показывает, что он вот-вот сломается, однако в то же самое время ворон (сейчас эта фигура испорчена, но все-таки видна) продолжает держать хлеб в клюве: таким образом художник объединил последовательные события в одну сцену.

На фронтоне плиты в Нигге показана сцена, предшествующая разделу хлеба (фото 61). С неба спускает-

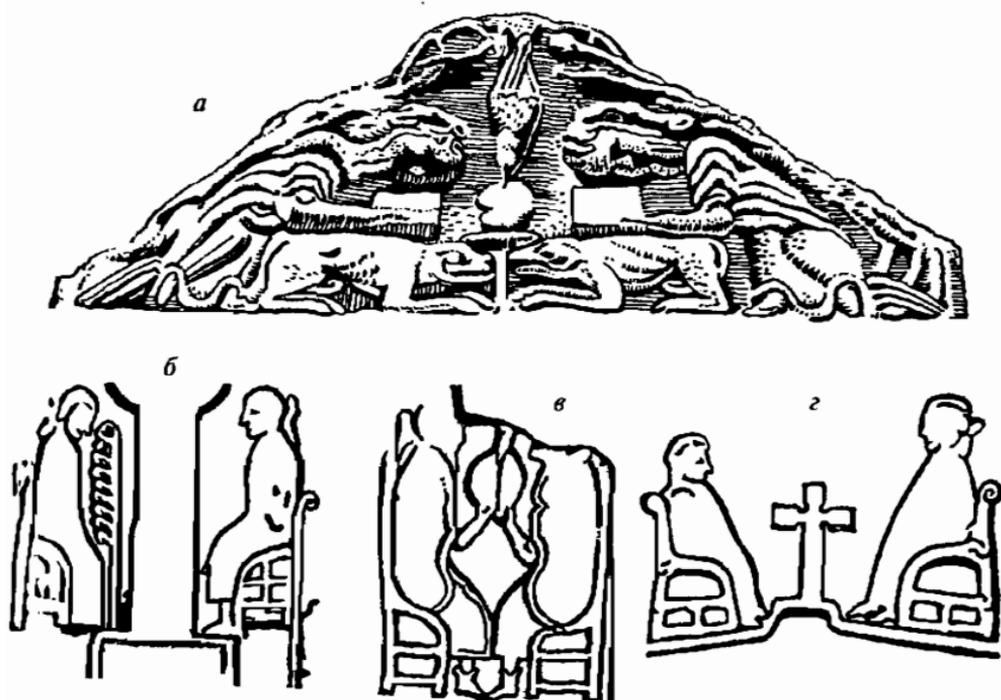

Рис. 35. Встреча святых Павла и Антония: а — Нигг, Россшир; б — Фаулис-Вестер, Пертшир; в — Сент-Видженс 7, Энгус; г — Данфалланди, Пертшир

сы ворон с целым хлебом, и святые преклоняют колена под финиковой пальмой, благодаря Бога за это чудо. Ворон кладет хлеб на дискос, поскольку здесь, как и в некоторых ирландских изображениях этого сюжета, сам хлеб и его последующее преломление понимается в литургическом смысле. Собакообразные существа по обеим сторонам дискоса, судя по всему, — два льва, которые помогали святому Антонию похоронить святого Павла.

Маловероятно, что у пиктских художников был доступ к каким-то изображениям святых Павла и Антония, которые были недоступны ирландским и нортумбрийским скульпторам, и мы можем полагать, что их более полное отображение стало возможным благода-

ря тому, что у пиктских скульпторов было больше места и их больше интересовал показ сцен с фигурами.

В своем обзоре христианской иконографии на памятниках классов II и III я оставила до самого последнего момента рассмотрение весьма интересной и значительной иконографии Давида. Изображения Давида фигурируют на очень важной группе связанных между собой памятников, которые здесь уже отчасти рассматривались, а именно: на саркофаге из Сент-Эндрюса и на плитах из Нигга и у дороги в Аберлемно (фото 59, 61, 62). Эти и менее важные связанные с ними монументы, очевидно, были созданы под влиянием новых течений, которые легче всего определить, если проанализировать одновременно их стиль и иконографию.

Саркофаг из Сент-Эндрюса — одна из наиболее амбициозных из множества исторически связанных между собой попыток возродить художественную форму саркофага, таких, как ранний мерсийский крытый надгробный памятник в Уирксуорте (Дербишир), Джеббургская усыпальница и усыпальница школы Святого Леонарда. Традиция небольших резных ларцов, из которых до нас дошел только ларец Фрэнкса, также, несомненно, сыграла свою роль.

Декор различных секций на саркофаге из Сент-Эндрюса заставляет предполагать, что это оригинальная местная попытка, которая должна была соответствовать общему замыслу античного саркофага — но не более того. По сути дела, это коробка, состоящая из отдельных частей вертикальной плиты с крестом. Окруженные рамками, самодостаточные сцены с фигурами можно сравнить с плитой из Хилтон-оф-Кадболл. Главная фигура на плите с крестом — сам крест — появляется на одном из концов саркофага (фото 64). В орнаментации лежащих плит в Мигле мы видим точно такой же отклик художников на новую форму памят-

ника (фото 46). Знакомые элементы с вертикальной плиты просто накладываются на новую форму.

До сих пор считалось, что для панели с фигурами источником послужил какой-то переносной предмет, например резьба по слоновой кости определенно восточного стиля. Среди доводов в пользу восточного характера этого образца Э. Керл приводит «ассирийских» львов и животных, запутавшихся в дереве. Львы из Сент-Эндрюса действительно отличаются от собакообразных зверей из Евангелия из Дарроу и мощного натуралистичного льва на странице святого Марка в Евангелии из Линдисфарна, однако они не относятся к какому-то новому, невиданному доселе типу. Это такие же стоящие на задних лапах, рычащие, короткомордые львы, как и львы на странице святого Марка в Евангелиях из Личфилда и Эхтернаха (рис. 36). То есть это тип, изначально бытовавший в ирландско-англосаксонской книжной иллюстрации.

Э. Керл приводит панель с коптского ларца в качестве аналогии мотива дерева, среди ветвей которого бегают звери на саркофаге. Столь же близкую аналогию можно найти также и на ларце Фрэнкса — двое мужчин, вооруженных копьями, входят в рожицу, преследуя волка; там они видят Ромула и Рема, которых кормит волчица (фото 51). Бегущий волк изображен на фоне дерева точно так же, как олень «вплетен» в дерево на саркофаге. Окончания в виде тройных листочков на дереве с саркофага вполне соотносятся с пучками из тройных листьев на дереве с ларца Фрэнкса. Ветви дерева с саркофага сплетены в симметричный узор на теле стоящего на задних лапах льва и в крайнем левом углу панели. Этот формальный показ ветвей с листьями также находит свои параллели в Евангелии из Личфилда в ветви, которую держит святой Лука, а также на панели в Флеттоне — одном из двух основных памятников скульптуры Мерсии, — где из основного ствола вырастает симметричная

Рис. 36. Евангелие из Личфилда. Лев святого Марка

листа. Изычно нарисованные звери на саркофаге, которые скользят между тонких ветвей, очень похожи по настроению на жизнерадостных зверей из Мерсии, которые запутались между ветвей во Флеттоне и Бридоне, а маленькие, похожие на котов, львы почти что с человеческими лицами из Бридона легко сопоставимы с присевшим существом, которое находится непосредственно слева от стоящего на задних лапах льва на саркофаге, а также с обезьянами на торцовой панели (фото 64).

Представляется, что следует оторвать саркофаг из Сент-Эндрюса от неопределенного нортумбрийского контекста и ассоциировать его полностью с художественным развитием, центром которого в последней четверти VIII века являлась Мерсия. Своеобразная зигзагообразная драпировка Давида из Сент-Эндрюса находит свои близкие параллели во фрагментарной фигуре на древке креста из Реклювера, которая представляет собой английский ответ на каролингские влияния в период господства Мерсии. Ангел из Бридона, благословляющий по-гречески, является наиболее поразительной аналогией фигуре Давида с саркофага, с драпировкой, пола которой с полностью

пластически трактованными параллельными складками и толстым извивающимся рубчиком лежит у него на руке. Помимо одежды, общие пропорции, округлое лицо, тяжелые локоны и полные, мощные руки ангела очень напоминают Давида из Сент-Эндрюса.

Эти стилистические параллели становятся более значительными, когда мы обратимся к другой важной проблеме: как иконография Давида проникла в страну пиктов (рис. 37). Обсуждая изображения Давида, Э. Керл упоминает о раннехристианских сценах с участием Давида и о высококачественных византийских работах, таких, например, как серебряные блюда с Кипра. Никакой убедительной связи между этими восточными изображениями Давида и пиктами не показано. Однако изображения Давида впервые появляются в Британии еще в рукописи Кассиодора из Дарэма¹, где показаны отдельные фигуры сидящего псалмопевца и стоящего воина, вооруженного копьем и диском. Затем эта традиция быстро распространяется: мы видим Давида в Кентерберийской псалтыри, которая стилистически близка к ангелу из Бридона. Она была создана в Кентербери или в Личфилде и должна считаться характерным продуктом культуры Мерсии. Фигура Давида, играющего на арфе, на целиком заполненной иллюстрацией странице — с его уверенной пластикой, зигзагообразной складчатой драпировкой, классичностью и натурализмом — очень напоминает Давида из Сент-Эндрюса. Первое изображение Давида, разрывающего пасть льву, в искусстве Британских островов появляется в Кентерберийской псалтыри, и, хотя лев и не стоит на задних лапах, фигура Давида выпрямлена,

¹ Речь идет о рукописи «Комментариев на псалмы» Кассиодора, которая была создана в первой половине VIII века в одном из монастырей Нортумбрии. В ней есть два изображения Давида. Установлено, что создатель этой рукописи принимал участие в оформлении одной из древнейших англосаксонских рукописей произведений Беда, хранящейся в Санкт-Петербурге.

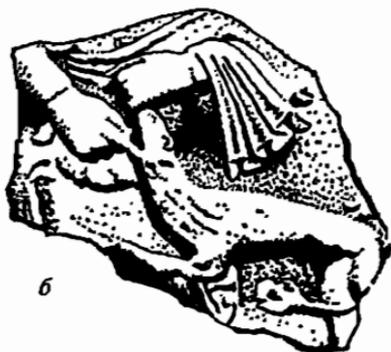

Рис. 37. Изображения Давида: а — Сент-Эндрюс, Файф; б — Элджин, Моришир; в — камень у дороги в Аберлемно, Энгус; г — Нигг, Россшир; д — Олдбар, Энгус; е — Даплин, Пертшир

как и в Сент-Эндрюсе: он не стоит на коленях на спине льва, как в византийских изображениях.

Судя по всему, иконография Давида распространялась из Сент-Эндрюса на север. Один такой фрагмент сохранился в Элджине, однако основной дошедший до нас памятник с изображением Давида — это камень из Нигга. На этом камне мы находим два дополнительных изображения Давида, арфу и человека с кимвалом (оба пришли из 150-го псалма). Этот интерес к Давиду на севере как к музыканту может оправдать предположение, согласно которому скульптор из Хилтон-оф-Кадболл эклектически использует иконографию Давида в своей версии охотничьей сцены. Здесь мы видим интересную деталь: в верхнем правом углу показаны два стоящих трубача. Они уходят в глубину и расположены один за другим. В Кентерберийской псалтыри на покрывающей всю страницу иллюстрации Давид окружен танцовщиками и музыкантами. Внизу слева и справа — пары музыкантов, также уходящих в глубину и расположенных один перед другим. Музыканты играют на поднятых трубах. Эти музыканты являются убедительной параллелью к трубачам из Хилтон-оф-Кадболл, и, что еще важнее, мы находим их именно в искусстве Британских островов и почти одновременно с пиктскими изображениями. Поэтому они являются более вероятной аналогией, чем персидские наскальные изображения, о которых упоминает Э. Керл (рис. 38). Что же касается фигуры всадницы, то наиболее яркой параллелью, видимо, является галльская Эпона, а охотящийся Ипполит на римском саркофаге с юга Франции очень напоминает пиктскую сцену охоты.

Общее пристрастие к мерсийским художественным находкам объединяет саркофаг из Сент-Эндрюса, плиту с крестом в Нигге и плиту с крестом в Хилтон-оф-Кадболл (фото 60, 61). Древко креста в Нигге и сим-

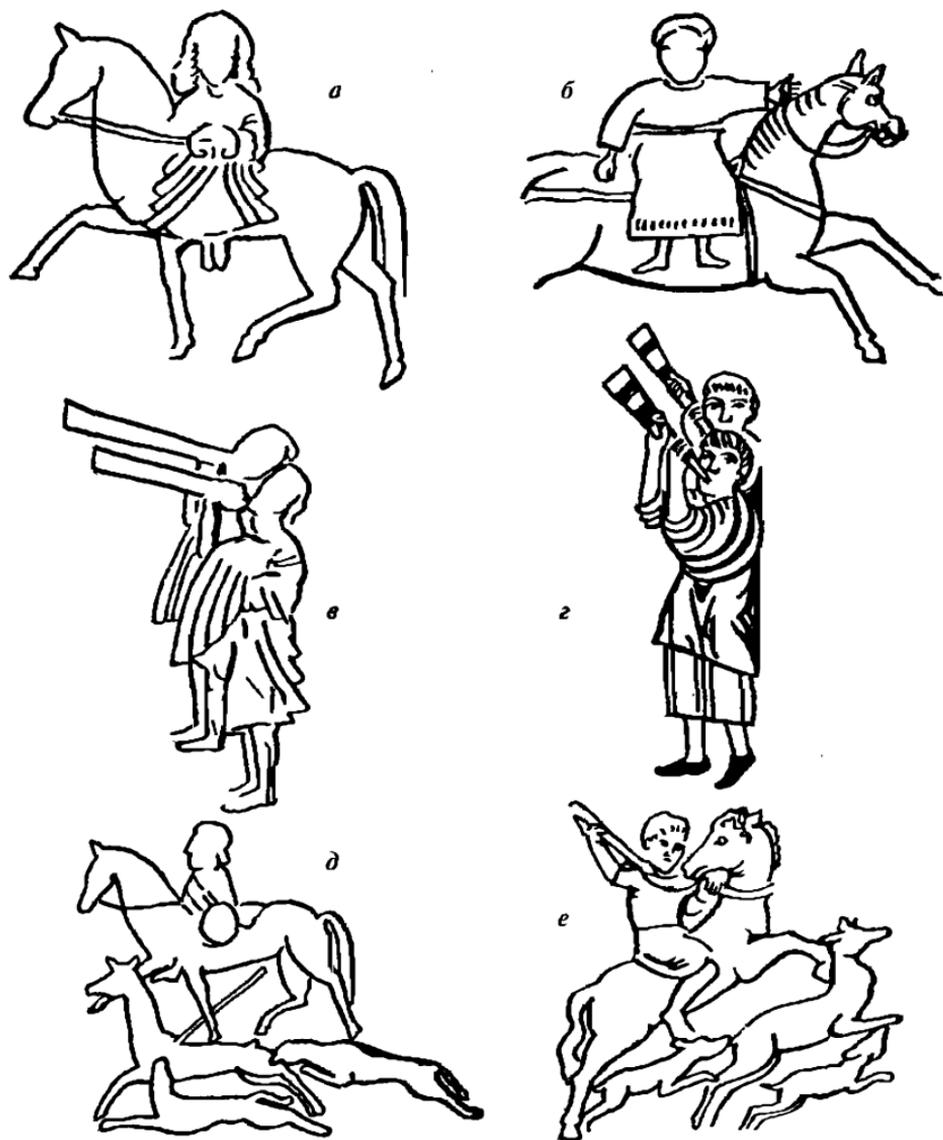

Рис. 38. Хилтон-оф-Кадболл, Россшир, параллели: *а* — Хилтон-оф-Кадболл. Всадница; *б* — Эпона с галльской кельтской стелы из Агассака (по Побе); *в* — Хилтон-оф-Кадболл. Трубачи; *г* — музыканты Давида. Кентерберийская псалтырь; *д* — Хилтон-оф-Кадболл. Сцена охоты; *е* — охота Ипполита. С саркофага. Лапидарий, Арль (по Побе)

вол полумесяца в Хилтон-оф-Кадболл украшены меандром, который является одной из характерных черт мерсийской книжной иллюстрации. Точно так же из Мерсии пришел и свободный узор из трубкообразных спиралей под охотничьей сценой в Хилтон-оф-Кадболл (сравните его, например, с панелью в Саут-Кайме). Изящные птички на широких боковых полосах в Хилтон-оф-Кадболл очень похожи на птиц на мерсийской чаше из Ормсайда и практически идентичны с птицами, клюющими виноград в Римском Евангелии, которое является мерсийской работой, датирующейся примерно 800 годом.

Трубачи в Хилтон-оф-Кадболл показаны один перед другим. В другой версии этого мотива, на плите у дороги в Аберлемно, трубачи передвинуты на один и тот же план, и один идет за другим. Такую композицию следует считать упадочной, и версия из Хилтон-оф-Кадболл, видимо, предшествовала южному варианту. Сцена с охотником и трубачами в Аберлемно ассоциируется со сценой с идущей фигурой Давида (?) с саркофага из Сент-Эндрюса, а вне охотничьей сцены как таковой мы видим фигуру Давида, разрывающего пасть льву. Это весьма интересно, если мы примем предположение, что трубачи из Хилтон-оф-Кадболл в конечном счете связаны с мерсийскими музыкантами Давида.

Самую северную фазу художественного влияния Нортумбрии мы находим в Евангелии из Келлса. Глубокое влияние на эту рукопись оказало искусство каролингского периода, что сказалось прежде всего на оформлении пасхальных таблиц и новой для того времени иконографии Нового Завета. На Британских островах Кентербери на юге и Личфилд в центральных графствах оказались крупными центрами каролингского влияния. Это влияние достигло севера через Мерсию и в формах мерсийского художественного стиля. Стиль фигур в Евангелии из Келлса также следует интерпретировать в свете мерсий-

ской скульптуры, прежде всего фигур из Бридона. Громоздкие пропорции, чувство пластичности, плотная объемная драпировка и прежде всего скрытая эмоциональность в фигуре благословляющего ангела и изображенной по грудь девы в Бридоне появляются (правда, в слегка преувеличенном виде) в фигурах великого Евангелия из Келлса.

Поскольку Евангелие из Келлса в большой степени представляет собой последнюю фазу восприятия мерсийских влияний на севере, естественно предположить, что группа связанных с ним памятников, о которых мы говорим, показывает черты, определенно принадлежащие к школе Келлса. Плита с крестом из Нигга содержит довольно искаженный вариант сцены с Давидом с саркофага из Сент-Эндрюса, и, таким образом, должна быть более поздней, чем сам саркофаг. Святой Павел и святой Антоний, об иконографии которых мы уже говорили выше, изображены во многом в стиле фигур из Келлса. Змеи и шишки из Нигга, как мы уже видели, находят свои параллели в позолоченном бронзовом предмете ирландского происхождения. В этом ювелирном изделии три изогнутых толстых змеи заканчиваются большими внимательно смотрящими человеческими лицами. То же самое мы видим и на странице ХРІ¹ из Келлса, так что змеи и шишки бронзового предмета и камня в Нигге являются выражением идей художественной школы Келлса в металле и скульптуре.

Последний памятник этой группы — плита у дороги в Аберлемно, на которой сцена с фигурами из Хилтон-оф-Кадболл воспроизведена в связи со сценой с саркофага из Сент-Эндрюса, интерпретированной так же, как

¹ Страница ХРІ или страница «Хи-Ро» из Евангелия из Келлса практически вся занята орнаментированными буквицами, которые представляют собой первые слова Евангелия от Матфея: «Christ generatio» («Родословие Иисуса Христа»). Слово «Christi» дано в сокращенной форме и греческими буквами.

в Нигге (фото 58). На камне из Аберлемно скорбящие ангелы стоят по обеим сторонам креста. Это эмоциональное распространение смысла плетеного креста, доселе неизвестное в искусстве Британских островов. Плетеный крест перестает быть символом триумфа, по сути абстрактной формы, однако в смысловом отношении связанным с фигурой Христа-Победителя на крестах из Рутвелла и Бьюкасла; теперь он действительно становится Распятием. Этот замечательный сдвиг в иконографии, видимо, следствие каролингского влияния. Мы можем сравнить понурых, ссутулившихся ангелов из Аберлемно с ангелами, которые поклоняются Христу и скорбят вместе с ним на крестах из слоновой кости, выполненных школой Меца. Школа Келлса является единственным возможным фоном для возникновения замечательных ангелов из Аберлемно. Келлс непосредственно соприкасался с каролингскими течениями, с иконографической точки зрения был в курсе современных тенденций, и в орнаменте Евангелия чувствуется горячая эмоциональность.

Из этого анализа стиля и иконографии пиктской скульптуры становится очевидно, что, с точки зрения автора этой книги, пиктская скульптура никоим образом не представляет собой позднего или провинциального отражения основных тенденций ирландско-англосаксонского искусства. Скорее оно было творчеством художников, которые свободно принимали участие в эволюции этого стиля и создали едва ли не самые смелые и величественные его памятники.

ЗНАЧЕНИЕ СИМВОЛОВ

Перед тем как окончательно завершить этот обзор пиктского искусства, следует хотя бы кратко коснуться трудного вопроса о значении символов на пиктских

камнях. Чрезвычайно жаль, что мы не знаем, что же, собственно, означает этот ряд рисунков, которые использовались в течение целого исторического периода. Не хотелось бы проявлять излишнего пессимизма, однако трудно сказать, что у нас есть какая-то надежда понять эту систему символов во всех подробностях, если только нас не ждет какое-то невероятное открытие: например, письменное свидетельство того времени или же обнаружение скульптуры, на которой будут показаны ясные эквиваленты символов. Искусствовед чувствует поистине танталовы муки, осознавая, что Адамнан должен был знать, по крайней мере в общих чертах, что же означали пиктские символы... Но это лишь одно из многих упущений этого автора, о которых исследователь пиктов может лишь сожалеть.

Данные о татуировке у пиктов уже были рассмотрены выше. Некоторые исследователи предполагали, что те «изображения разных зверей» и «разноцветные рисунки», которые, как сообщает Геродиан¹, украшали тела пиктов, на самом деле и есть наши символы. Далее, утверждение Изидора Севильского, что эти знаки отражали личный статус человека, дает ответ на вопрос об их значении. Однако факт остается фактом: хотя гипотеза о соотношении между татуировками и символами действительно очень интересна, связь между этими позднеримскими свидетельствами и известными нам камнями доказать невозможно. Рисунки татуировок могли выглядеть очень по-разному. Более того, у этой гипотезы есть

¹ Греческий писатель III века н. э. Геродиан (точные годы рождения и смерти неизвестны) написал сочинение, известное под названием «История императорской власти после Марка», или просто «История». Здесь, рассказывая о походах императора Септимия Севера в Британию, он сообщает о пиктах следующее (III, 14, 7): «Они не знают платья, пах и шею прикрывают железом, считая его украшением и признаком богатства, как прочие варвары — золото. Тела они татуируют разноцветными рисунками и изображениями разных зверей. Они и не одеваются для того, чтобы не закрывать рисунки на теле» (пер. Н.М. Ботвинник под ред. А.И. Доватура).

и слабое место: сама традиция, которая лежит в основе античных источников, сомнительна. Конечно, эта гипотеза имеет право на существование, однако развивать ее дальше вряд ли стоит, поскольку в самой основе аргументации лежит недоказуемый факт. Единственной прочной основой для дискуссии является язык самих символов, таких, какими мы их знаем, то есть камней и других связанных с ними памятников. В связи с этим можно сделать несколько замечаний.

Маловероятно, что символы отражают христианские концепции, как иногда считалось. В символах заключалось значение, не зависевшее от креста, однако никак не противоречившее присутствию креста, и у символов и креста было нечто общее, что позволяло изображать их бок о бок. В противном случае пикты могли бы создать два независимых ряда памятников: плиты с крестами и камни с символами.

Серебряные ювелирные изделия и камни с надписями, содержащими личные имена, заставляют предполагать, что у символов было личное значение. Менее вероятно, что эти камни отмечали места знаменитых битв или границы участков. В связи с серебряными цепями, видимо, стоит заметить, что, согласно одному средневековому источнику, до кончины Родри Великого (ум. 877) короли Уэльса носили вместо корон серебряные цепи. Эти цепи назывались «hual», что само по себе означает «оковы, узы, кандалы» и весьма подходит к массивным пиктским цепям (фото 18). Однако приписывать характеристики валлийского общества пиктам не более оправдано, чем приписывать им черты общества ирландского.

То, что пиктские камни постоянно использовались как надгробные, еще нуждается в доказательстве. Несколько погребений было обнаружено в явной связи с камнями, но есть и другие примеры, где тщательный осмотр окружающего участка не показал такой связи.

Если оставить в стороне татуировку, то предположение о том, что символы были связаны с личным статусом или профессией человека, встречается в литературе чаще всего. Однако удивительная многосторонность пиктов плохо согласуется с такой гипотезой. Конечно, некоторых пиктов помнили из-за какого-то одного личного качества или достижения. Но у нас нет данных о существовании у пиктов различных общественных классов, которым могли бы быть свойственны определенные символы. Хотя с этнологической точки зрения предположение о существовании у пиктов верховного короля и местных королей выглядит правдоподобно, оно основано на единственном источнике XII века, который, по крайней мере по мнению автора этой книги, был существенно переоценен. Единственный официальный пиктский титул, упомянутый в ранних пиктских источниках, — это королевские *exactatores*¹, которые погибли, сражаясь бок о бок с Нехтоном в 728 году.

Возможно, наиболее интересный из множества аспектов пиктских памятников — это их огромное количество, и, возможно, некогда их было еще больше. Каково бы ни было значение этих памятников, они представляют собой важный, хотя и достаточно обычный аспект жизни (или смерти) пиктов.

Очень привлекательной кажется точка зрения, согласно которой пиктские символы, каково бы ни было их значение, к концу своего существования превратились в нечто вроде национального флага. Большие, четко нарисованные символы на таких камнях, как камень у дороги в Аберлемно, в церковном дворе в Розмарки и Девичий камень, вполне согласуются с такой интерпретацией. Исчезновение символов в камнях класса III весьма и весьма красноречиво.

¹ Судя по всему, сборщики налогов.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Несомненно, ореол таинственности, окружающий пиктов, в большой степени обязан своим появлением отсутствию собственно пиктских источников. Тот факт, что у народа не было письменных памятников, говорит о его неграмотности и общей культурной отсталости. Почему же пиктские источники представлены только списком королей?

Я полагаю, мы можем беспрепятственно отбросить предположение, будто у пиктов вообще не было никаких письменных записей. В зарубежных источниках того времени нет сведений, позволявших бы предположить, что у пиктов не было обычных монастырских скрипториев или что там не велись записи. В «Церковной истории» Беды, например, есть определенное упоминание о том, что пасхальные таблицы *переписывались* в пиктских монастырях.

Пиктские источники могли дойти до нас в двух формах. Могли сохраниться рукописи самих записей, созданных в 850 году и ранее. Действительно, существуют такие ранние рукописи, которые содержат важный материал по ранней истории Ирландии и Англии, однако большинство источников по истории этих стран обнаруживается в рукописях гораздо более позднего периода. Конечно, нам очень не повезло в том, что у нас нет ни одной пиктской рукописи того времени, но в этом нет ничего особенно удивительного.

Что действительно *удивляет*, так это почему пиктские источники не дошли до нас в другой форме — как копии в более поздних рукописях. Следовательно, главный вопрос не в том, почему нет ранних источников по истории пиктов, а в том, почему в более поздние периоды пиктские источники не копировались.

Несомненно, что исчезновение пиктского языка как официального под властью скоттов объясняет утрату некоторых источников. Шло время, и источники на пиктском языке становились непонятными; падала и вероятность того, что их перепишут. Однако это не объясняет того факта, что не были скопированы пиктские источники на латинском языке. Более того, должна была быть какая-то административная преемственность в церковных и светских делах во время перехода власти от пиктов к скоттам, и отсутствие пиктских источников нельзя удовлетворительно объяснить маловероятным предположением, что, дескать, все пиктское внезапно исчезло после вступления на трон Кеннета. Мы могли бы ожидать найти копии гойделизированных (на ирландском, шотландском языке) вариантов пиктского материала. В случае с одной версией пиктского королевского списка они у нас есть. Конечно, исчезновение некоторых типов источников, например пиктских законов, было обусловлено объективными причинами. Сборники англосаксонских законов сохранились лишь потому, что в XII веке внезапно возник интерес к англосаксонскому законодательству. Только аналогичный интерес скоттов к пиктским делам в более поздние периоды мог привести к сохранению таких материалов. А в более поздние периоды историей пиктов интересовались лишь постольку, поскольку с помощью всяческих манипуляций она могла помочь «удревнить» шотландскую королевскую династию. Для такой цели список королей был особенно полезен, что вполне объясняет то, почему именно эти местные источники дошли до нас.

Какие записи сохранила новая администрация скоттов? Именно здесь мы и сталкиваемся с сутью проблемы, так как местного источникового материала на двести лет после 850 года так же мало, как и для периода 550—850 годов. Иными словами, недостаток местных пиктских источников — это часть более крупной проблемы: недостатка собственно шотландских источников примерно до 1070 года, времени королевы Маргариты. Нет никаких сомнений, что и в этот, более поздний период велись какие-то письменные записи, однако по какой-то причине их также не переписывали достаточно часто, чтобы они дошли до нас. Мы не можем обсуждать здесь точные причины этого, однако и набеги датчан в IX — начале X века, и опустошения, совершенные Эдуардом I в XIII столетии, и уничтожение церковных архивов в период Реформации — все это способствовало утрате письменных копий более ранних материалов, если они существовали. В связи с этим важно отметить, что отсутствие местного источникового материала, разумеется, никоим образом не бросает тень на культурные и интеллектуальные достижения пиктов.

Таким образом, двумя наиболее важными источниками по истории пиктов являются списки пиктских королей и пиктский материал в своде ирландских анналов. Вот краткая информация о характере этих источников.

КОРОЛЕВСКИЕ СПИСКИ

До нас дошло восемь основных версий списка пиктских королей с продолжительностью их царствований. Эти восемь списков представляют собой версии двух основных текстов, которые для удобства именуется «Списком 1» и «Списком 2». Лучший текст

v. d. r. g. f. altituu. fi' v. g. u. u. t
 x. v. a' r. g. v. u. u. t. fi' v. r. g. m. t.
 x. i. a. r. g. s. i. r. a. f. i' u. l. t. i. m. u. a. t. a.
 l. o. g. e. u. f. i' v. t. h. o. i. l. m. a. n. a' o. g. y. a.
 m. i. t. d. u. e. n. f. v. u. u. t. m. a.
 r. g. s. v. i. d. f. v. a. r. g. o. i. t. m. t. l. e. d.
 v. n. o. a. i. o. r. g. s.

R MADUS g' fili' alpnu
 p'imus scottoz rexit
 felix unū annis xvi. p'itima
 p'itima A' apictis est noia
 ta q's ut diximus ei nadi' de
 int' d's ei eos p'into sue ma
 luc alienos ac octulos hedi.

Рис. 39. Часть наиболее авторитетного пиктского королевского списка. Показан конец пиктской династии и начало династии скоттов. Париж, Национальная библиотека

«Списка I» находится в рукописи XIV века, которая хранится в Национальной библиотеке в Париже (рис. 39). Это историческая смесь, которая содержит другие шотландские материалы, в том числе топографический обзор, известный как «О местоположении Шотландии» («De situ Albaniae»). Есть предположение, что эти шотландские записи представляли собой материалы по истории Шотландии, собранные автором XII века. Лист приложен к хронике событий в период

царствований первых королей скоттов, которая в этой книге называется «Шотландской хроникой». Эта хроника, возможно, составлена в X веке, и если пиктский королевский список был приложен к ней именно в то время (а это спорный вопрос), то у нас есть для него *terminus ante quem*¹. Эта версия наиболее важна, поскольку сохраняет имена королей, насколько мы можем судить, именно в пиктской форме.

В начале «Списка 1» перечисляется примерно сорок имен, которые мы не находим в «Списке 2». Это эпоним — Круитне и его семь сыновей, семь других имен, взятых, очевидно, из ирландского источника, и список из тридцати королей, которых всех зовут *Бруде*. Дальше «Список 1» и «Список 2» содержат примерно одинаковый материал.

Соотношение между двумя этими основными текстами является дискуссионным. У.Ф. Скин считал, что у них был какой-то общий письменный архетип и что все различия между списками обусловлены введением в один из них местных королей. Профессор Г.М. Чэдвик полагал, что списки были составлены независимо друг от друга на основе устной традиции разных областей страны. Крупнейший авторитет по спискам — Марджори О. Андерсон — придерживается мнения, что они зависят от одного архетипа вплоть до царствования Нехтона, сына Дериле (706—724), однако после этого становятся независимыми.

Здесь не место вдаваться в детальные споры, однако, на мой взгляд, за двадцать одним общим именем, открывающим списки, лежит один и тот же источник, поскольку разница между двумя списками вполне может объясняться ошибками при переписывании одного и того же текста. В то же время различия в более поздних частях списка, которые включают всех исто-

¹ Дата, до которой должен был быть создан данный источник.

рических королей, как я думаю, лучше всего объяснить, исходя из предположения, что два списка произошли из одной и той же версии анналов. Кратко причины такого предположения можно изложить следующим образом. Во-первых, ни одно из различий между списками уже нельзя объяснить ошибками при переписке. Во-вторых, различия в продолжительности царствований нельзя объяснить неправильным прочтением римских цифр: это разница в один-два года, что скорее похоже на ошибочный подсчет. В-третьих, период в VIII веке, где списки резко отличаются, скорее есть результат интерпретации летописных записей за этот период, который был временем великих политических потрясений. По завершении этого периода оба списка снова приходят в относительное согласие.

Гипотетические анналы, использованные составителями списков, вряд ли были ирландскими, поскольку имена королей фигурируют в пиктских формах. Они могли бы быть бриттскими или нортумбрийскими, поскольку в источниках этих народов сохраняются пиктские формы имен. Однако вероятность того, что в каком-то иностранном скриптории была полностью записана последовательность царствований у пиктов, невелика. Остается увлекательная версия: эти анналы были пиктскими. Можно выдвинуть весьма гипотетическое предположение, что они составлены в царствование Нехтона, сына Дериле. Именно во время правления этого короля была уничтожена 84-летняя пасхальная таблица и введен 19-летний цикл. Было обычной практикой снабжать пасхальные таблицы краткими заметками, фиксирующими такие события, как кончина аббата или короля, поэтому такую информацию могли свести вместе после того, как сам пасхальный цикл поменялся.

К концу VII века какие-то хроники велись в Нортумбрии, и именно под влиянием Нортумбрии король

Нехтон поменял вычисления Пасхи. Он также решил построить в стране пиктов каменную церковь под руководством нортумбрийских архитекторов. Выписывание заметок с полей старых пасхальных таблиц и их использование в компиляции хроники могло быть еще одним проявлением стремления Нехтона подражать культуре Нортумбрии.

ИРЛАНДСКИЕ АННАЛЫ

Самые важные для истории пиктов своды ирландских анналов — это «Анналы Тигернаха» и «Анналы Ульстера» (Тринити-колледж, Дублин).

Ирландские ученые согласны в том, что в основе всех крупных летописных сводов лежит оригинальная древнеирландская хроника, которая началась еще при святом Патрике. Точная дата составления этой первоначальной хроники спорна: профессор Макнейлл считал, что речь должна идти о начале, а профессор О'Рахилли — о середине VIII века.

Весьма вероятно, что среди материалов, используемых составителями первоначальной хроники, были записи, которые велись на Ионе, и что эти записи содержали большую часть тех упоминаний о пиктах, которые теперь мы находим в ирландских анналах. Основной довод в пользу существования хроники Ионы — это ряд записей, касающихся монастырских дел, которые, по всей вероятности, были написаны на Ионе. Например, в 676 году Фальбе, аббат Ионы, «вернулся» из Ирландии. Точная хронологическая привязка некоторых из этих записей также, судя по всему, отражает интересы монашеской общины. Что касается вопроса, действительно ли пиктский материал в анналах пришел из хроники Ионы, то по этому поводу можно сделать два замечания. Во-первых, древнейшая из очень полного ряда записей

K¹ t¹ i¹ a¹ h¹. A¹ h¹ o¹ t¹ . o¹ c¹ c¹ . 7¹ . i¹ i¹ i¹ . e¹ i¹ c¹ b¹ h¹ i¹ e¹ t¹
 e¹ p¹ i¹ m¹ l¹ e¹ s¹ . 7¹ i¹ n¹ p¹ a¹ s¹ c¹ a¹ o¹ i¹ e¹ p¹ a¹ i¹ u¹ e¹ . 7¹ b¹ m¹ o¹ n¹ i¹ c¹ a¹ h¹
 n¹ o¹ i¹ u¹ e¹ t¹ a¹ f¹ a¹ c¹ t¹ h¹ i¹ l¹ l¹ o¹ o¹ b¹ o¹ r¹ e¹ 7¹ h¹ o¹ s¹ t¹ e¹ m¹ n¹ l¹ e¹ c¹ a¹ d¹ 7¹ h¹ o¹
 c¹ h¹ i¹ e¹ t¹ a¹ o¹ b¹ i¹ t¹ a¹ 7¹ b¹ l¹ a¹ c¹ c¹ a¹ t¹ o¹ n¹ s¹ n¹ l¹ e¹ c¹ a¹ d¹ c¹ h¹ e¹ r¹ i¹ t¹
 h¹ 2¹ b¹ i¹ c¹ e¹ o¹ t¹ m¹ m¹ o¹ n¹ i¹ c¹ . p¹ i¹ t¹ a¹ 7¹ p¹ t¹ e¹ h¹ e¹ m¹ o¹ n¹ a¹ s¹ t¹ a¹
 p¹ h¹ i¹ o¹ c¹ m¹ p¹ t¹ e¹ h¹ e¹ . 7¹ h¹ o¹ r¹ a¹ m¹ m¹ l¹ e¹ . p¹ a¹ m¹ l¹ i¹ a¹ o¹ b¹ i¹ t¹ a¹ r¹ a¹
 t¹ a¹ p¹ h¹ a¹ u¹ i¹ . b¹ e¹ t¹ o¹ r¹ a¹ t¹ o¹ o¹ b¹ i¹ t¹ b¹ l¹ a¹ c¹ i¹ u¹ e¹ t¹ m¹ p¹ e¹ s¹
 o¹ m¹ b¹ p¹ i¹ c¹ c¹ o¹ n¹ i¹ a¹ 7¹ o¹ b¹ i¹ t¹ 7¹ o¹ n¹ i¹ c¹ e¹ p¹ l¹ e¹ t¹ m¹ p¹ i¹ c¹ c¹ o¹ n¹
 p¹ e¹ l¹ e¹ s¹ o¹ n¹ i¹ c¹ . 7¹ i¹ u¹ s¹ u¹ t¹ c¹ a¹ t¹ a¹ c¹ o¹ n¹ e¹ p¹ i¹ t¹ n¹ e¹ i¹ l¹ .

Рис. 40. Часть «Анналов Ульстера» (Тринити-колледж). Показана запись за 728 год (правильнее — за 729-й)¹.

о кончинах пиктских королей — это запись о кончине Бриде, сына Маэлкона, в царствование которого была основана Иона. Во-вторых, в разделах за годы, где есть записи, касающиеся Ионы, страны пиктов, и Дал Риады, эти записи сгруппированы вместе и очень часто стоят в начале раздела.

Само количество записей об Ионе в анналах за период до 750 года — весомый аргумент в пользу того, что составитель хроники использовал записи с Ионы. Только о двух монастырских центрах есть сравнимый ряд записей: о Клонмакнойсе и Бангоре. Более того, как и следовало ожидать при использовании записей

¹ В древнейшей части «Анналов Ульстера» нумерация годов по ошибке сдвинута на один год назад.

с Ионы, заметно определенное изменение в характере записей за период после 750 года, когда события стали записываться сразу. Этот заметный контраст в записях почти сразу после 750 года существенным образом подтверждает датировку составления первоначальной хроники, предложенную профессором О'Рахилли. После этой даты записи о кончине аббатов Ионы, которые регулярно помещались в начале годового раздела, ставятся в середину, и, в то время как записи за период до 750 года ясно свидетельствуют о том, что они были написаны на Ионе, записи после 750 года точно так же ясно показывают, что они были написаны в Ирландии.

Можно привести и другие доказательства в пользу того, что пиктский материал происходит из записей монастыря на Ионе. Нет никаких указаний на то, что использовались пиктские записи. Заметки о кончинах королей столь разнообразны, что нельзя предполагать, будто они выписаны из королевского списка. Нет никаких данных и о том, что составитель благоволил пиктам. Например, когда пикты сражаются со скоттами Дал Риады, симпатии автора записи всегда на стороне скоттов, а не пиктов. Если скотты потерпели поражение, то приводятся имена погибших, а не имя победителя-пикта.

Но при этом даты смерти пиктских королей зафиксированы с большой точностью. Здесь есть записи о кончине всех королей из «Списка 1» и всех, кроме одного, из «Списка 2» — от Кеннлата до Нехтона, сына Дериле. Маловероятно, что какой-нибудь ирландский скрипторий так точно записывал бы даты смерти пиктских королей. Маловероятно даже, что так поступали бы в каком-либо скриптории Дал Риады. Только положение Ионы как главы церкви страны пиктов может объяснить, почему непиктский источник был настолько заинтересован в пиктских королях.

Пиктские записи кратки и сделаны в скриптории, где не было никакой необходимости объяснять, кто

такие были упомянутые в летописях пикты и что с ними происходило. Такая осведомленность наряду с отдельными описаниями чисто пиктских событий и явно далриадскими пристрастиями в других записях лучше всего объясняется, если считать, что хроника велась именно на Ионе.

Одна из любопытных черт пиктского материала в ирландских анналах требует объяснения. В то время как записи, касающиеся Дал Риады, которые также, как можно доказать, составляют часть хроники Ионы, практически прекращаются в 750 году, когда, видимо, прекратилась и эта хроника, пиктские записи также прекращаются примерно лет на десять, но затем возобновляются и заканчиваются только около 840 года. Очень трудно определить, какой же источник мог использоваться для этих записей, имея в виду, что этот источник в то же время совершенно пренебрегал делами Дал Риады. Единственное возможное объяснение — включение в продолжение первоначальной хроники каких-то пиктских записей. Подобное же включение еще какой-то другой записи может объяснить появление записей о пиктах и Дал Риаде, которые, судя по всему, уникальны для «Анналов Ульстера», хотя возможно, что и эти записи были по какой-то причине опущены в других сводах. Общий источник, в котором был объединен этот уникальный материал, неожиданно начинается около 670 года, и в нем заметен горячий интерес к западным делам. Возможно, что этот общий источник — аннотированная пасхальная таблица из Эпплкрасса. Эпплкросс был основан в 672 году монахами ирландского монастыря Бангор¹ — монастырского центра, где, судя по всему, и был составлен первоначальный летописный свод.

¹ Основателем Эпплкрасса (по-ирландски *Arag Crysan*) был святой Мазл Руба, аббат Бангора.

Единственная особенность пиктских записей, которая требует комментария, — это серия записей, фиксирующих битвы в пиктской гражданской войне 730-х годов. Эти битвы описываются в анналах очень подробно, однако рассказы в «Анналах Тигернаха» и «Анналах Ульстера» разнятся в деталях, и похоже на то, что эти записи в их первоначальной форме в древнейшей хронике были еще длиннее. Возможно, в руках составителя был какой-то продолжительный рассказ о карьере Энгуса, сына Фергуса, — главного претендента на трон.

Этот краткий рассказ о двух основных источниках по истории пиктов помогает понять некоторые проблемы, связанные с их использованием. Записи с Ионы, возможно, представляли собой не более чем аннотированную пасхальную таблицу. Все эти записи — на латинском языке и очень кратки. Это не заметки хрониста, жаждущего записать для потомства то, что казалось ему исторически важными аспектами судьбоносных событий. Записи выглядят как простые записи в дневнике, в основном фиксирующие такие факты, как приезды и отъезды аббатов, путешествия мощей и их благополучное возвращение — все для удобства самого монастыря. С другой стороны, записи примерно с 712 года кажутся более амбициозными; возможно, это отражает переход на новую пасхальную таблицу, который произошел в монастыре в 716 году.

Мы видели, что в имеющихся у нас источниках есть данные, которые могут говорить о существовании собственно пиктских записей, но они до сих пор не были обнаружены среди рукописных источников по истории Шотландии.

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1. Плита из Бриджнесса. Высота около 90 см. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург. Представлена левая панель большой мемориальной плиты из Бриджнесса на восточном конце Антонинова вала. На барельефе изображены представители северных племен такими, какими они виделись римскому кавалеристу II века н. э. Жертвы римлян показаны легковооруженными: у них прямоугольные щиты, мечи и копья, однако при этом они совершенно обнажены.

2. Рисунок Джона Уайта (работал в 1577—1593 гг.), изображающий пикта. Британский музей, Лондон. Этот рисунок эпохи Ренессанса прекрасно воссоздает образ пикта, который предстает в работах античных авторов первых веков н. э. Впечатляющая, хотя и достаточно экзотическая фигура пикта, с ног до головы покрытого татуировкой, мало чем напоминает примитивных, но совершенно обыкновенных туземцев с плиты из Бриджнесса.

3. Деталь стенной росписи в Национальной портретной галерее (Эдинбург) работы Уильяма Хоула (1846—1917).

4. Брох в Моусе (Шетлендские острова). Вид изнутри. Это наиболее хорошо сохранившийся брох. Его высота — более 13 м, диаметр основания — около 8 м. На фото видна стена, сложенная из сухого камня, выступающий верх, который мог поддерживать крышу типа навеса, а также проемы дверей, выходивших на галереи и лестницы.

5. Дом-колесо в Ярлсхофе, Шетлендские острова. Вид изнутри. Видны очаг и комнаты. Дом был построен во II—III ве-

ках н. э. людьми, переселившимися на Шетлендские острова, чьи потомки жили в домах-колесах и хижинах в период после постройки брохов, в том числе и в исторический пиктский период вплоть до прихода викингов.

6. Подземелье и надземные жилища в Ардисти (Энгус). Раскопки показали, что это место было постоянно заселено как в период постройки подземелий, так и после него. Надземные жилища были заняты историческими пиктами, которые были потомками обитателей подземелий.

7. Адрианов вал. Вид с Каддис-Крэг к западу от одного из фортов вала — Хаузстидса. Постройка вала была закончена примерно в 127 году н. э. Длина стены, проходившей от устья Тайна до устья Сольвея, составляла примерно 112 км. Она была снабжена фортами, постами и башнями. Адрианов вал был целиком сделан из камня, и постройка отличалась высочайшим качеством. Несмотря на временные разрушения, Адрианов вал оставался границей Римской Британии вплоть до конца IV века.

8. Раф-Касл, Боннибридж (Стирлингшир) — форт на Антониновом валу. Фотография показывает торфяную насыпь над каменным основанием вала. Антонинов вал был сделан из торфа, и его постройку закончил полководец Лоллий Урбик по поручению императора Антонина Пия около 142 года н. э. Антонинов вал устроен проще, чем стена Адриана: здесь нет постов и башенок, однако расстояние между фортами меньше, чем на Адриановом валу. Антонинов вал протянулся на расстояние примерно 64 км между устьями Фор-та и Клайда. Точно неизвестно, когда он был оставлен, однако очевидно, что он недолго служил границей и был заброшен после значительного разрушения примерно в 180 году н. э.

9. Вид на Глен-Лайон в Пертшире с северо-запада через Каледонский лес. Впереди — вершина Аллт-Коннайт, которая лежит рядом с озером к западу от Меггерни. Долины и реки Пертшира были естественными путями сообщения между королевством пиктов и королевством скоттов и, видимо, местом не одного сражения. Пиктский форт в Дандарне на восточном конце Лох-Эрна, очевидно, был там построен, чтобы охранять один из проходов в пиктское королевство.

10. Грампианские горы — горная цепь, которая отделяет Энгус и Кинкардиншир от Дисайда. Хотя горы и служат значительной физической преградой, они во многих местах прорезаны долинами, и есть много проходов, соединяющих север с югом. На этой фотографии показана верхняя часть Глен-Эск (Энгус).

11. Церковь в кельтском монастыре Уайтхорн (Уигтоншир). Эти небольшие постройки из сухого камня расположены прямо к востоку от руин средневекового собора. Внешняя сторона стен обмазана белой штукатуркой. Есть предположение, что именно поэтому, согласно зафиксированной у Беды традиции, церковь Святого Нииниана называли Белым домом — *Candida casa*. Однако на самом деле постройка может принадлежать к более позднему периоду в истории монастыря.

12. Стена кельтского монастыря на острове Иона (Аргайл): видна монастырская ограда, принадлежащая к эпохе святого Колумбы. Могила викинга в форме лодки, вкопанная в ограду, датируется периодом постоянных нападений викингов на монастырь начиная с конца VIII в. Из-за этих набегов Иона перестала быть административным центром церкви Святого Колумбы.

13. Скала Дунноттар (Кинкардиншир). Возможно, это тот самый *Дун-Фойтер*, осада которого упоминается в ирландских анналах в VII веке. На скале Диннакайр, непосредственно к северу от Дунноттара, были обнаружены шесть камней с символами (теперь находятся в саду Бэнчори-Хауз). Символы вырезаны не очень аккуратно, и их трактовка показывает, что они относятся к периоду упадка, тем не менее они свидетельствуют о том, что исторические пикты использовали скалистые мысы в этой области.

14. Бургхед, Мори-Ферт. Форт, стены которого переложены бревнами, построен в настоящей технике *murus Gallicus* (галльской стены). В Бургхеде были обнаружены многочисленные плиты с изображениями быков, высеченными в типично пиктском стиле (ср. фото 32). Мыс, на котором построен форт, господствует над входом в Мори-Ферт и, видимо, играл большую роль во все периоды истории. На расстоянии нескольких миль от него на берегу расположена Скалпчерс-Кэйв (Ковиси), где было обнаружено много свидетельств на-

личия поселения эпохи бронзового века. Пещера использовалась и позднее (хотя, видимо, только временно) в римский период (IV век н. э.). Среди рисунков на стенах пещеры — упрощенные варианты пиктских символов, но отчет о раскопках не позволяет определить, можно ли связать их появление с какой-либо из фаз заселения или они с таким же успехом могут быть работой временных постояльцев или рыбаков, искавших убежища от бурь.

15. Тэп-о-Нот, Хантли, Абердин. Длина около 105 м, ширина 38 м. «Глазированный» форт необычных размеров.

16. Серебряные булавки с пиктскими символами, в том числе образец из Норрис-Ло, Ларго (Файф). Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург. Существуют различные мнения относительно хронологии этих и им подобных булавок. Было продемонстрировано, как простой кольцевидный наконечник булавки превратился в III—IV веках в наконечник с «бусинками» на верхнем кольце, которое, в свою очередь, распрямилось так, что получился знакомый нам тип булавки. Р.Б.К. Стивенсон датирует булавки VIII веком, однако Элизабет Фоулер предположила, что они относятся к V—VI векам. Булавка с символом (одна из пары) происходит из клада в Норрис-Ло; однако дата этого клада также спорна.

17. Резная деревянная коробка. Бирсей, Оркнейские острова. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург. Коробка длиной около 30 см датируется VIII—X веками. Это единственный дошедший до нас образец резьбы по дереву этого периода. Предполагают, что в коробке хранились инструменты для обработки кожи. Таким образом, эта коробка напоминает нам о существовании предметов из дерева и кожи, которые до нас не дошли и которые многое могли бы сказать нам о развитии пиктского искусства.

18. Серебряная цепочка (Уайтклеуч, Ланаркшир), серебряная пластинка (Норрис-Ло, Ларго, Файф), серебряная брошь-полумесяц (Таммел-Бридж, Пертшир). Все находятся в Национальном музее древностей Шотландии. Известно десять таких массивных двойных серебряных цепочек. Только три из них были найдены к северу от линии Форт-Клайд, остальные, скорее всего, попали на юг в качестве военной

добычи. Характерные пиктские символы на сохранившихся конечных кольцах прочно связывают эти цепочки с пиктами. Анализ серебра, использованного для изготовления цепочек, заставляет предполагать, что они были изготовлены из переплавленных серебряных изделий с позолотой, относящихся к римскому периоду. Прорезь в конечных кольцах позволяет пропускать в них по одному звену так, что, когда все четыре звена на концах цепочки пропущены в кольцо, цепь оказывается прочно замкнутой. Каким образом использовались эти цепи, мы не знаем, но, скорее всего, их носили на шее. Гравировка символов на конечных кольцах и на пластинках из Норрис-Ло — высочайшего качества, и трактовка символов достаточно сложна. Следовательно, они принадлежат к классическому периоду символизма, представленного ранними камнями класса I. Функция парных пластинок неизвестна, и, как мы уже знаем, датировка клада, в котором они находились, спорна. Серебряная брошь — одна из трех, обнаруженных в кладах в Пертшире вместе с фрагментами подвесного котла, датируется V—VI веками. Недавний анализ брошей такого типа позволил предположить, что эта разновидность зародилась в Шотландии и использовалась с середины V по VIII век (брошь из Таммел-Бридж относится к началу этого периода). Однако есть и другие предположения, согласно которым броши датируются VII—VIII веками. Следует заметить, что серебряные цепочки с кольцами, на которые нанесены символы, как и камни с символами, свойственны только пиктам, тогда как броши-полумесяцы входили в ассортимент ирландских и бриттских ювелиров. Поэтому неудивительно, что броши с символами до сих пор неизвестны. В этом отношении булавка из Норрис-Ло представляет собой исключение, и, видимо, искаженные варианты символов, которые мы на ней видим, могут иметь какое-то значение.

19. Серебряная ложка. Остров Святого Ниниана, Шетлендские острова. Длина около 20 см. Вместе с остальными предметами из клада острова Святого Ниниана находится в Национальном музее древностей Шотландии, Эдинбург. Это единственная ложка местного производства на Британских островах, относящаяся к VIII веку. Видимо, ее подвешивали за петельку на конце. Тонкость и изящество

ложки указывают на то, что она не предназначалась для постоянного использования за столом. Вероятно, ложка употреблялась во время литургии, может быть, для масла (ср. фото 22).

20. Коническое навершие из клада острова Святого Ниниана. Высота около 5 см. Одно из трех похожих серебряных изделий. Первоначально было позолоченным. Его предназначение неизвестно, однако детали конструкции показывают, что изделие прикреплялось к какому-то предмету кожаными ремешками. То, как изогнуты задние части тел переплетенных животных, очень похоже на то, как изображены звери на правой панели плиты с крестом из церковного двора в Аберлемно, которые, в свою очередь, напоминают зверей из рукописей монастыря в Линдисфарне. Как и в Аберлемно, у этих зверей характерные для пиктского искусства лапки типа «шарик-коготь».

21. Серебряная чаша из клада острова Святого Ниниана. Диаметр примерно 13 см. Всего в кладах были обнаружены семь серебряных чаш. За исключением чаши из Ормсайда, в нашей стране больше нет подобных серебряных чаш местного изготовления. Р.Б.К. Стивенсон указывал на сходство декора и техники исполнения этих чаш и реликвария из Монимаска, которое достаточно велико, чтобы предположить, что они происходят из той же самой мастерской. Задние части переплетенных животных опять-таки напоминают зверей типа Линдисфарн—Аберлемно; такие собакообразные морды встречаются у животных, которые украшают страницы Евангелия из Линдисфарна.

22. Серебряное изделие с одним зубцом из клада острова Святого Ниниана. Длина около 16 см. Другие подобные предметы неизвестны. Как и ложка, оно снабжено кольцом для подвешивания. Зубец обладает режущим лезвием. Предполагают, что этот предмет использовался для разрезания и раздачи Святого причастия. Возможно, он, как и ложка, относится к набору предметов для литургии, использовавшихся в пиктской церкви.

23. Остров Святого Ниниана (Шетлендские острова). Проведенные здесь в 1955—1959 годах раскопки позволили обнаружить средневековую церковь. Под ее фундаментом были найдены остатки церкви, построенной здесь еще до ви-

кингов и, следовательно, относящейся к периоду, когда здесь жили пикты. К югу от средневековой апсиды находились семь каменных столбов, которые, по мнению К.А.Р. Рэдфорда, были частью гробницы основателя церкви. Вырезанные на столбах символы, как правило, называют пиктскими, и, хотя все эти спирали, чаши и морские коньки, несомненно, напоминают пиктские по манере исполнения, на деле они не являются настоящими пиктскими символами. Сам клад был найден в 1958 году, судя по всему, на уровне пола пиктской церкви. Он находился в деревянной коробке, зарытой вверх дном — видимо, в спешке. Самое вероятное объяснение смешанного характера предметов в кладе то, что это были все наличные богатства служителей храма, в которые входили и подарки от прихожан. Это объяснило бы, например, большое число брошей.

24. Огамическая надпись из Инчиры в Пертшире. Высота около 1,6 м. Пертский музей. Большая часть пиктских надписей написана огамическим алфавитом. Из нескольких надписей на этом камне показана главная. Гипотетическая транслитерация Ф.Т. Уэйнрайта звучит как: INENHETESTIETD. Никаких предположений о значении надписи (продолжение которой могло находиться на верхней части камня) не выдвигалось. Камень из Инчиры представляет большой интерес как потому, что на нем есть несколько огамических надписей, так и потому, что использовался для нанесения символов по меньшей мере три раза.

25. Серебряная накладка из клада острова Святого Нициана. Высота «подковы» около 7,5 см. На обеих сторонах этого серебряного предмета, который мог представлять собой оковку ножен, имеются надписи. На декорированной стороне написано маюскулом¹: «IN NOMINE D(EI) S(UMMI)» («Во имя Бога Всевышнего»), а на обратной стороне минускулом — имя владельца: «Ресад, сын Спусико».

26. Сент-Видженс, Энгус. Деталь камня Сент-Видженс I (теперь в музее Сент-Видженса). Надпись минускулом читается как: drosten/ipeuoret/ettfor/cus. Дростен, Ворет и

¹ Маюскул — почерк, где используются прописные буквы (в отличие от минускула).

Форкус — личные имена. *Et* — видимо, латинское *et* «и». Слово *ipe* не поддается переводу¹ и, видимо, относится к неизвестному нам языку пиктов. Надпись, судя по всему, относится к тому же времени, что и барельеф (в чем зачастую можно сомневаться, когда дело касается огамических надписей или камней с символами). Если плита служила памятником тем трем людям, чьи имена на ней написаны, то достаточно странно, что надпись располагается на нижнем углу одной из сторон камня. Вряд ли надпись фиксирует имена скульпторов. Следует предполагать, что обычай располагать огамические надписи на краю камней в данном случае повлиял на выбор места для надписи.

27. Камень с надписью. Тарбет, Россшир. Высота примерно 45 см. Теперь в Национальном музее древностей Шотландии, Эдинбург. Надпись выполнена гиберно-саксонским маюскулом VIII—IX веков. Ромилли Аллен дает следующее чтение: «IN NOMINE /IHESU CHRISTI /CRUX CHRISTI /IN COMMEMORATIONE /REO(TE)TI I/REQUIESC(IT)»: «Во имя Христова Крест Христов в память Реотеция [который здесь] покоится». На камнях с символами практически больше нет надгробных надписей столь откровенно христианского содержания.

28. Камень с символами. Даннихен, Энгус. Высота камня 1,4 м, обнаружен на краю болота, отождествляемого с Нехтансмиром — местом исторической победы пиктов над нортумбрийцами в 685 году. Теперь камень находится в саду Даннихен-Хауз. Символы выгравированы так глубоко, что камень между линиями выступает и получается врезанный рельеф.

29. Камень с символами, Южный Рональдсей, Оркнейские острова. Высота 1,5 м. Песчаник. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург. Камень покрыт резьбой с двух сторон. Высокое качество оформления и исполнения типично для камней класса I на дальнем севере Шотландии.

¹ Лингвисты, считающие пиктский язык кельтским языком, связывают *ipe* с галльским *-pe* «и»; таким образом, *ipe* также может значить «и». С другой стороны, известный ирландский лингвист Р.А.С. Макалистер полагал, что *ipe* является словом неиндоевропейского пиктского языка и означает «сын сестры», приводя к этому параллели из финно-угорских языков.

30. «Камень из пасторского дома», Глэмис, Энгус. Песчаник. Высота около 2,6 м. Находится во дворе пасторского дома рядом с церковью. Памятник, очень похожий на этот, находится в полумиле к юго-востоку от церкви. Камень покрыт резьбой с двух сторон. Сторона, на которой изображены символы, возможно, была выполнена раньше, чем рельефный крест и прочие узоры на другой стороне, частью вырезанные, частью рельефные, но это лишь предположение (ср. фото 39).

31. Камень с символами. Голспи, Сатерленд. Песчаник. Высота около 1,3 м. Этот камень, обнаруженный на поле неподалеку от Голспи и покрывавший каменную цисту, теперь находится в музее в Данорбине, Сатерленд. Возможно, это наиболее совершенный образец камня класса I. Полумесяц заполнен наиболее сложным орнаментом со щитами, когда-либо встречавшимся в этой категории, и «пиктский зверь» также не имеет себе равных по мастерству исполнения деталей. Исключительно тонкая резьба по камню создает впечатление текучего, изящного рисунка. Есть предположение, что эта резьба могла быть выполнена не резцом, как это обычно бывало, а закруженным наконечником небольшого гвоздя.

32. Камень с резьбой. Бургхед, Мори. Песчаник. Высота около 55 см. Этот камень, обнаруженный во время расчистки гавани, теперь находится в Британском музее. На нем вырезан бык. В Бургхеде найдено значительное число таких изображений (ср. фото 14). В этом отношении Бургхед представляет собой своеобразный феномен: во-первых, потому, что здесь быки представлены поодиночке на небольших камнях, а во-вторых, из-за количества бычьих изображений. Обратите внимание на то, как хорошо внутренние завитки на этой фигуре показывают мышцы животного в сравнении с тем, как неумело использован этот прием художником, нарисовавшим льва святого Марка в Книге из Дарроу¹.

33. Евангелие из Эхтернаха. Париж, Национальная библиотека. Символ святого Луки. В начале VIII века нортумб-

¹ Книга из Дарроу (Евангелие из Дарроу) — ирландская рукопись Четвероевангелия VII века, древнейшая дошедшая до нас полная островная рукопись Евангелия. Хранится в Тринити-колледже (Дублин).

рийский клирик Виллиброрд в ходе своей миссии к фризам основал монастырь в Эхтернахе (Люксембург). Монастырь стал важным центром миссионерской работы англо-саксов. Самая известная работа скриптория этого монастыря — так называемое Евангелие из Эхтернаха. Точно датировать манускрипт трудно, однако очень похожая рукопись, также из Эхтернаха, принадлежит к периоду между 703-м и 721 годами. Таким образом, это Евангелие относится приблизительно к тому же времени, что и Евангелие из Линдисфарна, хотя иконографически оба они близко связаны с Евангелием из Дарроу.

34. Камень с резьбой. Грэнтаун, Моришир. Аспидный сланец. Высота 1,2 м. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург.

35. Камень с резьбой. Истертон-оф-Розисл, Моришир. Песчаник. Высота 1,2 м. Обнаружен в трех милях к юго-востоку от Бургхеда. Камень сейчас находится в Национальном музее древностей Шотландии, Эдинбург.

36. Фрагмент резного изображения кабана. Дорс, Инвернессшир. Диорит. Высота около 55 см. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург.

37. Деталь камня с символами из Ноу-оф-Барриана, Бирсей, Оркнейские острова. Хранится в Санднесс-Хауз, Киркуолл.

38. Страница из Евангелия. Кембридж, колледж Тела Христова, VIII век. Изображение орла, весьма напоминающее предыдущую иллюстрацию, заставляет предполагать, что рукопись была написана в каком-то монастырском центре, находившемся под влиянием пиктов, как это, возможно, случилось и с Эхтернахом (судя по символу святого Луки).

39. Плита с крестом. Глэмис, Энгус. Песчаник. Высота около 2,6 м (ср. фото 30). Деталь передней стороны камня с крестом. Ранний образец пиктской рельефной скульптуры; некоторые его части демонстрируют переход от резьбы к технике рельефа. В центре креста находится круг, заполненный орнаментом, как и на кресте с плиты из монастыря в Росси в 12 милях от Глэмиса. Кентавр и зверь по сторонам верхней перекладины креста, видимо, просто заполняют пространство, но композиция в целом производит впечатление спокойствия и достоинства. На обеих сторонах камня из Глэ-

миса мы видим мощные и четкие линии. Этот камень относится к шедеврам пиктского искусства.

40. Плита с крестом. Аберлемно, Энгус. Песчаник. Высота около 2,3 м. Камень находится в церковном дворе в Аберлемно. Его монументальный декор принадлежит к той же стадии эволюции гиберно-саксонского стиля, что и великое Евангелие из Линдисфарна. Здесь мы наблюдаем то же удачное сочетание мощной широты и тщательной обработки деталей. Живость, с которой показаны переплетающиеся звери, и присутствие морских коньков (мотив, отсутствующий в рукописи Евангелия) заставляет предполагать, что влияние стиля, распространенного в Нортумбрии около 700 года, распространялось и за пределы Нортумбрии, на север. Аллен подытоживает свой анализ этого памятника в следующих словах: «Очевидно, что, несмотря на огромную сложность переплетения шнуров, этот орнамент появился отнюдь не случайно, но был предварительно тщательно продуман. Он с полным правом может претендовать на звание самого сложного переплетения, выполненного в камне, из всех дошедших до нас работ». Вытянутые звери со спиральными телами слева от нижней перекладины креста представляют собой образец лап типа «шарик-коготь», характерных для пиктской скульптуры.

41. Обратная сторона камня с крестом из Аберлемно (фото 40). Перед нами — сочетание рельефа и резьбы, похожее на то, что мы находим на стороне с крестом плиты из двора пасторского дома в Глэмисе. В основной области рельефной скульптуры копьё, уздечки и меч представлены резными линиями. В прямоугольном рельефе доминируют два больших символа. С обеих сторон он обрамлен рамкой, заканчивающейся на верхушке камня смотрящими друг на друга головами двух диких зверей. На рельефе показана, судя по всему, одна сцена, изображающая поле битвы с множеством воинов с обеих сторон, пеших и на коне. В правом нижнем углу показан мертвый воин в кольчуге и шлеме со стрелкой, упавший рядом со своим щитом. Птица-падальщик пожирает его труп.

Эта красочная повествовательная картина уникальна для пиктского искусства и является необычным примером светского сюжета в искусстве раннего Средневековья.

42. Камень с крестом. Исси, Энгус. Песчаник. Высота около 2 м. Находится в церковном дворе в Исси, между Миглом и Глэмисом. Крест украшен сложным плетеным орнаментом на верхней и боковых перекладинах, похожим на орнамент креста из двора пасторского дома в Глэмисе. На основании креста мы видим круглые переплетающиеся мотивы, похожие на камень I из Мигла.

По бокам креста показаны ангелы (или скорее серафимы) со спиральями на крыльях, которые напоминают нам служащих ангелов на позолоченной бронзовой пластинке из Атлона, изображающей Распятие (Национальный музей, Дублин). В художавом бегущем воине с копьем и прямоугольным щитом (как у человека внизу в центре на саркофаге святого Андрея) есть нечто демоническое.

43. Обратная сторона камня с крестом из Исси (фото 42). Смысл изображенной здесь сцены неясен. Человеческие фигуры и дерево изображены с гораздо меньшим мастерством, чем превосходные идущие быки.

44. Плита с крестом. Фаулис-Вестер, Пертшир. Песчаник. Высота около 155 см. По сторонам креста расположены фигуры святых Павла и Антония, знаменитых отшельников (или, во всяком случае, две сидящие фигуры). Фигура слева изображена на фоне леса с символическими деревьями. Гротескные сцены в верхней части плиты, видимо, напоминают нам о библейском Ионе и о том, как его выплюнул кит.

45. Плита с крестом. Сент-Видженс 7, Энгус. Песчаник. Высота около 1,65 м. Музей Сент-Видженса. На пересечении перекладин креста расположен центральный медальон с насыщенный орнаментом (как и на камне из двора пасторского дома в Глэмисе). Иконография камня напоминает камень из Фаулис-Вестер, но вдобавок к святым Павлу и Антонию здесь есть любопытное изображение языческих обрядов: поклонение быку или жертвоприношение и человек, которого держат вверх ногами, причем его голова находится то ли на плите, то ли в котле. Возможно, эти изображения не имели для скульптора никакого смысла, и он вставил их сюда чисто по художественным соображениям.

46. Мигл 26, Пертшир. Песчаник. Длина около 1,5 м. Музей министерства общественных работ, Мигл. Деталь опроки-

нутой надгробной плиты. Плита украшена резьбой сверху, на двух длинных и двух коротких сторонах. Показанная здесь центральная группа в процессии всадников изображена весьма детально: они едут один за другим, а один всадник, поменьше, как будто уже уехал куда-то вдаль. Этот живой и зрелищный эффект показывает, что скульптор в полной мере использовал эстетические возможности скульптуры в низком рельефе.

47. Плита с крестом. Вудрей, Энгус. Песчаник. Высота около 1,7 м. Обнаружена в фундаменте замка Вудрей в двух милях к северу от Аберлемно. Теперь хранится в Национальном музее древностей в Эдинбурге. На камне изображен целый ряд чудовищных зверей, что характерно для этой стадии развития пиктского искусства.

48. Плита с крестом. Данфалланди, Пертшир. Песчаник. Высота около 1,5 м. Расположена в Данфалланди, в двух милях к юго-востоку от Питлохри, но ранее находилась в часовне близ Килликрэнки. Рельеф на задней части плиты обрамлен двумя монстрами с головами волков и рыбьими хвостами; их высунутые языки облизывают голову человека на верхушке камня, развивая, таким образом, принцип обрамления, который мы уже наблюдали в сцене битвы из Аберлемно. Большой крест на передней части плиты украшен выступающими шишками. С обеих сторон креста изображены фантастические звери, типичные образчики пиктского «бестиария», как и на кресте из Вудрея.

49. Плита с крестом. Сент-Видженс, Форфаршир. Песчаник. Высота около 1,5 м. Музей Сент-Видженса (ср. фото 52). По обеим сторонам креста — гротескные чудовища разнообразной формы, показанные с разных точек зрения.

50. Надгробный камень. Брех-оф-Бирсей, Оркнейские острова. Песчаник. Высота 2,1 м. Национальный музей древностей Шотландии, Эдинбург. Деталь рельефа, показывающего трех воинов с копьями и квадратными щитами. Предводитель группы на этом ассирийского типа фризе вооружен лучше остальных. Камень был найден в фрагментах на западном конце тройного погребения. Предположение, что трое погребенных в могиле и есть трое воинов, показанных на рельефе, представляется гораздо более вероятным, чем гипотеза, согласно которой воины прямо связаны с изображенными над ними четырьмя символами.

51. Ларец Фрэнкса. Китовая кость. Длина 22,5 см, ширина около 17 см. Британский музей, Лондон (одна панель — в Национальном музее во Флоренции). Возможно, изготовлен в Нортумбрии около 700 года. Волчица на показанной здесь сцене с Ромулом и Ремом и лошадь на панели из Флоренции напоминают резные пиктские изображения животных. Светская манера и иконография ларца Фрэнкса дают нам одну из немногих параллелей к сцене битвы из Аберлемно. Вероятно, именно такие небольшие переносные предметы, как этот ларец, способствовали художественному обмену между Нортумбрией и страной пиктов.

52. Резной камень. Сент-Видженс 1, Энгус. Высота камня в целом составляет около 1,1 м (ср. фото 26 и 49). Помимо трех символов, камень украшен натуралистическими изображениями зверей в различном масштабе. Судя по всему, сюжеты с животными не связаны друг с другом. Они выглядят так, как будто взяты из книги с образцами стереотипных рисунков. Некоторые, как, например, лань, кормящая детеныша, являются достаточно архаичными. Фигура лучника встречается на камнях класса II.

53. Плита с крестом. Мигл 4, Пертшир. Песчаник. Высота 1,5 м (в целом). Музей Мигла. На верхней части плиты мы видим близко расположенные друг к другу изображения всадников, животных и пиктских символов. Между ними вплетены замысловато переплетенные змеи. Их изящные и сложные извивы напоминают стиль англо-датских урн.

54. Мигл 4. Сторона с крестом. Животные, обрамляющие верхнюю перекладину креста, столь же изящны, как на плите из Данфалланди. Рамки, превращающиеся в животных в верхней точке камня, — мотив, который часто встречается на плитах с рельефами.

55. Деталь каменной плиты. Мигл 26, Перт. Песчаник. Длина камня 1,5 м. Впечатляющий монстр, хвост которого перевит змеей, весьма напоминает по замыслу извивающихся змей на фото 53.

56, 57. Плита с крестом. Мигл 2, Перт. Песчаник. Высота около 2,4 м. Музей Мигла. Эта монументальная плита с крестом, хотя и выветрившаяся, до сих пор впечатляет своей богатой пластикой и размерами.

58, 59. Плита с крестом у дороги в Аберлемно, Энгус. Песчаник. Высота около 2,78 м. Изображения на этой большой плите с крестом отличаются необыкновенной сдержанностью и уравновешенностью. Два ангела с опущенными крыльями по обеим сторонам креста как будто погружены в глубокую скорбь, что резко контрастирует с гротескными зверями пиктского «бестиария», которых обычно изображают на этом месте. По настроению плита предвосхищает романское искусство.

На обратной стороне показаны в увеличенном виде символы, характерные для поздней фазы пиктского искусства. Охотничья сцена, очевидно, выполнена художником, который был знаком с камнем из Хилтон-оф-Кадболл или его прообразом (см. фото 60). В самом низу возникает образ библейского Давида¹.

60. Плита с крестом. Хилтон-оф-Кадболл, Россшир. Песчаник. Высота около 2,3 м. Национальный музей древностей, Эдинбург. Сторона плиты, на которой был нарисован крест, стерлась. На верхней половине оборотной стороны три колоссальных символа говорят о полном забвении традиционных мотивов заполнения фигур. В центральной части показана типичная сцена охоты, где обращают на себя внимание женщина-всадница и сопровождающие ее трубачи. Мотив трубкообразной спирали под сценой охоты и орнамент из тонких листочков и птиц в обрамлении рельефа выглядят хрупкими и сложными, напоминая искусство Мерсии начала IX века.

61. Плита с крестом. Нигг, Россшир. Песчаник. Высота около 2,3 м. Церковный двор в Нигге. Величественный крест обрамлен едва ли не наиболее выразительными образцами рельефных шишек в пиктском искусстве. Шишки, покрытые тонким переплетающимся узором, окружены выпуклыми змеями. Скульптор демонстрирует технику высочайшего класса. Камень из Нигга — одно из величайших творений абстрактного стиля гиберно-саксонской школы. Фигурная скульптура, изображающая святых Антония и Павла вверху камня, является скульптурной параллелью к изображению фигур в Евангелии из Келлса. На обратной стороне плиты мы видим сильно поврежденную фигуру Давида.

¹ См. рис. 37, в.

62—64. Саркофаг из Сент-Эндрюса. Сент-Эндрюс, Файф. Песчаник. Длина после реконструкции около 1,72 м, высота около 0,7 м (от основания до шатровой «крыши»). Боковые панели, обрамляющие основную скульптурную панель, стилистически близки к камню из Нигга (фото 61) как по качеству рельефа, так и по тонкости контраста текстур. Крестообразные торцовые панели близко связаны с плитами с крестом. Центральная панель сочетает величественный классицизм (в основной фигуре Давида) с романтикой и лиризмом в изображении людей и животных среди переплетенной листвы слева. Саркофаг считается одним из шедевров европейского искусства, своего рода пиктским вкладом в Каролингский Ренессанс.

65. Девичий камень. Часовня в Гариохе, Абердин. Красный гранит. Высота 3 м. Расположен в миле к западу от часовни в Гариохе на северном склоне Майзер-Тэп, Абердин. Этот мощный памятник с его величественными фигурами — яркий образец красноречивого, почти что хвастливого показа пиктских символов, характерного для пиктского искусства накануне его исчезновения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	7
Предисловие автора	10

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Северные племена	14
Археологические памятники до пиктов	20
Пиктский язык	30
Племенные обычаи пиктов	33
Территориальное деление в исторический период	37
Четыре королевства	40

Глава 2. КОРОЛИ ПИКТОВ

Царствование Бриде, сына Маэлкона	49
Пикты и Аэдан, сын Габрана, король Дал Риады	54
Пикты и Нортумбрия	58
Царствование Нехтона, сына Дериле, и приход к власти Энгуса, сына Фергуса	68
Энгус и Дал Риада	72
Энгус и бритты Стратклайда	74

Глава 3. ЦЕРКОВЬ И ПИКТЫ

Язычество пиктов	77
Ниниан	79
Колумба	83
Данные посвящений	90

Спор о Пасхе	94
Реформированная пиктская церковь	99
<i>Глава 4. КОНЕЦ ПИКТСКОГО КОРОЛЕВСТВА</i>	107
<i>Глава 5. ПИКТСКОЕ ИСКУССТВО</i>	122
Датировка и стиль класса I	134
Датировка и стиль класса II	149
Светские изображения	157
Эклектизм в пиктском искусстве	167
Христианская иконография	170
Значение символов	185
ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ...	189
Королевские списки	191
Ирландские анналы	195
Подписи к фотографиям	200